

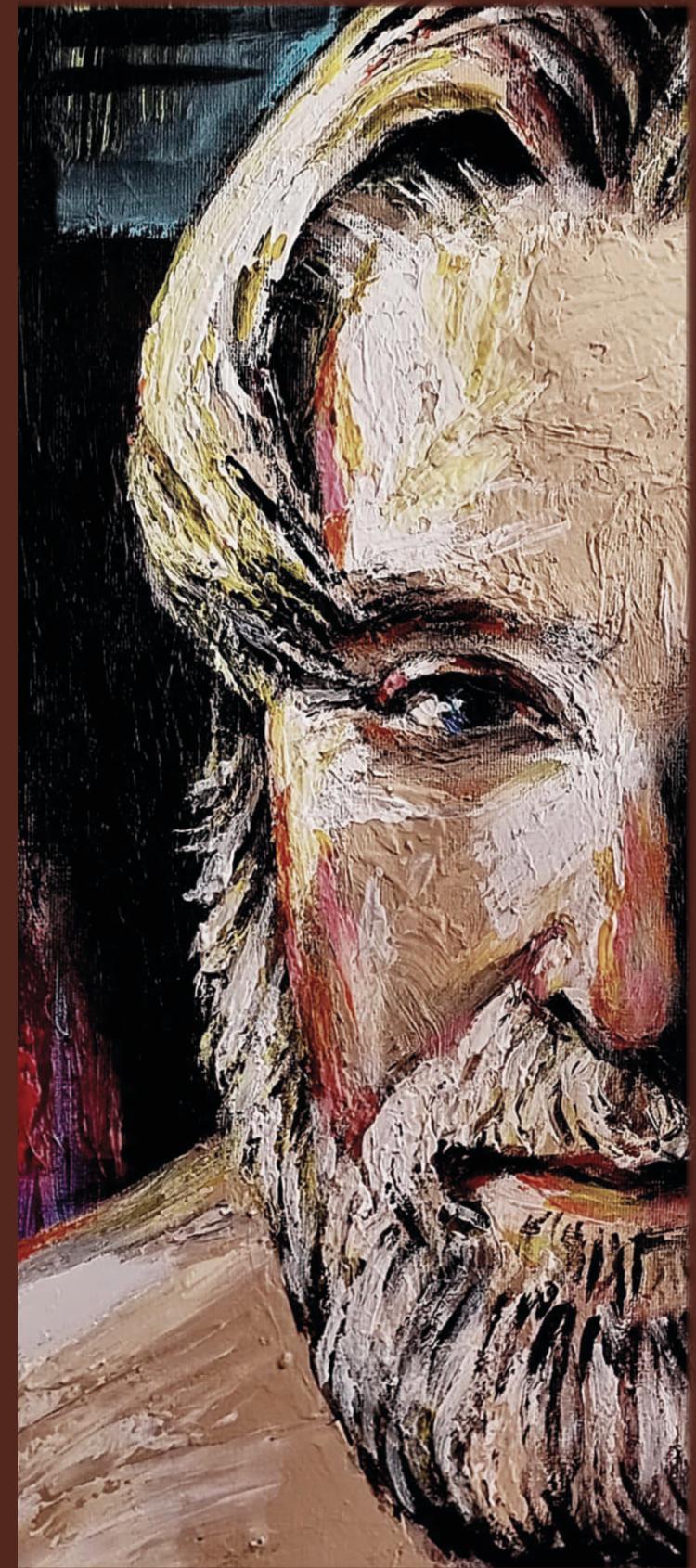
А. Острецкий В одном большом фраконе

Аркадий Острецкий

и красота,
и простота,
смех, грех
и суёта –
и всё
это

В одном большом **ФРАКОНЕ**

АРТ-СИМБИОЗ
Альбом картин,
стихов и прозы

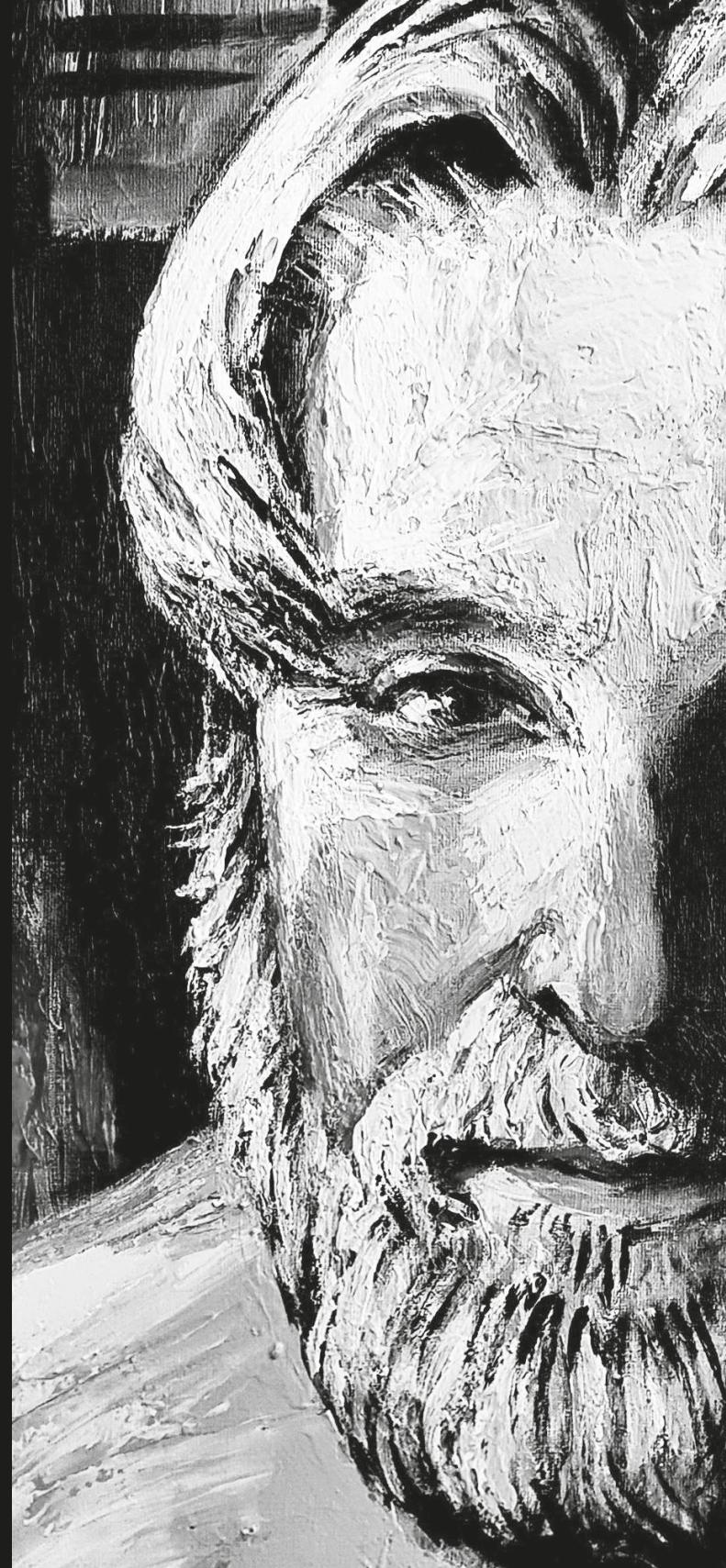
Аркадий Острецкий

и красота,
и простота,
смех, грех
и суёта –
и всё
это

в одном большом
флаконе

АРТ-СИМБИОЗ
Альбом картин,
стихов и прозы

BettNelly
media

Рисую, сколько себя помню. Мой отец, инженер и изобретатель, в совершенстве владел всеми видами черчения и техническим рисованием. Благодаря великолепному знанию механики, мог создать и рассчитать любую конструкцию. В нашей квартире всегда стоял чертёжный прибор, сначала простой, с рейсшиной, а потом и большой кульман. Отец и дал мне основные понятия о пропорциях, перспективе и неплохо рисовал от природы. Мой талант – это, в какой-то мере, его наследие, которое мне удалось развить, в том числе, и серьёзным образованием.

Зрелище – мой образ жизни. Воспринимая мир, в основном, через зрительные образы, пытаюсь создавать свои. Я настоящий раб картинки, но это меня не огорчает, а даже радует. В памяти храню большинство привлекших моё внимание изображений. В равной степени увлекаюсь как средствами искусства, так и создаваемыми образами. Творчество для меня источник вдохновения и жизненной силы.

Уважаю все стили и направления, идущие от души и разума. Сам перепробовал многие. Единственное, что не приемлю в искусстве, – это бездушие и бездарность. Настоящее как в искусстве, так и в жизни встречается нечасто. Всегда узнаю его по главному признаку – оно дает очищение и сопереживание.

Инсталляции, мобили, световые эффекты, лазерные и голограммические иллюзии, объемные конструкции, пятна и пустоты на холстах стали частью интерьеров и вносят свой отчасти ассоциирующий, но, подчеркиваю, по большому счёту, лишь организующий пространство или плоскость, декорирующий вклад. Этому творчеству никогда не подняться до глубины фигуративных произведений, особенно, если те сделаны с умом, талантом и душой.

Люблю человека как вид, ищу в нем прекрасное, потому что красота – моя религия. Ищу и нахожу ее, так как она в человеке есть всегда. Люблю прелесть красивых тел, женских и мужских. Нагота не смущает моих этических чувств. Допустим, в человеке еще много чего намешано, но это уже не по моей специальности. Я специалист узкий. Моих зрителей меньше, но они нормальные люди, и настоящая красота для них – не пустой звук, а удивительное, восхищающее, покоряющее душу явление.

Цель искусства – вопрос. Цель философии – ответ. Цель философского искусства – как глубина, так и недосказанность. Поэтому я люблю метареализм. Это философское искусство. Здесь налицо удачный союз. В нем есть метафора, иногда – метабола (невременные перемещения и превращения) и призыв к размышлению. Когда-то в начале 90-х годов прошлого века я увлекся сюрреализмом и весьма удачно. Но однажды понял, что как бы я ни изощрялся приёмами и формами, все равно буду лишь строить дополнительные декорации в театре, полностью и до конца обыгранном великим Сальвадором Дали. Тем более, что сюрреализм – это не философия, а лишь ее имитация. Он обращается не к сознанию, а к подкорке. Это, конечно, тоже занимательно, но и найти метафору с интересным зрительным рядом – дело очень непростое. А зашифровать второй образ так, чтобы он спрятался до поры от зрителя, а проявившись, заслонил собой первый? А мысль тоже должна быть не слабой – тут есть и психология, и философия, сопротивление материала. Вот такие мои игры: красота и философия.

Люблю исторические, мифологические и библейские темы. Это как написать роман. Начинаешь изучать этнографию, обычай,

законы и быт изображаемого времени. Тут и одежда, и оружие, и прически, и типажи, и выражение лиц... Чтобы написать «Исход», мне пришлось, как ученику, целый месяц ежедневно с утра до вечера заниматься в библиотеке факультета археологии Тель-Авивского университета, изучая эпоху фараонов XVIII и XIX династий. Столь древний материал никогда не бывает полным и тем самым дает широкий простор для фантазии и размышлений.

Многофигурные картины я пишу почти без эскиза (разве что маленький карандашный набросок на бумаге). Сделав почти монохромный грубый замес на холсте, организую композицию. Потом начинаю высматривать в пятнах образы своего сюжета. Далее прописываю главный персонаж почти полностью в цвете (называю это «камертоном для настройки», как в музыке). К нему начинаю «подтягивать» фигуры и предметы переднего, третьего плана и т.д. Этот метод позволяет мне, следя за целостностью композиции, оставаться в состоянии импровизации до конца работы, сохраняя свежесть и гибкость восприятия.

Пишу портреты. Довольно уверенно чувствую себя и в области психологического портрета. Никто из серьезных профессионалов не будет утверждать, что видит внутренний мир человека по одной лишь внешности. Слежу за деталями, отделяя приобретённые от врождённых. Тут главное – это не перебрать возраст. В итоге портрет передаст характер модели. Много зависит от интуиции. Поэтому по одной фотографии я вообще не работаю, а лучше всего – с натуры. Добавляется общение – важнейший фактор.

То, что было сказано, не значит, что мне не интересны пейзаж и натюрморт, но их роль в моей работе – тема отдельного разговора. Я всегда пишу их по-разному, не зацикливаясь на стилевом

единстве. Не могу ограничивать себя строгими сухими рамками и выдавать это за «особое видение». Люблю и деталь, и гладкую плоскость, и крупную форму, и фактуру, и мазок, и линию. Могу изменять, ломать, гнуть, закручивать формы и перспективы. Применять приходится все средства, необходимые для раскрытия темы, используя достижения различных стилей от классики до импрессионизма, экспрессионизма, модернизма и пр. Тема меня ведёт. Уверен, что в работах современного автора должны прочитываться следы и достижения всех эпох.

Уже в зрелом возрасте начал писать стихи и даже прозу. Нередко сочетаю их с картинами. Что здесь первично, а что вторично, сам не возьмусь сказать. Стихи зачастую тоже бывают фигурными, собой создавая формы или силуэты. Или они иллюстрируют картину, или картина помогает лучше понять стихи. Все это идет от моей природы. Бороться с ней бесполезно и глупо.

Считаю себя современным художником. Не зависаю на достижениях начала XX века, напрочь забыв весь многовековой опыт прошлого, по крупицам собранный лучшими представителями человечества. Лишь немногим дано стоять на обеих ногах. Предпочитаю быть как можно ближе к этому меньшинству.

Хоть это и смешно, но то, что рождён под знаком близнецов, заметно в дуализме мышления и восприятия. В творчестве не останавливаюсь на однажды выбранном стиле и приёмах, ищу возможности совмещать разное в единстве. Синтез несовместимого – есть то, что ищу и чего добиваюсь.

Аркадий Острицкий

В работах Аркадия живопись становится не просто видом искусства — она превращается в язык. Язык, на котором говорит душа. Язык, на котором время вспоминает себя, история оборачивается лицом, а мечта обретает форму.

Он работает с разными сюжетами, техниками, состояниями — и каждый раз находит в них суть. Суть момента. Суть образа. Суть жизни. Аркадий не только живописец, но и поэт — его поэтическое мировосприятие проникает в каждую линию, в каждый цветовой аккорд.

Его библейские картины — это не иллюстрации. Это видения. Пророческие, величественные, пронзительно человеческие. Давид побеждает Голиафа — и над полем битвы расходятся лучи неба, будто сама история склоняется перед храбростью. Исход из Египта — не просто массовая сцена, а хоровое движение веры. Исход из Египта — одного из центральных событий библейской истории, в котором израильтяне покидают землю рабства, ведомые Моисеем, навстречу свободе и Завету. Художник изображает драматический момент великого переселения — многолюдную процессию, охваченную светом надежды. В эпицентре композиции — мощная фигура Моисея в красной одежде, с поднятой рукой, призывающей к движению вперед. Вокруг него — целый народ, сплоченный общей целью и верой. Картина передаёт не только масштаб исторического события, но и личные судьбы, раскрывая множество индивидуальных характеров: заботливая мать, охраняющий свою семью воин, девушка с арфой, Мужчина с агнцем — всё это делает сцену глубоко человечной и личной, так как автор изобразил на этой картине лица своих родных и близких. Ной, ковчег и радуга — о спасении, которое приходит, когда кажется, что всё потеряно. Всё это — живопись на грани между светом и текстом. Эпизод встречи Ревекки с Элиэзером у колодца наполнен как символическим, так и человеческим содержанием.

Художник передаёт сцену с большим вниманием к этнографическим деталям. В центре композиции — момент, когда Ревекка предлагает воды Элиэзеру, посланнику Авраама, который ищет жену для сына своего господина. Женщина изображена в красном одеянии с белым платком, склонившаяся с кувшином — символом щедрости, скромности и будущей судьбы. Эта картина — воплощение духовного выбора, древнего мира с его нравственными ориентирами и тихим величием библейского повествования. Аркадий Острицкий мастерски соединяет реализм с духовной поэтикой, создавая произведение, обращённое к памяти, вере и традиции.

Образы женского тела у художника — это не эротика, а поэзия. В них нет провокации — есть обнажённость как форма света, дыхания, мягкого молчания. В работах «Нептун и Нимфа», «Русалка», «Пробуждение» женщина предстает как часть природы — она из той же ткани, что и волна, раковина, камень, небо. А в серии рисунков сангиной, углём, сепией — присутствует пластика, движение, внутренняя тишина модели. Это школа. Это честь. Это уважение к телу как к храму.

Иногда мастер уходит вглубь образа: Сизиф, в напряжении вечного; рыцарь, не показывающий лица, но раскрывающий сердце; корабль цивилизации, стоящий на грани обрыва; фантастический храм, которому поклоняется толпа безликих фигур — и в лицах на первом плане — короли, старцы, шуты. Это размышления о власти, вере, толпе и одиночестве. Это не прямой ответ, а загадка, в которой каждый зритель слышит своё.

Но в его работах есть и другая тональность — светлая, лиричная, влюблённая в жизнь. Он пишет маленькие улочки, лодки в бухтах, гондолы в Венеции, цветущие балконы, кафе на набережной. Это ностальгия по красоте, которую можно найти в тени дерева, в капле воды, в движении паруса. Тут и пейзаж с одинокой фигурой, рыбац-

кий порт ночью, лодка, затерянная в водорослях, влюблённые в барке среди светящихся вод. Это картины о том, как тишина может быть наполнена чувствами. О том, как любовь может быть сказана без слов.

Художник не разделяет жанры — он объединяет состояния. Его творчество — это не набор техник, а единая ткань. Он может быть академичным, символичным, эпичным, реалистичным.

Аркадий — мастер, которому интересен человек — и через библейского героя, и через уличного музыканта, и через женщину в тишине, и через толпу без лиц. Но всегда — через взгляд, жест, свет, который он вкладывает в свои работы.

Отдельной светлой линией в многогранном творчестве живописца звучит тема ремесла, работы, простого человеческого дела. В картинах «Сапожник», «Портной» и других подобных сценах — вся суть еврейского местечкового мира: скромного, тёплого, наполненного юмором, достоинством и уважением к труду.

Эти образы не идеализированы — они живые, настоящие. Аркадий передаёт не просто профессию, а отношение к делу, любовь к ремеслу, внимание к деталям, которое становится философией. Здесь в улыбке — свет, в лампе над головой — тепло, в складках ткани или форме обуви — история.

В этих картинах важна не только пластика, но и цвет. Мастер пишет в богатой, почти театральной гамме: красные, изумрудные, охристые тона создают ощущение сцены, освещённой не только лампой, но и внутренним светом персонажей. Это быть, возведённый до образа, ремесло, ставшее символом памяти.

В своём натюрморте Аркадий продолжает диалог с миром через язык материи. Эти картины — гимн вещественности, земному,

плодоносящему, наполненному жизнью. Гранаты, перцы, тыквы, орехи — каждая форма, каждая складка кожицы, каждая световая блик — словно плод мира, сотворённого с любовью. Художник пишет внутреннюю суть природы, её щедрость и тайну.

Особую силу несёт работа с цветом: огненно-красные и алые тона пульсируют, как кровь, как внутренний свет. Семена, срезы, мякоть — всё это превращается в микро-вселенную, в откровение, в телесную метафору. В этих полотнах чувствуется связь с древним искусством — от античных фресок до натюрмортов Караваджо. Но в творчестве Аркадия натюрморт не статичен. Он живой, почти дышащий. Это жизнь в моменте её полноты.

Его картины — это не собрание сюжетов, а единое художественное пространство. Это живопись, в которой Библия говорит на языке света, где улицы Венеции наполнены тишиной, а судьбы героев древности — нашей болью и верой. Это искусство, которое не просто нравится. Оно остаётся с тобой. Оно просится не в коллекцию — в память. Оно не требует комментария — оно говорит само за себя.

Я наблюдаю за творчеством Аркадия уже почти двадцать лет. За это время он стал для меня не только художником, чье искусство вдохновляет, но и другом, чья преданность живописи и поэтическому взгляду на мир вызывают глубокое уважение. Его работы — это не только путь мастера, но и путь человека, который умеет слышать невидимое и говорить с нами через красоту. Работы Аркадия — это зеркало его внутреннего мира, и именно в этом честном отражении заключается их особая сила и неподдельная ценность.

**Андрianne Жудро,
художник, куратор выставочных
проектов.**

Аркадий Острицкий, известный современный еврейский художник, чьи работы признаны в мире, создал важное культурное наследие. Книга, посвященная его творчеству, является не только собранием его работ, но и глубоким исследованием его художественного и философского пути.

Визуальная подача

С первых страниц книга привлекает внимание своей визуальной подачей. Высокое качество печати, внимание к цвету и деталям превращают каждую репродукцию произведения в настоящий шедевр. Такое оформление позволяет читателям наслаждаться не только содержанием, но и эстетическим совершенством издания.

Структура книги

Книга тщательно составлена, что позволяет читателю пройти через разные этапы творческого пути Острицкого. Начав от зрелых мастерских произведений, отражающих глубокие философские размышления, постепенно приводит и к ранним, полным поисков и исследований собственного стиля. Введение и комментарии к каждой главе раскрывают контекст и намерения художника и дают ценную информацию о процессе создания работ. Картины настолько органично синтезированы с текстами в поэзии и прозе, что даже сложно сказать, что из них доминирует. Этот подход и в основе книги.

Тематические аспекты

В центре внимания творчества Аркадия Острицкого всегда была еврейская тема. Его работы пронизаны символами и мотивами, отражающими еврейскую историю, традиции и мифологию, в том числе и античную мировую. В книге рассказывается и о том, как эти культурные элементы переплетаются с личным

опытом художника, создающим уникальные многослойные произведения.

Художественные навыки

Аркадий Острицкий демонстрирует высочайший уровень мастерства в своей работе. Использование разнообразных технологий и материалов, от традиционных до современных, демонстрирует приверженность инновациям и постоянному развитию. В книге подробно описаны его методы, позволяющие читателю оценить технические аспекты работы.

Влияние и признание

Творчество Аркадия Острицкого оказало огромное влияние на современное искусство. Его работы выставлялись в музеях и галереях по всему миру, что свидетельствует о признании его вклада в искусство. В книге подробно объясняется это влияние, подчеркивается важность его творчества как для еврейской культуры, так и для мировой цивилизации.

Выход

Книга о творчестве Аркадия Острицкого – ценное издание, позволяющее лучше понять не только искусство, но и индивидуальность художника. Книга представляет интерес не только для искусствоведов и профессиональных художников, но и для широкой аудитории, интересующейся культурой и современным искусством. Это не просто альбом с репродукциями, а целое исследование жизненного и профессионального пути одного из значительных художников современности.

**Елена Жаровская,
Советник мэра Иерусалима**

Интервью с автором книги
Аркадием Острицким

Ася ТЕПЛОВОДСКАЯ

Доктор филологии, писатель,
драматург, литературовед,
журналист, редактор
журналов «Мысль»,
«Русское Литературное Эхо»,
координатор международного
конкурса поэзии в Израиле им.
Владимира Добина

Аркадий Острицкий — ровесник Государства Израиль. В этом году ему и Государству исполнилось семьдесят шесть лет. Для государства это малая толика, для Аркадия Острицкого — большая часть жизни и творчества.

Я уже писала, что часто разные виды искусства взаимосвязаны. Так и в творчестве Аркадия Острицкого тесно переплелись картины и стихи. И вот готова к печати его новая книга «В одном большом флаконе...» Познакомившись с книгой, могу сказать, что содержание напоминает мне сгусток жизни, сегодняшней и прошлой, а где жизнь, там и любовь, и эротика, и прекрасный мир вокруг нас... и война — и все это глазами художника. Художники — люди общительные и часто любят посидеть за бокалом вина, общаясь с друзьями. Так вот эта книга — именно такое дружеское и доверительное общение с другом-читателем и другом-зрителем. Аркадий Острицкий много вложил в эту книгу и как художник, и как литератор. Надеюсь, что читатель и зритель будут на одной волне с автором. А у меня возникли вопросы к Аркадию. Так получилось это небольшое интервью.

А.Т.: Аркадий, расскажите, пожалуйста, о своих родителях, повлияли ли они на ваш будущий выбор в жизни?

А.О.: Мне случилось родиться в ассилированной еврейской семье. Религию и историю своего народа многие годы не знал, так как их преподавание в СССР находилось под запретом. Даже в спорах с антисемитами иногда попадал впросак — они знали в этой области больше меня. В их домах была Библия.

Моя мама, Капелюс Рива Борисовна, всю жизнь с молодых лет работала главным бухгалтером от министерств и до самых

разных предприятий, а на пенсию ушла с должности начальника финансового отдела кишинёвской филармонии. Как бессмертный персонаж Ильфа и Петрова, она могла производить все четыре арифметических действия с четырёхзначными числами в уме и бравировала этим. Все годы она помнила в лицо тысячи человек, но к концу жизни, уже будучи в состоянии деменции, не узнавала себя в зеркале. Честность у неё зашкаливала, что, разумеется, отрицательно сказывалось на нашем семейном благосостоянии. В документах у неё был строжайший порядок и закон, важное начальство это уважало и воровало без её участия, но премировать маму не забывало, а это всё-таки плюс!

Как мама повлияла на меня в смысле реализации способностей, не скажу однозначно. Она была очень трудолюбива, требовательна к выполнению мной заданий и к своей работе. Очень огорчалась, что мои математические способности не соответствовали её критериям, но это судьба! Зато, благодаря ей, я научился доводить все дела до конца.

Папа, Герш Аронович Острицкий, выходец из одесской бедноты (десять человек детей было в семье деда, а мой папа был вторым по списку), воевал, был ранен и награждён, имел два высших технических образования и был довольно известным изобретателем в Молдавии. Он рассчитывал конструкции и свои, и всего бюро, при этом очень сокрушался по поводу неумения считать среди современных молодых инженеров. Задачки по сопромату щёлкал как семечки, уже будучи на пенсии. Так он отдыхал. Художественную литературу он не уважал, но рисовал неплохо. Отсюда, как видно, и мои способности художника. Что важно: у него была большая коллекция репродукций живописи и альбомов.

Я рос единственным ребёнком в семье, под присмотром своей «идише-мамы» и строгой няни немецко-румынского происхождения, Елены Карловны. В интеллигентных семьях это не было редкостью. У неё был безупречный русский и богатое знание литературной классики разных стран и народов. Оттуда и моя природная грамотность. В школе мне тоже повезло с учительницей языка и литературы. Все, кто учились у Аси Николаевны, вышли грамотными людьми.

На антисемитов мне тоже везло, но это уже относится к другой области знаний...

А.Т.: Кем вы мечтали быть в детстве?

А.О.: Конечно же, героем-лётчиком или отважным капитаном. Напротив дома – магазин «Военная книга». Весь перечитал. Почтенная дама, видимо, жена кого-то из важных военных, очень уважала маленького любопытного очкарика и доверяла мне по одной-две книги классиков домой, а пятикопеечные брошюрки из «Библиотечки советского воина» я сам гордо покупал за свои. Зато про оружие и героев знал много и рассказывал во дворе. Магазин «Пионер» был полон моделей кораблей и самолётов, а неподалёку и аэроклуб «ДОСААФ». Ещё мы бегали через весь город на аэродром смотреть, как взлетают самолёты. Однако, в итоге, сложилось иначе. Учился архитектуре, живописи и педагогике, стал художником – служителем муз. Поэзия намного позже пришла в мою жизнь – как же такому романтику и без неё?!

А.Т.: Почему поступили в строительный техникум на архитектора? Это был ваш выбор?

А.О.: По настоянию папы. Через два года осознал ошибку и исправил.

А.Т.: Аркадий, как вдруг из архитектора вы плавно решили стать художником?

А.О.: Понял, что не смогу всю жизнь рисовать дома и домики. Природа и люди – вот мои темы. Ещё строгость архитектурного рисунка сковывала полёт моей фантазии. Мои игры гораздо шире. Жёсткая графика тоже не моё. Для меня пятно, фактура и пространство важнее линии и плоскости.

А.Т.: Почему в сорок лет решили дальше учиться? Обычно в это время уже достигают много в профессии.

А.О.: Ну, это совсем простой вопрос. Все вокруг были с высшим образованием, а я что, белая ворона?

Профессии я никогда не изменял. После техникума рисовал рекламу фильмов в кинотеатре, сразу после училища работал в кино художником-мультипликатором, потом опять много лет рекламистом и оформителем, а также книжным графиком, выставлял свои акварели на республиканских и всесоюзных выставках СХ, преподавал в Республиканском дворце пионеров, школах и клубах. О моих работах знали коллеги, их отмечали госкомиссии, но обо мне ничего не писали (о причинах можно только догадываться).

Поступил в институт легко, учился (без ложной скромности) блестяще. Новой науки там для меня почти не было. По просьбе педагогов больше помогал другим, чем сам накапливал знания. Сдавал «на отлично» зачёты и ждал диплома, но жизнь распорядилась иначе...

А.Т.: Зачем решили оставить учебу и перебраться в Израиль?

А.О.: Уезжал из СССР и Молдавии. Буйный «Народный фронт», угрозы соседей-антисемитов, ощущение надвигающегося поли-

тического краха системы и безвластия «смутных времён» подсказали, что если не сейчас, то потом может быть поздно.

Израиль полюбил с первого дня. Трудности абсорбции, непризнание диплома (смех!) воспринял как мелочи быта. Всё равно преподавал. Я свободу жизни и творчества ощущал кожей. Какое богатство пейзажа и красот! Все климатические зоны в одной маленькой стране. Климат мне не мешал – всё-таки, как-никак, южанин. Окунулся с головой в историю, фильмы, картины, оформление книг и учебников, выставки и заказы. Что дало бы мне продолжение учёбы в умирающей распадающейся проворовавшейся стране?

А.Т.: Как вы думаете, насколько успешным был ваш путь художника в Израиле?

А.О.: Что такое быть успешным, это вопрос вопросов. Я никогда не был богатым (квартира и машина не в счёт), а без настоящих денег и связей строить карьеру ни тут ни там уже не удалось бы. Насколько сложилось, не знаю. Есть объединения и союзы, музеи, галереи, выставки, публикации, фильмы, пленэры за рубежом и интервью СМИ, победы во многих международных конкурсах. В мире меня не так, как, может, хотелось бы, но всё же знают. Делаю то, что нравится, а это не каждому дано и «дорогого стоит».

А.Т.: В книге вы пишете, что художник любит изображать красивое человеческое тело. Это прекрасно. А как же с головой этого тела?

А.О.: У меня сотни портретов, включая заказные, в разной технике, а в одной из исторических картин более тридцати конкретных лиц в разных состояниях с соблюдением композиции, перспективы и деталей, характеризующих эпоху. И это не «почеркушки», а серьёзные психология и живопись. А если упомянуть о головах

женских обнажёнок, то они привлекательны не меньше, чем их тела. Это не один я заметил, а многие как на выставках, так и в сети.

А.Т.: Вы пытаетесь совместить синтез несовместимого. Но, может, это фактически невозможно?

А.О.: А если очень хочется? Всерьёз скажу вот что, посмотрите на мои метареалистические работы. Как совмещается девушка с водопадом, свеча с двойным портретом, римский цирк с ruletkой, ржавый рыцарь и прекрасная дева в его сердце?.. Посмотрите, как стих о любовном совете буддийского мудреца превращается в пагоду, а о Нептуне и нимфе – в античную вазу, сон об ушедшей любви – в сам предмет этой любви и т.д.

А.Т.: Аркадий, вы замечательный разноплановый художник. Почему стали писать стихи?

А.О.: Рифмованные строки приходили ко мне с детства, но превращались исключительно в собственный наивный смех. Друзья, начинающие поэты, читали мне многозначительное своё, которое не выдерживало даже моей беглой критики. Так я стал обязательным слушателем их произведений и судьёй для вынесения по ним приговора. Однако случались и талантливые. Они становились моими друзьями надолго и объектами уже моей белой зависти. Настоящим критиком я тоже не стал, но и своё не записывал. Так оно и умирало, не родившись. В армии начал писать, но скёг дневники. Причина описана в рассказе «Мой майор». Я много работал в рекламе, в кино, в графике – буквально днём и ночью. Тогда тоже было не до стихов. Семья, маленькая дочка... Так прошло много времени, а стихи продолжали приходить и умирать. Получилось, что лишь во времена горбачёвской «перестройки», наслушавшись арбатских горлопанов, уже начал

писать «в стол». Можно сказать, что «перестройка» родила поэта. Потом уже в Израиле опять друзья-поэты, но уже настоящие... Показал своё и получил совет – публиковать. Дальше вы знаете. «Ничто на земле не проходит бесследно...»

А.Т.: У вас в книге есть прозаические рассказы. Но о прозе вы даже не упоминаете. Гордитесь картинами и стихами...

А.О.: Это, наверное, потому что там нет «синтеза несовместимого». Шучу, конечно. Что ж, придётся сказать и о прозе. Не пишу сентиментальных душепитательных историй и, надеюсь, что не буду, хотя зарекаться от чисто художественных произведений я бы не стал. Моя нынешняя проза практически вся автобиографическая. С моей точки зрения, описанные в ней события могут представлять интерес и для чтения. В общем-то, мне есть о чём поговорить «за жизнь». Посмотрим, что на это ответят читатели. Время покажет!

А.Т.: Как родилась идея этой книги? Не слишком ли много у вас смешано в одном флаконе?

А.О.: Идея родилась после выхода книги «Дюжина волшебников», тоже с картинами и стихами. Дело в том, что пока я пишу картину, мне прилетают строки, записываю их, а бывает, что стих рождает идею картины. Но вот второй вопрос не только ваш. Он волнует и меня, но так и не находит ответа. Так у меня получилось, так я чувствую и так вижу...

А.Т.: Почему именно так построена ваша книга?

А.О.: Сложно сказать. Тут много спонтанности, но есть и конструктивные соображения. Здесь принцип шоу, к которым успел привыкнуть современный пользователь сети. Сначала зритель-чтатель видит картины в сопровождении стихов, затем те и другие

выходят в автономное плавание. Всерьёз обо всём «социально и сердито», а потом «о мире и войне». Весёлой эту тему не назовёшь. Однако во всё вплетается тема любви. Надоедает серьёзность – появляются пародии и юмор. После «сказок-басен» – к «метафорам в картинах и стихах». От биографических тем входим в исповедальную и любовную лирику, далее о том же, но весело. Обнажёнка, фривольности дикого пляжа... Немного прозы, опять стихи, снова картины и т.д. И всё на подобных чередованиях. Опиряя простыми понятиями, не дать читателю уснуть. Хочется заставить и ленивого смотреть и читать.

А.Т.: Вам семьдесят пять исполнилось в прошлом году. Прошла половина жизни. Какие планы на будущее?

А.О.: Уже исполнились и все семьдесят шесть. Сколько ещё осталось той свечки, никто не знает. Поговорка «Хочешь насмешить Б-га, расскажи ему о своих планах на будущее» особенно актуальна в этом возрасте. Поживём – увидим! Есть идеи для картин, стихи тоже от меня не убегут.

А.Т.: Спасибо вам за интервью. Удачи вашей книге! Вам здоровья и долгих творческих лет!

Ася Тепловодская

Доктор филологии, писатель, драматург, литературовед, журналист, редактор журналов «Мысль», «Русское Литературное Эхо», координатор международного конкурса поэзии в Израиле им. Владимира Добина

читателям и зрителям от автора

В эту книгу, в один том, как в один флакон, я решил поместить любовную и исповедальную лирику, пародии, юмор, сатири, включая даже стихи публицистического направления, но прежде всего — это своеобразный альбом. В нём сосуществуют картины, поэзия и проза. Многие автобиографичны, но и в то же время они художественны. Здесь историко-религиозные, тематические, многофигурные и иные живописные композиции, портреты известных исторических личностей, обычных людей, изображения прекрасных женщин, жанровые картины, пейзажи, этюды и скульптуры, фантастические картины в стиле метареализма. Они сопровождаются поэтическими текстами, а те, в свою очередь, дополняются фотографиями. Разные стили — разные годы. Всё это годы жизни, труда и развития.

Как видите, представлены самые разные области литературы и искусства. Почему? Они рождаются вместе, в симбиозе дружат и взаимодополняют друг друга в процессе творчества. Часть из них получили признание, а какие-то лишь терпеливо ждут своей очереди.

Вы получаете шанс стать первыми зрителями и читателями некоторых из них. Удачи всем нам!

Д

рузья, не надо нам загадывать излишне далеко –
Флакон нам открывается так просто и легко,
Как в старой сказке – лампа Алладина.
Так, может выпустить пора уже
И нам на волю – джина?

**ДВА В ОДНОМ
ФЛАКОНЕ**

ПИШУ СТИХИ Я И КАРТИНЫ.
СЛОВА И КРАСКИ ДВУЕДИНЫ =
ДВЕ РАВНОВЕСНЫХ ПОЛОВИНЫ
В РЕАЛЬНОЙ ЖИЗНИ, И ВО СНАХ.
ИТАК, НА СОВЕСТЬ... НЕ ЗА СТРАХ,
ТОТЧАС ДУША ТВОРИТЬ ГОТОВА =
ВДРУГ ОБРАЗЫ УКАЖУТ СЛОВО,
КАКОЕ ПАРАДОКСОМ НОВЫМ
УСТОИ ОБРАЩАЕТ В ПРАХ?

А. ОСТРИЦКИЙ

 Стория — мать мифов и легенд

P

РЕВЕККА И ЭЛИЭЗЕР: ЧЕМ ИХ ИСТОРИЯ ПРИВЛЕКАЛА ХУДОЖНИКОВ?

«Ревекка взглянула, и увидела Исаака, и спустилась с верблюда. И ввел ее Исаак в шатер Сарры, матери своей, и взял Ревекку, и она сделалась ему женою, и он возлюбил ее; и утешился Исаак в печали по [Сарре], матери своей» (Бытие, гл. 24, ст. 67).

Это конец, а вот начало: Авраам велит Элиэзеру взять десять верблюдов и отправляться в путь. Надо у родственников взять девушку и привезти ее в жены любимому сыну Исааку.

Кажется: ну, что тут такого? Съездил на десяти верблюдах за тридевять земель, ну и что? Ну, выбрал Элиэзер невесту и привез ее Исааку, и что? А художникам заказывают картины об этом на протяжении столетий.

Ключ к пониманию, вероятно, в том, что в 24 главе книги «Бытие» история Ревекки и Элиэзера повторяется три раза! Три раза Элиэзер рассказывает о том, какую невесту он хотел найти и как он ее узнал.

С поразительным постоянством художники выбирают момент встречи Элиэзера и Ревекки. Возможно, потому что здесь и Ревекка, и Элиэзер, и погонщики, и верблюды, и горожанки, пришедшие за водой, короче, есть где развернуться художественной мысли. И композицией можно поиграть, и цветом, и фактурой...

У кого-то Элиэзер пьет, у другого вместе с Элиэзером пьют верблюды, у третьего Ревекка получает подарки... Время, разделяющее творения художников, до тысячи лет, поэтому меняется и одежда персонажей, и их внешний облик, и пейзаж, и колодцы.

Например, в Библии нет прямого указания на возраст Элиэзера (возраст можно приблизительно подсчитать, Элиэзеру от 65 до 70 лет), и художники видят его пожилым (по большей части), но иногда его изображают как весьма симпатичного юношу. Одежда Элиэзера тоже разная: где-то он в хламиде восточного типа, а где-то в средневековом европейском костюме (большинство художников видело верблюдов только на каких-то иллюстрациях в рукописях, а в Палестине практически никто из них не был). О восточной одежде они могли судить только по одежде арабов.

Это – «Ревекка и Элиэзер» Бартоломео Эстебана Мурильо. Колодец на возвышенности, рядом какая-то стена (может быть, городская), внизу слева верблюды, погонщики. Тени длинные, вечереет. Возле колодца – четыре молодые женщины. У одной из них в руках ведро, из которого пьет черноволосый мужчина. Женщина отвернулась в сторону, смотрит на подруг.

Бартоломео Эстебан Мурильо «Ревекка и Элиэзер»

Маратти. Колодец, вечер, горожанка, верблюд. Но Элиэзер уже напился и сделал выбор, Ревекка получает дары от Элиэзера

P

РЕВЕККА И ЭЛИЭЗЕР: ЧЕМ ИХ ИСТОРИЯ ПРИВЛЕКАЛА ХУДОЖНИКОВ?

«Ревекка и Элиэзер» Никола Пуссена

Как бы все элементы легенды присутствуют: Элиэзер пьет, Ревекка держит ведро с водой, у колодца горожанки, поодаль верблюды. Все есть, но нет единства действия.

В этой сцене Элиэзер должен опознать невестку – и на это нет ни одного намека. И нет связи между верблюдами и колодцем.

Есть город, колодец, вечер, горожанки, чернобородый Элиэзер, Ревекка – и ни одного верблюда. Насколько важны верблюды, это второй вопрос. На картине прослеживается связь Элиэзера и Ревекки: он ей что-то говорит, а она благосклонно слушает. Но мало того, что Элиэзер относительно молод, он не пьет! Вся сцена воспринимается как заигрывание незнакомого мужчины с девицей, при этом ее спутницы наблюдают за этим с большим любопытством. Нет ни намека на то, каким образом Элиэзер определил, что перед ним невеста Исаака.

Паоло Веронезе решил убрать лишних женщин, оставил верблюдов, город поодаль и Ревекку. Слуга Элиэзера передает Ревекке (которой уже далеко за двадцать) подарки свата. Нет момента выбора, момента просветления у Элиэзера, это уже в прошлом, за рамками картины.

На полотне Аркадия Острицкого тоже сцена у колодца. Вечереет, жара спала, самое время идти за водой. Колодец за городом устроен так, что возле него есть поилка – место, где может пить скот. Горожанки с кувшинами, одна уже уходит. Девушка в красном одеянии наливает воду в чашу сидящего на краю колодца седобородого мужчины. Справа на переднем плане и поодаль

– верблюды, погонщики, слева – кувшины и ослик. В глубине – дома, справа – горы в дымке.

Элиэзер (это в его чашку льется вода) еще не знает, какую из девушек надо взять в невестки Аврааму. И не знает, как он ее узнает! Но Элиэзер, как преданный раб, хочет для своего господина самого лучшего, что может вообразить. И он рассуждает:

«13. Вот, я стою у источника воды, и дочери жителей города выходят черпать воду;

14. И девица, которой я скажу: «наклони кувшин твой, я напьюсь», и которая скажет [мне]: «пей, я и верблюдам твоим дам пить», [пока не напьются,] – вот та, которую Ты назначил рабу Твоему Исааку; и по сему узнаю я, что Тытворишь милость с господином моим [Авраамом]» (Книга Бытие, глава 24).

(Интересная вещь: раб определяет черты характера невесты для сына своего господина! Какой должна быть эта девица? Приветливой, щедрой, трудолюбивой, выносливой. Приветливость – она должна дать напиться ему самому. Щедрость – она должна напоить верблюдов. Трудолюбие и выносливость – чтобы напоить десять верблюдов, сколько надо вытянуть воды из колодца! Элементарный подсчет показывает – до тысячи трехсот литров!)

«17. И побежал раб навстречу ей и сказал: дай мне испить немного воды из кувшина твоего.

18. Она сказала: пей, господин мой. И тотчас спустила кувшин свой на руку свою и наполила его.

«Ревекка и Элиэзер» Паоло Веронезе

19. И, когда напоила его, сказала: я стану черпать и для верблюдов твоих, пока не напьются [все].
20. И тотчас вылила воду из кувшина своего в поило и побежала опять к колодезю почерпнуть [воды], и начерпала для всех верблюдов его.

Этот момент ключевой: Ревекка наливает чашу Элиэзеру, и Элиэзер опознает будущую жену Исаака, сына Авраама. Элиэзер поражен тем, что все признаки, которыми он наделил будущую невесту, совпадают до последнего.

Она необычайно красива – Элиэзер не может отвести от нее взор. Ее лицо напоминает полную луну (луноликая). Бусы из перламутра – символ ее невинности. «16. Девица была прекрасна видом, дева, которой не познал муж».

На коленях у Элиэзера – шкатулка с подарками. И не только невесте. Кстати, в Библии точно указано, сколько по весу золота Элиэзер вручил Ревекке в подарок:

«22. Когда верблюды перестали пить, тогда человек тот взял золотую серьгу, весом полсикля, и два запястья на руки ей, весом в десять сиклей золота» (для справки: сикль - или шекель - весил 5.6 грамма).

Аркадий Острицкий сумел показать приветливость, красоту, невинность Ревекки. Позиция Элиэзера дает возможность точно обозначить его связь с Ревеккой: его восторг, его выбор.

И несмотря на то, что на первом плане группа верблюдов, центр картины – невеста, непорочная красавица. Ее красное одеяние рядом с бархатистой шерстью верблюдов магнитом притягивает взгляд.

Цветовая гамма картины как бы приглушенная. Даже ярко-красное пятно одежды Ревекки не разрушает впечатления, что уже наступили сумерки.

Картина выглядит статичной, все как бы застыли. Но есть два динамических элемента: текущая вода и напряженный, восхищенный взгляд Элиэзера.

Аркадий Острицкий показал многообразие действующих лиц и деталей библейских времен, связал местом действия и горожанок, и верблюдов, и колодец, и дары Авраама. Но самое впечатляющее – взгляд Элиэзера на Ревекку. Именно это – знамение свыше, о котором Элиэзер говорит: «и по сему узнаю я, что Тытворишь милость с господином моим [Авраамом]».

Желание увидеть этот момент просветления понуждало любителей искусства заказывать этот сюжет снова и снова. А руку художников вело желание схватить этот миг и остановить его на полотне. И тысячу лет они повторяют рассказ о Ревекке и Элиэзере.

Борис Рохленко, журналист

Выражаю благодарность от автора книги автору статьи за внимательное отношение к моему творчеству и особенно за достойное, предметное сравнение с величайшими мастерами прошлого.

Аркадий Острицкий

Галерея «Арвест»,
Алматы, Казахстан

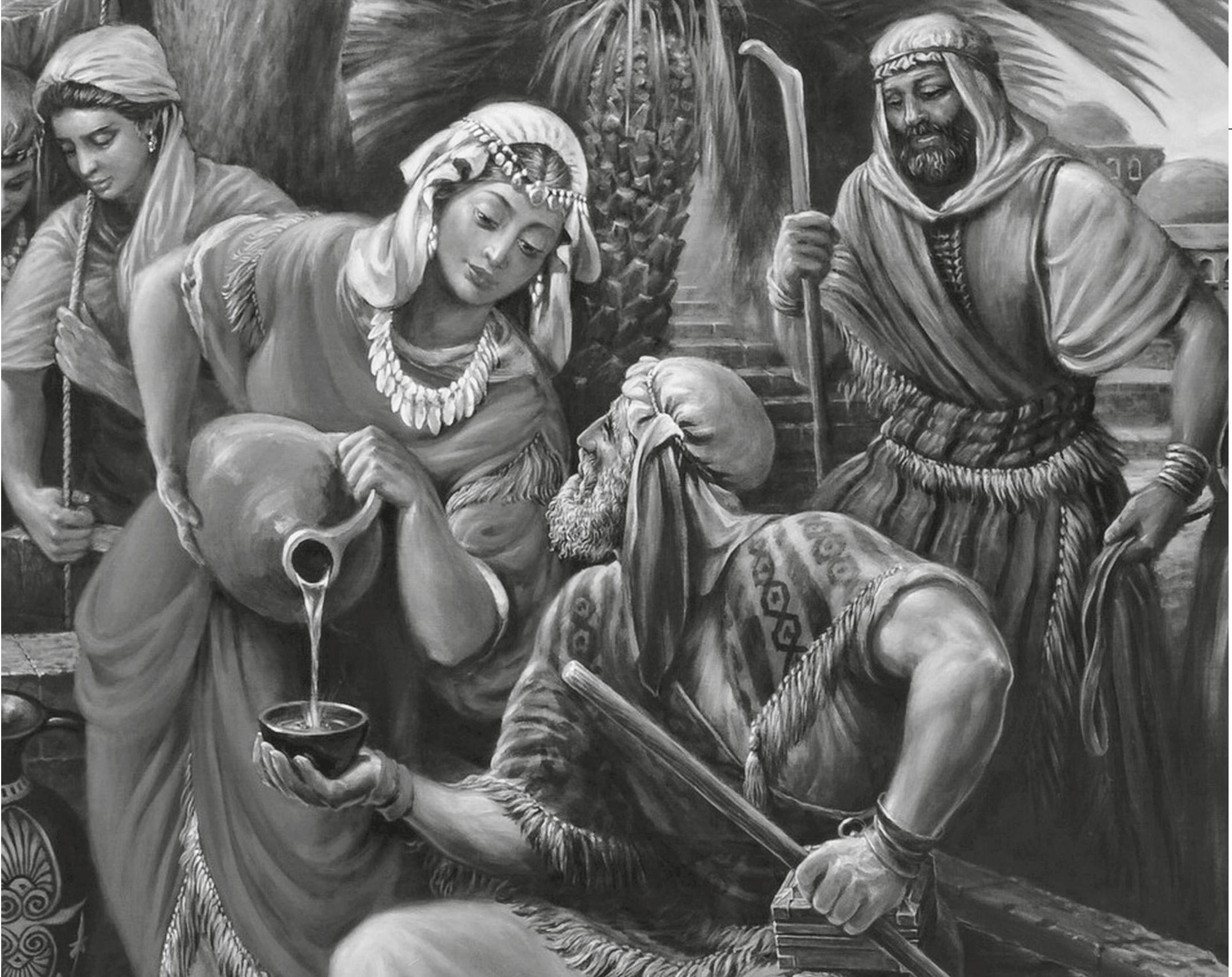
«Ревекка и Элиэзер»
(холст, акрил, 100×150 см, 2008 г.)

2-е место
на «Общероссийском конкурсе
современного искусства»,
Москва, 2021 г.

Вот та, которую ты назначил
рабу Твоему Исааку...

«Ревекка взглянула, и увидела Исаака, и спустилась с верблюда. И ввел ее Исаак в шатер Сарры, матери своей, и взял Ревекку, и она сделалась ему женою, и он возлюбил ее; и утешился Исаак в печали по [Сарре,] матери своей».

Это конец истории о выборе невесты для Исаака.

А вот ее начало: Авраам посыпает своего раба выбрать невесту для сына Исаака. Послал в семью своего брата. Раб, которого зовут Элиэзер, снарядил караван из 10 верблюдов и отправился в путь.

Заметим, что Авраам целиком положился на вкус своего раба, он ни слова не сказал о том, какой он хотел бы видеть невестку. (Естественно предположить, что Элиэзер – не просто раб, он заслужил честь выполнить такое поручение не только тем, что мог выполнять грубую физическую работу. Видимо, он показал себя мудрым и надежным. На картине — убеленный сединами, но еще очень крепкий физически человек).

Вечереет, жара спадает, самое время идти за водой. Колодец за городом – рядом нет ни одной постройки. (Колодец устроен так, что возле него есть поилка – место, где может пить скот. Воду достают из колодца и сливают в поилку). Вокруг него стоят девушки с кувшинами, одна уже уходит. Девушка в красном одеянии наливает воду в чашу сидящего на краю колодца мужчине. Справа напереднем плане и поодаль верблюды и, очевидно, их погонщики. Около колодца – кувшины и ослик. В глубине – дома, справа – горы в дымке.

Элиэзер (это в его чашку льется вода из кувшина) еще не знает, какую из девушек надо взять в невестки Аврааму. И не знает, как он ее узнает! Но Элиэзер, как преданный раб, хочет для своего господина самого лучшего, что может вообразить. И он рассуждает:

«13. Вот, я стою у источника воды, и дочери жителей города выходят черпать воду;

14. И девица, которой я скажу: «наклони кувшин твой, я напьюсь», и которая скажет [мне]:

«пей, я и верблюдам твоим дам пить», [пока не напьются], — вот та, которую Ты назначил рабу Твоему Исааку; и по сему узнаю я, что Ты творишь милость с господином моим [Авраамом]. (Книга Бытие, глава 24).

(Интересная вещь, раб определяет черты характера невесты для сына своего господина! Какой должна быть эта девица? Приветливой, щедрой, трудолюбивой, выносливой. Приветливость – она должна дать напиться ему самому. Щедрость – она должна напоить верблюдов. Трудолюбие и выносливость – чтобы напоить десять верблюдов, сколько надо вытянуть воды из колодца!)

Элементарный подсчет показывает – до 1300 литров!)

17. И побежал раб навстречу ей и сказал: дай мне испить немного воды из кувшина твоего.

18. Она сказала: пей, господин мой. И тотчас спустила кувшин свой на руку свою и напоила его.

19. И, когда напоила его, сказала: я стану черпать и для верблюдов твоих, пока не напьются [все].

20. И тотчас вылила воду из кувшина своего в поило и побежала опять к колодезю почерпнуть [воды], и начерпала для всех верблюдов его».

Этот момент – ключевой: Ревекка наливает чашу Элиэзеру, и Элиэзер опознает будущую жену Исаака, сына Авраама.

Элиэзер поражен тем, что все признаки, которыми он наделил будущую невесту, совпадают до последнего.

Она необычайно красива – Элиэзер не может отвести от нее взор. Ее лицо напоминает полную луну (луноликая). Бусы из перламутра – символ ее невинности:

«16. Девица была прекрасна видом, дева, которой не познал муж».

На коленях у Элиэзера – шкатулка с подарками. И не только невесте. Кстати, в Библии точно указано, сколько по весу золота Элиэзер вручил Ревекке в подарок:

«22. Когда верблюды перестали пить, тогда человек тот взял золотую серьгу, весом полсикля, и два запястья на руки ей, весом в десять сиклей золота». (Для справки: сикль – или шекель – весил 5.6 грамма).

За рамками картины осталось счастливое завершение посольства: Элиэзер привез Исааку жену.

Картина посвящена библейским событиям. Но люди слегка в глубине, а на переднем плане верблюды. Правда, на полотне только четыре верблюда, а не десять, как в легенде. Но зато какие это верблюды! У них у всех разные характеры!

Ближе всех к зрителю – такой гордый, независимый, знающий себе цену.

Сразу за ним справа – старый иечно чем-то недовольный.

Еще дальше – молодой, ищущий, он что-то сосредоточенно высматривает на горизонте.

А вот в глубине притаился еще один. Он смотрит прямо на зрителя, как бы спрашивая, что вы тут для себя нашли интересного?

Казалось бы, зачем и почему надо так тщательно, можно сказать, с любовью выписывать

верблюдов? Может быть, они тоже несут какой-то скрытый смысл?

Из блогов: «Кроме того, что верблюды – это очень выносливые животные с грустными глазами, на Востоке верблюд это еще и валюта. Например, если в Египте к девушке обращается местный житель с вопросом, сколько за тебя дать верблюдов, это своего рода предложение замужества.

До сих пор живы египетские традиции, по которым жених «рассчитывается» за невесту верблюдами.

Между прочим, египетские невесты не из дешевых, один верблюд стоит как целая машина! Поэтому если за вас предлагают десять верблюдов, это комплимент вашей красоте!»

Обратите внимание на цифру – 10. Могли верблюды быть выкупом за невесту? Вряд ли, потому что весь караван Элиэзера вернулся к Аврааму. Скорее всего, человек, пославший десять верблюдов всего лишь за одной девушкой, тем самым продемонстрировал свое величие, свое богатство, свою мощь.

Встреча Ревекки и Элиэзера – один из многочисленных эпизодов библейской истории. И когда мы смотрим на картину, мы как бы проживаем и переживаем этот поворот в жизни библейских персонажей.

Галина Подольская

Ревекка и Элиэзер

Жил да был на свете Художник,
И вошло в его душу желанье
Написать «картину-пророчество».
Снизошла в его мысли картина,
Что должна зажечь каждое сердце, —
О любви, предначертанной Богом.
Вечерело и даже смеркалось.
Вот к колодцу у древнего града
Путник статный пришел издалека,
Элиэзером нареченный.
И верблюды его притомились,
Напоить их с дороги бы надо.
Миновал он восходы, закаты,
Чтоб невесту найти господину,
Авраама любимому сыну,
И чтоб звали ее Ревеккой.
У колодца прекрасные девы
Наполняют кувшины водою.
Среди них двух красавиц приметил
Зоркий глаз Элиэзера-свата.
Обе в шелковых белых косынках,
И в ушах серебрятся сережки,
Ожерелья девичьи сверкают
Перламутровой тайной приморья...
И смутился на миг Элиэзер:
Кто из девушек будет Ревеккой?
Кто ж из них будет Нахора внучка,
Чтоб невестою стать Исааку,
Авраама любимому сыну,
Господину, которому предан.
На одной — пурпур платья алеет,

И подол чуть приподнят к колену.
Юбка синяя с лентой по краю
Не скрывает прелестную ножку,
Но ступня широка — не боится
Видно девушка странствий далеких.
Да и статью подобна богине.
А другая — стройна, словно тополь,
Золотистое платье струится.
И двуручный кувшин, словно птица
На плече ее острокрылом.
И орнамент кувшина изыскан,
И под стать он своей хозяйке.
- Видно обе из царского рода, -
Поразмыслил себе Элиэзер. -
Но которая будет Ревеккой?
Той, что статью подобна богине,
Воду легче верблюдам черпать.
Ну, а если с кувшином двуручным?
Так какая ж Ревеккою будет?
Так кого ж из двоих ему сватать?
Так которой дарить украшенья,
Чтобы люди вокруг не смеялись?
И молитву вознес Элиэзер:
— Дай мне, Господи, знак, чтоб узнал я,
Ту, которую ты предназначил
Стать женой моему господину
И рабу Твоему Исааку.
Пусть та дева, которой скажу я:
«Наклони-ка кувшин свой, сестрица»,
Не погубит насмешкой пришельца,
Чтоб верблюдов его напоить.

В этот миг подошла к нему дева —
Та, что статью подобна богине,
И сказала: «Испей-ка водицы
И верблюдов дозволь напоить».
Пуще пурпуром платье пылает,
И опущены скромные очи,
И кувшин для него наклоненный.
Посмотрел на нее Элиэзер,
Постигает он промысел Божий,
Потрясенный совершившимся чудом...
И постиг эту тайну Художник.
И вошла в его думы картина
Об избраннице для Исаака,
Внучке Нахора, брата Авраама.
О дарованной свыше подсказке,
Что с догадкой его совпадала.
И с тех пор вдохновенный Художник,
Словно древний слуга Исаака,
Ожидает воды животворной,
Что нальет из кувшина Ревекка,
И прольется Божественным даром —
Написать картину-пророчество
О судьбе, предначертанной Богом,
Чтоб зажечь ею каждое сердце.

Галина Подольская

Доктор филологии,
исследователь, энциклопедист,
писатель, арт-критик, автор
многих книг об израильских
художниках

о Исходе евреев из Египта

Исход (комп. графика)

ТАЕТ В УТРЕННЕМ МАРЕВЕ НИЛ

Тает в утреннем мареве Нил.
Впереди пролегает пустыня.
Помня эту дорогу поныне,
Как он раньше ее проходил,

Из Египта выводит Моисей
Всех евреев, их семьи, детей,
С ними скарб и мацу, и скотину –
Всё и взглядом с небес не окину!

Даже пришлых людышек набрал,
Что прибились из любопытства –
Плотной тучею легче пробиться!
Мало ли? Кто бы там ни напал.

Аарон, сам пророк, говорит,
Переводит синхронно и зычно,
Разбираясь один самолично,
Что там братец угрюмо мычит.

Столб маячит с небес до песка,
Днем в столбе этом – облака,
Ночью пламя, бушуя, горит –
То Вс-вышний с Моше говорит.

Много будет у них впереди:
Там и радости будут и горе,
Пред ними расступится море,
А вслед египтян поглотит.

Впереди еще много чудес.
Будет сыпаться манна с небес
И вода из скалы будет литься,
Скрижалям случится разбиться,
Прогневил Моисея – Телец!
Пусть познает народ, наконец,
Десять правил, как следует жить,
Чтоб закон понимать и ценить!

Откровенье Синая — как свет
Для любого, кто выслушал это.
После скиния будет завета.
В ней покойится будет ковчег,
Обретенный народом навек.
Он не раз от невзгод охранит.
Будет много походов и битв
Против варваров Амалека.

Сорок лет за Моисеем пройдут,
Сорок лет неизвестность и труд,
Но как землю святую найдут –
Так своей навсегда назовут.

Но не вступят Моисей и Аарон,
Не войдут старожилы племен.
Это станет доступно лишь тем,
Кто не видели рабства совсем.

Без борьбы не узнаешь судьбы!
С Б-ром шли из Египта рабы,
Их оттуда Моисей выводил.
Таял в утреннем мареве Нил...

И сказал: Я выведу вас от угнетения Египетского.

Библия, Исход, 3,17.

Предыстория исхода такова: Иосиф ушел в Египет с тех земель, на которых он жил, потому что были неурожай, голод. Надо было спасать семейство, род.

Прошло много лет, род Иосифа успешно размножался и стал настолько многочисленным и состоятельным, что фараон решил его не просто ограничить в правах, а извести совсем. Для начала евреев заставили делать тяжелые работы, но это не помогло, евреи продолжали размножаться и усиливаться. Опасаясь, что евреи при случае вступят в сговор с врагами, и это приведет к падению Египта, фараон дал приказ умертвлять всех младенцев-мальчиков в еврейских семьях. А когда повитухи отказались под благовидным предлогом убивать новорожденных во время родов, фараон приказал жителям Египта топить мальчиков, а девочек оставлять.

Еврейский Бог увидел бедствия своего народа и решил вывести евреев из Египта. Естественно, для такого мероприятия требовался организатор. Таким человеком Бог избрал Моисея. И это несмотря на то, что Моисей был косноязычен, тяжело говорил. Господь дал ему помощника, Аарона и жезл, которым Моисей работал как дирижер симфонического оркестра – творил знамения.

«10. И сказал Моисей Господу: о, Господи! человек я не речистый, и таков был и вчера и третьего дня, и когда Ты начал говорить с рабом Твоим: я тяжело говорю и косноязычен.

14. и Он сказал: разве нет у тебя Аарона брата, Левитянина? Я знаю, что он может говорить, и вот, он выйдет навстречу тебе, и, увидев тебя, возвращается в сердце свое;

15. ты будешь ему говорить и влагать слова в уста его, а Я буду при устах твоих и при устах его и буду учить вас, что вам делать;

16. и будет говорить он вместо тебя к народу; итак он будет говорить твоими устами, а ты будешь ему вместо Бога;

17. и жезл сей возьми в руку твою: им ты будешь творить знамения» (гл.4).

Господь Бог явился Моисею в горящем кусте терновника. И Он повелел Моисею :

«10. Итак, пойди: Я пошлю тебя к фараону; выведи из Египта народ Мой, сынов Израилевых» (гл. 3).

Что это значило: выведи? Далее в книге Исход есть указание, что вышло шестьсот тысяч только мужчин. И есть еще и женщины, и дети. Если считать, что на каждого мужчину приходилась только одна женщина (а их могло быть и больше у одного мужа), что в каждой семье было, по меньшей мере, двое детей, сколько народа вышло из Египта? Два с половиной миллиона человек!

А сколько скота они должны были вывести? Каждая семья, минимум, осел, корова или несколько коров, овцы, верблюды. Огромные стада! Эти люди должны были что-то есть и пить. А переход не был коротким: десятки километров, чтобы удалиться из египетских пределов. Шли от колодца к колодцу, от оазиса к оазису.

(Представить себе такую толпу невозможно. Допустим, что мы построили всех этих людей в колонны по сто человек в шеренге. Разделили их на дивизии (название условное) по сто шеренг – 10 000 человек в дивизии. Расстояние от человека до человека – полтора метра. Одна дивизия – 150 метров. Длина всей колонны – 36 километров! И это только люди! А скот, повозки? Сколько шума, сколько пыли! Сколько они должны съесть и выпить! А еду еще и готовить надо. Хотя они взяли с собой пресное тесто, его еще надо было привести в съедобный вид.

Какова скорость движения такой массы людей? Считается, что скорость пешехода четыре километра в час. В такой массе, видимо, скорость упадет километров до трех, а может быть, и до двух километров в час. Так, если голова колонны выйдет из Египта, то хвост пройдет через египетскую границу через 18 часов. Это если народ будет идти без перерыва. А если с перерывами, то сутки. Моисей просил трое суток для выхода из Египта (5,3).

Евреи в Египте не были неимущими. То есть, что-то из домашнего скарба у них было: какая-то посуда, одежда, скотина. Но для того, чтобы они пришли на место назначения не совсем нищими, Господь распорядился взять у египтян все, что можно.

«17. И сказал: Я выведу вас от угнетения Египетского

21. И дам народу сему милость в глазах Египтян; и когда пойдете, то пойдете не с пустыми руками:

22. каждая женщина выпросит у соседки своей и у живущей в доме ее вещей серебряных и вещей золотых, и одежду, и вы нарядите ими и сыновей ваших и дочерей ваших, и оберете Египтян» (гл.3).

Итак, Бог повелел Моисею явиться к фараону и убедить его отпустить евреев. Фараон заупрямился. Богу понадобились некоторые усилия для того, чтобы убедить фараона, что с ним (Богом) шутить не стоит, надо делать то, что велят. Эти усилия – десять египетских казней.

И фараон не выдержал, сдался после того, как в Египте погибли все младенцы мужского пола.

«30. И встал фараон ночью сам и все рабы его и весь Египет; и сделался великий вопль в *земле Египетской, ибо не было дома, где не было бы мертвца.

31. И призвал фараон Моисея и Аарона ночью и сказал: встаньте, выйдите из среды народа моего, как вы, так и сыны Израилевы, и пойдите, совершите служение Господу, как говорили вы;

32. и мелкий и крупный скот ваш возьмите, как вы говорили; и пойдите и благословите меня» (гл. 12).

Слова фараона «и благословите меня» надо понимать так, что евреи должны были просить у своего Господа милости для фараона.

И вот свершилось – евреи уходят!

«37. И отправились сыны Израилевы из Раамсеса в Сокхоф до шестисот тысяч пеших мужчин, кроме детей;

38. и множество разноплеменных людей вышли с ними, и мелкий и крупный скот, стадо весьма большое.

41. По прошествии четырехсот тридцати лет, в этот самый день вышло все ополчение Господне из земли Египетской ночью» (гл. 12).

«20. И двинулись *сыны Израилевы+ из Сокхофа и расположились станом в Ефаме, в конце пустыни» (гл. 13).

У евреев было подозрение (и не беспочвенное), что фараон передумает, что он захочет всех вернуть, а если не удастся, то просто перебить. Поэтому Моисей вел толпу днем и ночью. Надо отдать ему должное, он оказался хорошим организатором. Он смог провести всех до точки назначения, никто не потерялся. Но и Господь не оставлял свой народ, указывал путь».

«21. Господь же шел пред ними днем в столпе облачном, показывая им путь, а ночью в столпе огненном, светя им, дабы идти им и днем и ночью.

22. Не отлучался столп облачный днем и столп огненный ночью от лица народа» (гл. 13).

Фараон, действительно, пытался настигнуть уходящих из Египта евреев, послал им вдогонку войско. Но было поздно, евреи успели дойти до Красного моря, оно расступилось, и образовался коридор, по которому вся эта масса людей пошла к свободе, на другой берег.

Когда Моисею доложили, что египтяне висят на хвосте и вот-вот настигнут колонну, он поднялся на видное место и дал сигнал всем ускорить движение. Это привело к желаемому результату: море начало закрываться после евреев, на боевых порядках египтян. Евреи уходят, а египтяне тонут. Все! Победа! Ушли!

Библейский рассказ иллюстрировался несчетное количество раз. Все его эпизоды. Это делалось и по заказу священников, и по вдохновению художников. Кого-то привлекали бедствия евреев в Египте, кого-то – жизнь Моисея (воспитанник семьи фараона, убийца египетского надзирателя, беглец, вождь евреев), кого-то – переход через море. Кто-то пытался передать сам исход, изобразить толпу идущих в неизвестность людей.

СХОД. КУДА УХОДЯТ ЕВРЕИ?

Английский художник Давид Робертс (1796-1864) запечатлел самый начальный момент исхода: поток евреев, уходящих из города. Робертс в 1838-1840 годах был в Египте, в Палестине, в Иордании,

в Ливане, зарисовывая руины. Изображенный им город – как бы реконструкция города времен фараонов. Гигантские роскошные постройки,озведенные руками тех, кто покидает Египет.

Величайший график всех времен и народов Гюстав Доре изобразил гибель фараонцев: хаос, накрываемые волнами толпы пеших и конных воинов, нагромождение тел и волн. Последние евреи уже на горе, справа и слева

вдали за горой видны колонны ушедших вперед беженцев. Те, кто последними взобрался на гору, смотрят на тонущих преследователей. А над горой – Моисей с протянутыми вверх руками и сияние Господне.

СХОД. КУДА УХОДЯТ ЕВРЕИ?

Иван Константинович Айвазовский тоже нарисовал переход через море. Финал: египтяне тонут, Моисей как бы посыпает им знак, что им уже не спастись, а справа – ушедшие от преследователей свободные евреи,

за которыми виден божественный столп света. Свет прорывается сквозь облака, освещая лижущие берег волны и солдат фараона, которые уже никогда не выберутся на сушу.

Современный израильский художник Аркадий Острицкий, автор картины «Ночь исхода», говорит о своей работе:

«Я готовился к этой картине почти двадцать лет. Вообще полотно такого рода начинается с исторической базы. А дальше - немножко фантазии, немножко ассоциативного ряда... В любой картине невозможно отразить реальные события. И тем более, события двух- или трехтысячелетней давности. Мне пришлось вживаться в ту атмосферу: быт, государственное устройство, династии, движение людских масс, войны... И надо было еще и представить себе весь процесс перемещения этой громадной толпы и в пространстве, и во времени.

Люди идут нескончаемым потоком, над которым поднимается пыль. Это видно на картине – как бы завеса пыли. И свет сверху! Небесное освещение – именно это определило цветовую гамму картины.

Вот есть цветовая гамма, композиция, приблизительное представление, кого и куда поставить. А как их одеть? Как причесать? Какими атрибутами их снабдить? Одежда, обувь, вооружение, прически... Масса деталей, которые зритель должен принять как реальные, настоящие: повозки, утварь, оружие, окружающая обстановка...

А что делать с лицами? Я решил следовать за мастерами Возрождения: на историческом фоне написать портреты современников. И не только родных, но и соратников по цеху, и друзей, и единомышленников.

И вот евреи уходят. Остались позади пирамиды. Толпа идет на Моисея – он в красном одеянии. За ним стоит Аарон, который внятно повторяет

сказанное Моисеем. О радости свободы поют музыканты. Почти против Моисея – молодая пара с младенцем: это первый еврей, рожденный свободным, не в рабстве.

Трое здоровых парней толкают телегу. На телеге не то свое, не то взятое у египтян... Впереди бык, который тянет эту телегу. А они помогают вытолкнуть ее на гору. Тот, что в центре этой группы, счастлив до слез, что он сейчас свободен и богат. В один день. Слева от него – циник: «Успокойся, не принимай все близко к сердцу. Завтра все будет иначе». А справа – мрачный богатырь. Этому абсолютно все равно: в тюрьме работать, в рабстве работать, на свободе работать...

Исход завершился: Господь вывел евреев из Египта. Увел в пустыню, по которой они странствовали сорок лет, пока не дошли до заповеданной Господом земли. Но это – через сорок лет. А пока люди идут, идут в неизвестность. Они не знают, что их ждет. Но они знают, от чего уходят – от рабства.

Борис Рохленко, журналист

Серьёзное, предметно-доказательное исследование журналиста и автора статьи и его сравнения принимаю с благодарностью, и публикую без изменений или дополнений

Аркадий Острицкий

Картина «РОЖДЕН СВОБОДНЫМ, ИСХОД» (2017–2019 гг., выполненный мной в двукратном увеличении дополненный и уточненный повтор картины «НОЧЬ ИСХОДА» 2010 года) задумана, как продолжение библейской серии картин «НАДЕЖДЫ ПРАОТЦОВ», для которой уже написаны картины «НОЙ», а также «ЭЛИЕЗЕР И РЕВЕККА» и, наконец, «НОЧЬ ИСХОДА». Это наиболее крупномасштабное полотно серии. В ней более сотни фигур, и среди них около тридцати портретов конкретных людей, ставших прототипами народных образов. Подобный прием весьма популярен и в классической живописи. В нижней части композиции занимает весь правый угол моя семья и ваш покорный слуга, автор. Выше располагаются, большей частью, портреты друзей и коллег. Все они в точных прическах и одеждах данной исторической эпохи, лишь с небольшим допущением в сторону общепринятой традиции.

Картина продумана досконально. При беглом рассмотрении толпа хаотична, но композиция организована так, что как бы ни двигался взгляд зрителя, он неминуемо придет к Моисею и Аарону. Оттуда снова продолжится разглядывание, которое опять же приведет к главным персонажам. Как видите, присутствует и символика. Рука Аарона как тень руки Моисея, а также младенец в центре как первый, не познавший рабства. Он в итоге может удостоиться вступить на землю обетованную.

Сюжет произведения нетривиален. Избегая уже затронутых другими тем и понимая, что владею лишь кратким мгновением истории, ищу момент, наиболее способствующий выявлению характеров и переживаний персонажей. (Навели на тему смятение и эйфория первых лет «перестройки» 80-х прошлого века в СССР, чему я был свидетелем). Мы видим людей, семьями и родами движущихся на север страны к месту сбора на полпути между районом пирамид и древней столицей Рамсеса II городом Пер-Рамсес (библейский РААМЗЕС, 112,5 км от пирамид), где был также и город рабов.

По моему мнению, собрать в городе около двух миллионов человек (600 тысяч вооруженных мужчин, не считая детей, старииков и женщин с багажом, домашними животными и скотом) не представляется реаль-

ным. Скорее всего, воспользовались одним из открытых пространств вблизи Нила или оросительных каналов, откуда и видны пирамиды в показанном на картине ракурсе.

Теперь подробнее о сюжете. На переднем плане семья, побывавшая у воды и направляющаяся на место привала. Настроения самые разные, от эйфории до спокойствия или печали. В семье есть арфистка и художник (ваш покорный слуга). Далее верхом на осле стоеческого вида мужчина в состоянии глубокой задумчивости. Вот трое крепких парней толкают в гору телегу, возможно, запряженную, полную полученных у египтян вещей и ценностей (украшения, кувшины, сундук, лампа, ткани и т. д.). Один из них готов расплакаться от свалившихся на него богатства и свободы. Другой, с луком и стрелами за спиной, скептик, пытается его утешить. Лишь третий, мрачный рыжий богатырь с серповидным мечом за поясом, спокойно делает свою работу. Он не боится ни войны, ни пленя. Ему трудиться везде. Пожилой пастух счастлив. Ему удалось отыскать в бесконечной толпе отставшую от стада овечку. Юная красавица несет расписной египетский кувшин с водой. Ее сопровождает гордый уверенный в себе мужчина. Музыканты играют и танцуют в импровизированном концерте. В центре молодая семья только что искупала своего младенца. Другие дети прыгают и радуются за них. У водоема мужчина в синей одежде с жадностью пьет воду из пригоршни. Вдали пастухи гонят стада коров и овец. А также другие сцены... Моше и Аарон приветствуют всех, обращая их внимание на осветивший всю площадку столп огненный. Такова фабула. Есть некоторая иллюстративность, но и это часть стиля. Сам стиль подсказан произведениями Рембрандта, Караваджо, Поленова, Семирадского, Репина и других великих мастеров прошлого.

Стоит обратить внимание еще на одну особенность картины. Ее можно определить как общественно-политическую. Прототипами многих персонажей послужили около тридцати конкретных людей, включая автора и его семью, совершивших в конце прошлого века свой «исход» на древнюю землю своих предков.

Аркадий Острицкий, автор

«Рождён свободным. Исход» (холст, акрил, 200×135 см, 2017-2019 гг.)

2-е место на международном конкурсе,
Пекин, Китай, 2019 г.

1-е место на «Общероссийском конкурсе
современного искусства», Москва, 2021 г.

Медаль им. В.Сурикова

Диплом Российской Премии Искусств,
Москва, 2021 г.

Без борьбы не узнаешь судьбы!
С Б-гом шли из Египта рабы...

А

Галерея «Арвест»,
Алматы, Казахстан

1-е место
на международном конкурсе
«Век реализма», Йиглава, Чехия, 2020 г.

«Ной» (холст, масло, 150×100 см, 2008 г., 2008 г.)

ИСПОВЕДЬ НОЯ

ИСПОВЕДЬ НОЯ

Я ТОТ ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ КОВЧЕГ,
А ПРОЕКТ САМ ВСЕВЫШНИЙ МНЕ НАЧЕРТАЛ.
УБОЯВШИСЬ, ТВОРЦУ ВОЗРАЖАТЬ Я НЕ СТАЛ.
ОН ПОВЕДАЛ, ЧТО НАШ МИР НЕЧЕСТИВ,
НЕУДАЧНЫМ ЕГО ОН СОЗДАЛ,
ЧТО РЕШИЛ НЕПРЕМЕННО РАЗРУШИТЬ ЕГО,
ЧТОБЫ ВНОВЬ ПЕРЕДЕЛАТЬ.

СУДНО СТРОИТЬ ОТ МОРЯ ВДАЛИ МНЕ ВЕЛЕЛ МОМЕНТАЛЬНО,
А МИР ЭТОТ ЖДАЛ НЕИЗБЕЖНЫЙ И СТРАШНЫЙ СУД!
Я ПОНИМАЛ, ЧТО ЭТИ ЛЮДИ ВОКРУГ УМРУТ!
ЗВЕРИ ТОЖЕ УМРУТ – ВСЕ ПОВАЛЬНО!

ЕГО СЛОВО – СУРОВЫЙ ЗАКОН!
ПОТОМУ И РАБОТУ ПОСЛУШНО Я ВЫПОЛНЯЛ.
МОГ БЫ МОЛЧАТЬ, НО СЧИТАЛ, ЧТО НА ЭТО НЕ ВПРАВЕ.
ДРУГИМ ПЕРЕДАЛ И ВОЛЮ ТВОРЦА, И ЕГО ОБЕЩАНИЕ,
ЧТО ВСЁ НАРОД БЕСПОЩАДНОЕ ЖДЕТ НАКАЗАНИЕ –

ИХ ТЕЛА НА РАВНИНАХ, ХОЛМАХ И ГОРАХ ПОД КАРТАВЫЕ КРИКИ ВОРОН.
НО НЕ ХОТЕЛ ВЕРИТЬ НИКТО, ГЛЯДЯ НА НАС СВЫСОКА.

ДЕРЕВЬЯ БОЛЬШИЕ ВАЛИЛ И ДОСКИ ПИЛИЛ.
ПОНИМАЛ, КАКАЯ ДОСКА ПОДХОДИЛА БЫ И НА РАСПИЛ,
ДА КАКАЯ ГОДНА НА ИЗГИБ ЛИ...

ВОКРУГ НАГЛО СМЕЯЛИСЬ ЗЕВАКИ, ПАЛЬЦЕМ ВЕРТЯ У ВИСКА,
А КАК ТОЛЬКО ПОТОП, КОТОРЫЙ ОБЕЩАН, УЖАСНЫЙ НАСТАЛ,
МАЛОВЕРЫ ЭТИ УПРЯМЫЕ ВСЕ В ЕГО МУТНЫХ ВОДАХ ПОГИБЛИ!

ВСЯКОЙ ТВАРИ ПО ПАРЕ СОБРАЛ И ПРИВЁЛ,
СЕМЬЮ СВОЮ И ЖИВОТНЫХ, РАСТЕНИЙ И СКОТ РАЗМЕСТИЛ,
ЧТОБЫ ДОЛГО МОГЛИ ВЫЖИВАТЬ. А КАК ВОДЫ ЗЕМЛЮ ПОТОКОМ ЗАЛИЛИ,
ТО МЫ ТОТЧАС, КАЧАЯСЬ НА НИХ, И ПОПЛЫЛИ.
ДОЛГО ПЛЫЛИ, А Я РАЗНЫХ ПТИЦ ВЫПУСКАЛ. ЛИШЬ ГОЛУБУКА ВЕРНУЛАСЬ.
УКАЗАЛА ГОЛУБУКА ПУТЬ ВЕТВЬЮ С ОЛИВКОВЫХ КРОН.
ГДЕ ЗЕМЛЮ НАШЁЛ, ТАМ ПРИСТАЛ СРЕДИ СКАЛ
КОВЧЕГ МОЙ В ВЫСОКИХ ГОРАХ АРАРАТСКИХ.

ВСЕВЫШНИЙ НЕ ЗОЛ, ХОТЬ, ВЕРША, ПОРОЮ ЩЕДР БЫВАЕТ НА КАРЫ И ЛАСКИ.
И УВЫ, ПО ПОДОБИЮ НАС СОТВОРИВ, НА ОШИБКИ ДАЖЕ И ОН ОБРЕЧЁН.

НОВЫЙ ЖЕРТВЕННИК СТАВЛЮ РЯДОМ С СОБОЙ НА ВЕРШИНЕ ГОРЫ,
ЧТОБЫ ПРИНЯЛ СОЗДАТЕЛЬ ОТ МОИХ ВСЕСОЖЖЕНИЙ ДАРЫ,
И ПЛОДОВ СЪЕДОБНЫХ СПАЛЮ, И БАРАШКОВ ДОСТАВЛЮ...
И ОТСТУПЯТСЯ ВОДЫ, И ОТ НОЯ ПОЙДУТ ПО ЗЕМЛЕ ИНЫЕ НАРОДЫ.

БЫЛ ОБЪЯВЛЕН ЗАВЕТ, ПОДПИСАНО СЕМЬ ВЕЛИКИХ ЗАКОНОВ.
С ВЫСОТЫ ОБЛАКОВ ЯРКОЙ РАДУГОЙ НАВЕКИ СКРЕПИЛ,
ЧТОБЫ ИДОЛЫ ЧУЖДЫХ НИКТО НЕ ВАЯЛ СЕБЕ И НЕ ЛЕПИЛ,
ЧУЖИХ ЖЕНЩИН НЕ БРАЛ, НЕ УКРАЛ, НИКОГО НЕ УБИЛ!

ПОЧЕМУ ЖЕ НОЧАМИ В МОИХ ВЕЩИХ СНАХ СЛЫШУ Я ЭТИ СТРАШНЫЕ КРИКИ И СТОНЫ?

А ЖИЗНЬ УСКОРЯЕТ ПРИВЫЧНЫЙ БЕГ, НО В ГОРАХ, ТАМ, ГДЕ ВЕЧНЫ СНЕГА И ПОКОЙ,
ПОКОИТСЯ МНОГИЕ ТЫСЯЧИ ЛЕТ КОВЧЕГ, КОТОРЫЙ ОДНАЖДЫ ПОСТРОИЛ ПРАВЕДНИК НОЙ.

Я жертвенник ставлю рядом с собой на вершине горы,
чтобы принял Создатель от моих всесожжений дары...

О картине «Триумф Маккавеев или возвращение Меноры в Храм»

Четвертая картина исторического цикла «Надежды праотцев». Изображен момент возвращения восстановленному храму золотой Меноры. Ночь на 25 хислева 165г. до н.э. На полукруглой лестнице Женского двора собрался народ. В только что освященный храм коэны вереницей несут золотые предметы культа. На верхней площадке в медных Воротах Никанора, отделяющих Женский Двор от Двора Израиля, стоят все пять братьев-Маккавеев (Хасмонеев). Впереди, подняв факел, в белых доспехах и белом с голубыми полосками плаще-талите, – виновник торжества Иуда Маккавей («молот, сокрушающий врагов» — это прозвище перешло и на братьев). Освободив с повстанцами страну от власти селевкидского царя Антиоха IV Епифана, он провозглашает возвращение народу храма и веры в единого Бога. Слева, в голубом мейле и золоченом эфоде, в полном облачении первосвященника, брат Шимон. В его руках сосуд с маслом. За ним в глубокой задумчивости Йоханан. Позади Иуды, в шлеме, самоотверженный Элиазар. Там же справа – мудрый и отважный Йонатан. Народ радостно приветствует своих героев. Среди собравшихся есть воины в доспехах. Одного мы видим с факелом в руке (рядом со стенами храма еще идет война, повстанцы выбивают греков из осажденной Акры). Тут же музыкант с тимпаном, мальчишка на плечах отца, молодая мать с младенцем и старик со спасенным и сохраненным свитком Торы. Вносящие Менору молодые коэны счастливы и торжественны. В центре – любопытный агнец, будущая жертва...

«Триумф Маккавеев или возвращение Меноры в Храм» (холст, акрил, 150×100 см, 2011 г.)

2011

Галерея «Арвест»,
Алматы, Казахстан

СОКРУШИЛ

Сокрушил
Победоносно
Фаланги греков
Антиоха Епифана,

С боями возвратил,
А с ним четыре брата,
И эту Менору из золота,
И наш Великий Храм.

Борясь с врагами
Днём и ночью
Непрестанно,
Непобедимым,

Гордым рыцарем
Без страха и упрёка,
Народом признан он
Иудой Маккавеем!

Под этим именем
Известен всем –
И христианам,
И евреям.

O картине «Царь Давид»

ель была создать до ощущимости материальный, но по сути фантастический, философский и многозначный образ. При этом сохранить цельность и тектонику композиции.

Из хаоса букв возникают слова. Особо значимые становятся золотыми. Вырастая из огня и крови войн, отливаются золотыми словами его имени монументальная фигура царя. Неоднозначный обобщающий образ сурового воина и поэта. Он намеренно лишен конкретной временной и исторической атрибутики, с мечом, несущим мир своему народу, порою ценой крови многих других.

В этом он был не одинок. Так в те жестокие времена поступали многие властители. Если не я тебя, то ты меня!

В левой руке царя золотая арфа, а при ней и псалмы. Тут и символический шестиконечный щит и основанный Давидом вечный город с его символами: львом и орлом. Другие символы колена Иуды, рода Давида и Иерусалима: виноград и гранаты-плоды, а также камни-гранаты в короне царя.

Души патриархов, вставая из Вечности, молятся за народ.

2020

«Царь Давид» (холст, акрил, 100×80 см)

Частная коллекция, Израиль

Несколько «секретов полишинеля» от одного мастера

Тот, кто рассматривает мои многофигурные произведения, должен успеть заметить, что главные персонажи в них как-то особенно выделены: цветом, выразительной позой, подчёркивающей важность или торжественность момента, расположением на плоскости холста. Это, господа, не будет ни для кого открытием или большим откровением. С таким наблюдением справится даже самый обыкновенный занятый какими-то посторонними мыслями о подружках краем глаза смотрящий на картину школьник. Что же ещё обсуждать дальше?

Не стану также углубляться в понятия: цельности, образности, тектоники, масштабности, структурности, гармонии и т.д. Уроки композиции с этими свойствами дают во всех, почти без исключения, учебных заведениях, изучающих искусство, но уже и это не всегда бывает «по зубам» их студентам. Что говорить о синтезе искусств, о связи живописи и графики с музыкой и поэзией? О ритмике знают многие, но на этом связь искусств для их понимания заканчивается.

Многие видели графические «симфонии» литовца Микалоюса Чурлёниса, но воспринимаются они как акты «чистого искусства», как «вещь в себе» (пользуясь терминологией Иммануила Канта). Подобное могу отметить и в опусах Василия Кандинского и Анри Матисса. Я же осмелюсь на примерах собственных работ обосновать реальность использования музыкальных принципов синтетически, почти в прикладном значении, обогащая основную тему, казалось бы, постороннюю этим принципам.

Начнём по порядку.

«Ревекка и Элиэзер». На переднем плане подробно и материально прорисованы верблюды, ослик и натюрморт из кувшинов, но почему же мы сразу смотрим на главных героев — Ревекку и Элиэзера? Неужели потому, что они такие яркие? Отчасти да, но далеко не только... Доказать просто. Вот чёрно-белый вариант:

Первый секрет — композиционные линии, то есть, линии, которые напрямую никто не рисует. Они возникают из предметов и пятен. Первая —

это длинная петля от ближней ноги Элиэзера, поднимающаяся по руке со шкатулкой к голове и далее от головы Ревекки по остальным головам, пальме, головам рабов и последовательно верблюдам. От носа ближнего верблюда к ногам наших героев и заканчивает движение на струе воды из кувшина. Далее снова... После этого натюрморт и ослик (автономно). Получается, что ослика на переднем плане даже не все замечают. Так я заставляю взгляд зрителя следовать за мной, а не двигать глазами хаотично. Где бы

ни остановился сначала, он всё равно будет идти по пути, указанному мной. Но спросите, где же музыка? А она уже началась, когда взгляд играл изгибами композиционной линии. Это первая напевная мелодия, включающая первые простые точечные ритмы. Теперь поговорим о том, что я называю «танцем рук». Если последовательно проследим за направлениями рук персонажей, то увидим сложные ритмы с паузами. Это похоже на танец.

Сейчас о главном секрете. Всё сказано не для того, чтобы забыть голову простому зрителю схоластическими измышлениями. Он и не должен обо всём этом думать. Просто подспудно, как-бы случайно, в его голове может зазвучать далёкая ритмичная музыка лир, домбров, барабанов и тимпанов из далёкого прошлого нашего народа, озвучивая библейскую сцену у древнего колодца в пустыне. А может и не зазвучать... Все мы разные.

Теперь вернёмся к «Исходу» — нет, не к истокам всего, а к моей большой картине на эту тему исхода евреев из Египта. И опять чёрно-белое изображение. Сразу же хочу отвлечь «проницательного зрителя» от ярко-красного пятна одежды Моисея — моей жирной точки, моего «камертона» (опять музыкальный термин).

Композиционных линий здесь много. Все они ведут, где бы ни зацепился взгляд, через Моисея и Аарона вдаль. Первая, самая длинная, проходит от старика на переднем плане и дугой к пирамидам вдали. Вторая — буквой Z — от силача и парней, толкающих телегу, через старика с овцой на плечах, семью с младенцем и далее так же, как и первая. Третья — девушка с кувшином, дугой по музыкантам и к свету ввысь. Только она не касается главных героев, а проходит мимо них вскользь. Свет создаёт параболу, подчёркивая центр. Теперь ещё один маленький фокус! Всё движение толпы держится на двух ногах разных мужчин. (Других ног в картине нет!) Нога одного начинает шаг, а другая — заканчивает. Более сотни персонажей — и всего две ноги! Если эти две ступни закрыть — толпа остановится и будет просто раскачиваться на месте. Всё, что говорилось выше о «танце рук», в этой картине тоже присутствует и создаёт свои ритмы. Ощущению музыки дополнительно помогают и сами изображения музыкантов в танце, плюс и арфистка на переднем плане.

Теперь, если очень захочется, можете по этому основополагающему принципу проанализировать и остальные картины. Желаю удачи в дедукции!

Ваш «мистер Холмс» Аркадий Острицкий

Тут и моя дань мудрым и великим

«Баба-Сали»
холст, масло, 70×50 см. 1991 г.

частная коллекция, Израиль

Духовный лидер евреев,

выходцев из Марокко,

Раввин и чудотворец

«Любавический Ребе Менахем-Мендл Шнеерсон» (холст, акрил, 70×50 см, 2015 г.)

Выдающийся деятель хасидизма, основатель движения Хаббад, кабалист и законоучитель

Музей г. Умань, Украина

«Поющий рабби Шломо Карлебах» (холст, акрил, 80×50 см. 2010 г.)

Частная коллекция, Израиль

«Шота Руставели. Последний приют витязя» (холст, акрил, 80×80 см. 2016 г.)

Памяти великого грузинского поэта, учёного и политика XII века

Когда талант и красота неразделимы

Автопортрет в роли Эсмеральды.
Скульптор Джина Лоллобриджида

Джина ЛОЛЛОБРИДЖИДА

Шутила Раневская, но не врала:
«Красота – это страшная сила!»

Нам звезда, что теперь ушла,
Очень долго и ярко светила.

Девяносто пять лет прожила.
Джину в юности обожал и я.

Подростковая вакханалия –
Залистали журналы до дыр!

Поклонялась ей вся Италия
Плюс убогий оставшийся мир.

Там была невозможная талия –
И богиня могла бы завидовать!

Как увидеть и не влюбиться?
Ей достаточно лишь позировать.

Стоит каждому вновь удивиться
Всесторонним талантам Джини:

Сильна в мастерстве рисования,
И фотограф большой, и певица,
Скульптуры важны, и картины.
Лишь одно не теряю из вида –

Посмотрю ещё раз на экране я,
Как с поклоном выходит на бис,

Красотой затмевая других актрис,
Обворожительная Лоллобриджида!

ФОРНАРИНА

Взгляни-ка,
Вот пред тобой
Шедевр всех веков —
Великолепная икона.

Ступая тихо с облаков,
С небес нисходит к нам,
Подобно дивным снам,
«Сикстинская мадонна».

Уже ли чудному виденью
Тебя не пробудить никак?
Про тайный Рафаэля брак,
Не понимая, не злословь!

Виною – мастера любовь.
Была для этого причина –
Его источник вдохновенья,
Божественная Форнарина!

Ей велено самой судьбой
Стать его музой и женой,
Когда она хлебы вносила
Ему на виллу Фарнезина.

Среди великих дел и тем
Легенда та живёт досель –
И был объединён в tandem
С моделью мастер Рафаэль.

Союз двоих, в котором гений
Творить любовью был готов.
Он жизни краткое мгновенье,
Поверь, наполнил до краёв!

Рафаэль Санти. «Форнарина» и «Сикстинская мадонна»

ХОРОШИЙ ХУДОЖНИК

Хороший художник мне в сердце проник,
Как шепот любовный, как радости крик,
Как капли дождя на дрожащих листах,
Рождая желанья в оживших мечтах.

В художнике этом есть доля меня.
Мне лично он дарит частицу огня.
Смотрю... и мурashki бегут по спине –
Он важное что-то сказал... обо мне!

Сказал о других? Так другие ж они!
Пусть каждый отыщет себе и хранит,
Что ценно кому, что кому суждено.
Но а для меня то поныне оно...

В том сердце, которое знает любовь,
Которому следуй и не прекословь,
Которое помнит, что да, а что нет,
Которое видит, что тьма и где свет...

 Епovтoрильныи мастерам — поклон!

«ВАСИЛИЙ ВЕРЕЩАГИН. ПРИТЯЖЕНИЕ ВЕЧНОСТИ»

Сначала несколько слов о «Верещагине в Самарканде». Картина родилась довольно быстро, хотя подбор материала и занял некоторое время. Из многих источников, включая фотоснимки разных времен и воспоминания современников, я понял, что буду рисовать молодого человека двадцати шести лет и богатырского телосложения. Возник вопрос, была ли у него тогда его знаменитая борода. Фотографий этого периода не сохранилось. На снимке из кавказской поездки у него относительно небольшая бородка, а в Париже 1877 г. она уже внушительных размеров и значительно облысевший лоб. Из его собственных воспоминаний того времени, солдаты самаркандского гарнизона обращались к нему, дворянину, «ваше степенство», как к человеку купеческого сословия, скорее всего, из-за бороды и могучей фигуры. Так я решил для себя этот вопрос. Возникла идея изобразить художника на фоне одной из его тем — мавзолея Тамерлана. Гур Эмир был в точности взят с его картины. Даже сидящего там «аксакала» повторил как есть. Получилось, что он смотрит на этюд, только что написанный им, отвернувшись от натуры. Чтобы не быть банальным, отказался от дежурных атрибутов искусства, как кисти, палитра, муштабель и т. п. Тени от листвы на верещагинском оригинале сказали о необходимости изобразить художника под чинарой, да и жарковато было бы ему работать под открытым небом в узбекскую жару. Так как он выпросил у генерала Кауфмана вместе со свободой передвижения и право не ношения военной формы, то логично, что одет мой Верещагин в его любимую русскую вышитую рубаху

и удобные солдатские краповые штаны. Отказавшись в своей картине от всякой патетики (там же в Самарканде при защите цитадели он заработал своего Георгия), я хочу, чтобы она хотя бы чуть напоминала зрителям о философском и одновременно глубоко человечном отношении великого баталиста к миру, войне, истории и красоте.

Центральная часть триптиха переносит нас в древний и вечный Иерусалим к Стене Плача. Картина «Верещагин в Иерусалиме» продолжает цикл о художнике Василии Верещагине. Она открывает еще одну тему его творчества — святые места, а также взаимоотношения на их фоне различных религий и конфессий. Убежденный атеист, он, тем не менее, весьма терпимо относился к религиозным проявлениям, обычаям и культуре разных религиозных общин и отдельных личностей, с которыми его сводила судьба. С одинаковым вниманием он рисует православного отшельника, раввина, беседующих и молящихся евреев, арабскую женщину-христианку, мусульманина-араба на верблюде... Как всегда, его увлекают этнография и история. Он зарисовывает старинные заросшие развалины и гроты, пейзажи пустыни. И конечно же, как особый феномен, притягивает его знаменитая Стена Плача с интереснейшими европейскими персонажами у ее подножья. Вот выдержка из записей художника о евреях, прибывших сюда со всего света: «В горьких криках изливать свои жалобы на судьбы и в буквальном смысле слова омывать священные камни своими слезами. Вот какая-то женщина нетвердой

походкой торопится к свободному месту у стены. Бросается на камни и раздирающим душу голосом умоляет Бога возвратить ей ребенка, который только что умер. Дальше два еврея, уставшие молиться, болтают о делах: «Ну, что, купили? Сколько заплатили? О, это слишком дорого...» После подобного перерыва снова принимаются молиться и рыдать. Какой-то старый раввин, усевшись в уголке на камушке или на пустой бочке с маркою «Бордо», весь в слезах читает по книге: «О Господи, язычники завладели Твоим наследием, надругались над Твоими святынями, разрушили Твой город. Мы сделались предметом ненависти, презрения и насмешек для всех окружающих. Доколе, доколе, о Господи, неужели гнев Твой на нас вечен, и мы навсегда обречены его пожирающему пламени?» Об этом Верещагин и написал картину «Соломонова стена», а моя работа есть ретро-взгляд на событие и автора со стороны и сквозь века. Я посчитал, что и здесь уместно было повторить прием из первой картины цикла, то есть, написать автора на фоне его темы и персонажей. Только в новой картине он занят зарисовками. Хотелось показать здесь живой взгляд художника и иерусалимский особенный яркий свет.

Третья, завершающая часть, хоть и отмечена приближением трагедии, но в ней я не смог удержаться от элементов патетики, так как изобразил двух человек необыкновенной отваги и верности своему профессиональному долгу и долгу перед человечеством, двух георгиевских кавалеров, честнейших и одаренных многими талантами, настоящих героев. Адмирал Макаров и ху-

дожник Верещагин с первой же встречи подружились и стали сотрудничать.

Я изобразил момент, когда они оба возвращаются на эскадренный броненосец «Петропавловск» на паровом катере, после взрыва корабля, посмотреть на который предложил художнику адмирал. Оба не подозревают, что вскоре подобный же взрыв унесет их жизни.

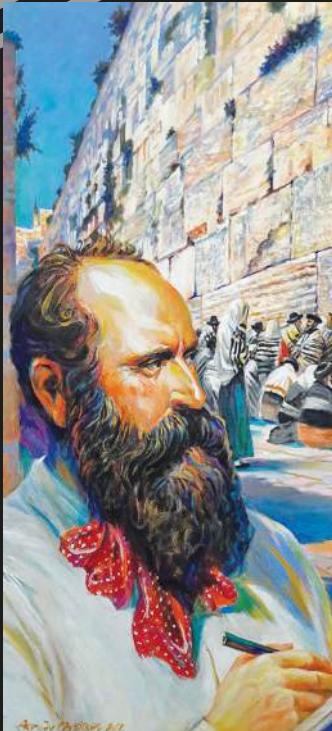
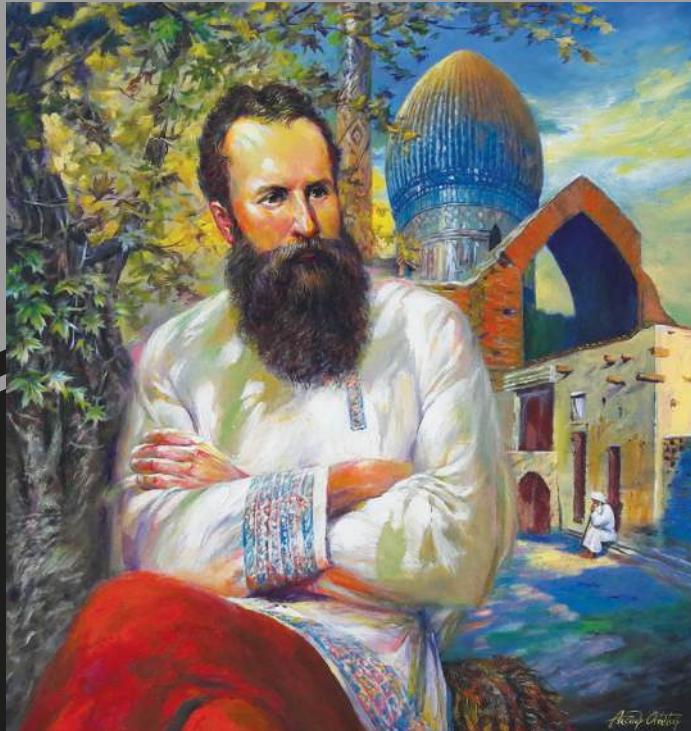
Раннее утро, туман еще стелется над морем, покрытым мелкой рябью. Недружелюбное желтое небо с дымами из труб боевых кораблей — это тот фон, на котором величественно и грозно возвышается громада флагманского броненосца. На носу корабля прямо над позолоченным двуглавым орлом, символом Российской империи, развевается яркий стояночный гюйс, а вдали на корме на бизань-гaffеле ветер полощет Андреевский флаг русского флота. Вдоль борта укреплена противоторпедная сеть. Пушки главного калибра расчехлены и повернуты в сторону врага. Броненосец экипирован и подготовлен к походу. Пара чаек мечутся над морем, как души погибших в нем моряков. Верещагин прижимает к груди папку со своими драгоценными набросками, которым не суждено было дойти до зрителя. Макаров, как скала, не замечая ветра, смотрит вдаль, весь в мыслях о подготовке флота к предстоящим боевым операциям.

Вот и все. Теперь смотрите сами.

Триптих

1-е место
на международном
конкурсе «Арт-портрет», Москва, 2021 г.

Художественный музей им. В.В. Верещагина, Николаев, Украина

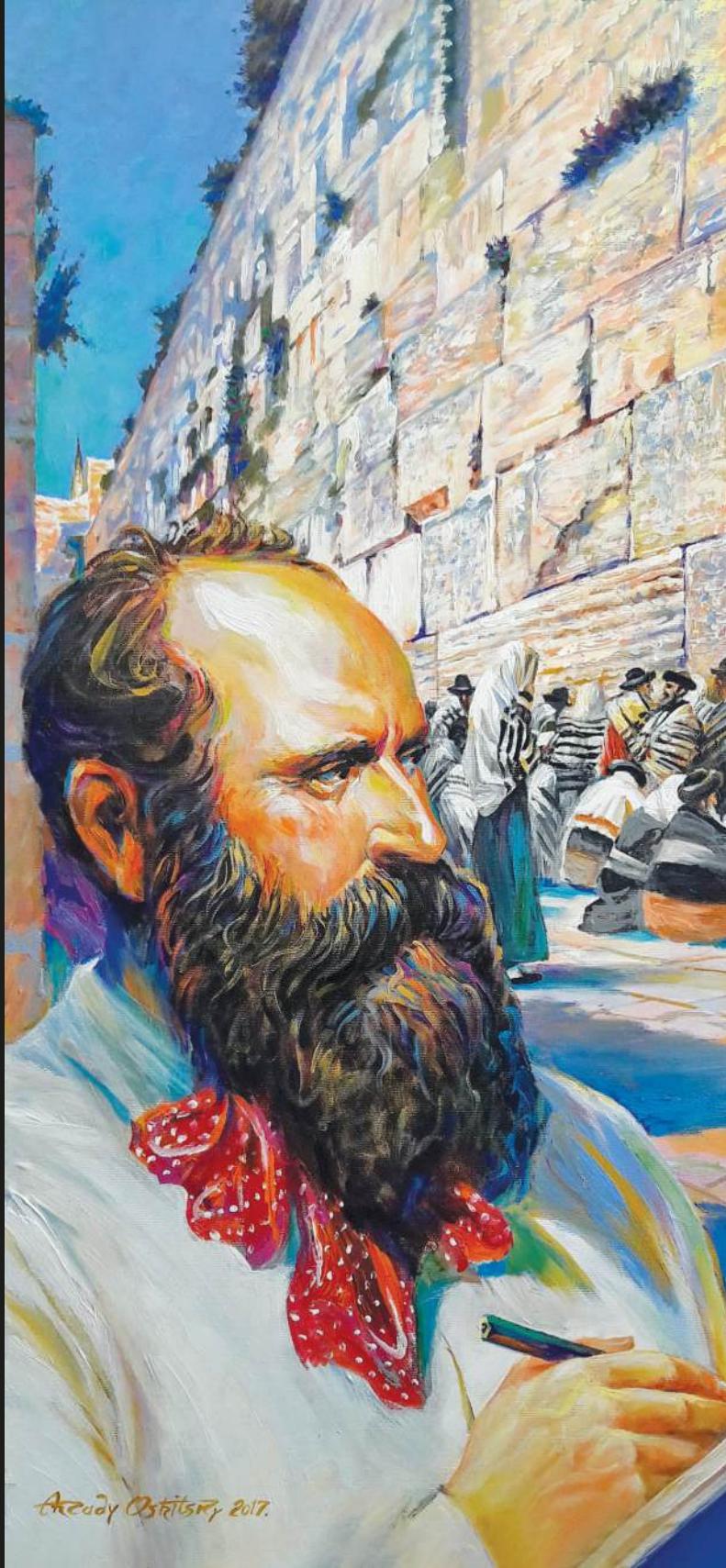
Триптих «Василий Верещагин. Притяжение Вечности» (холст, акрил, 80×80, 80×40, 80×80 см. 2017 г.)

«Василий Верещагин. Притяжение Вечности» (левая часть триптиха)

71

«Василий Верещагин. Притяжение Вечности» (центральная часть триптиха)

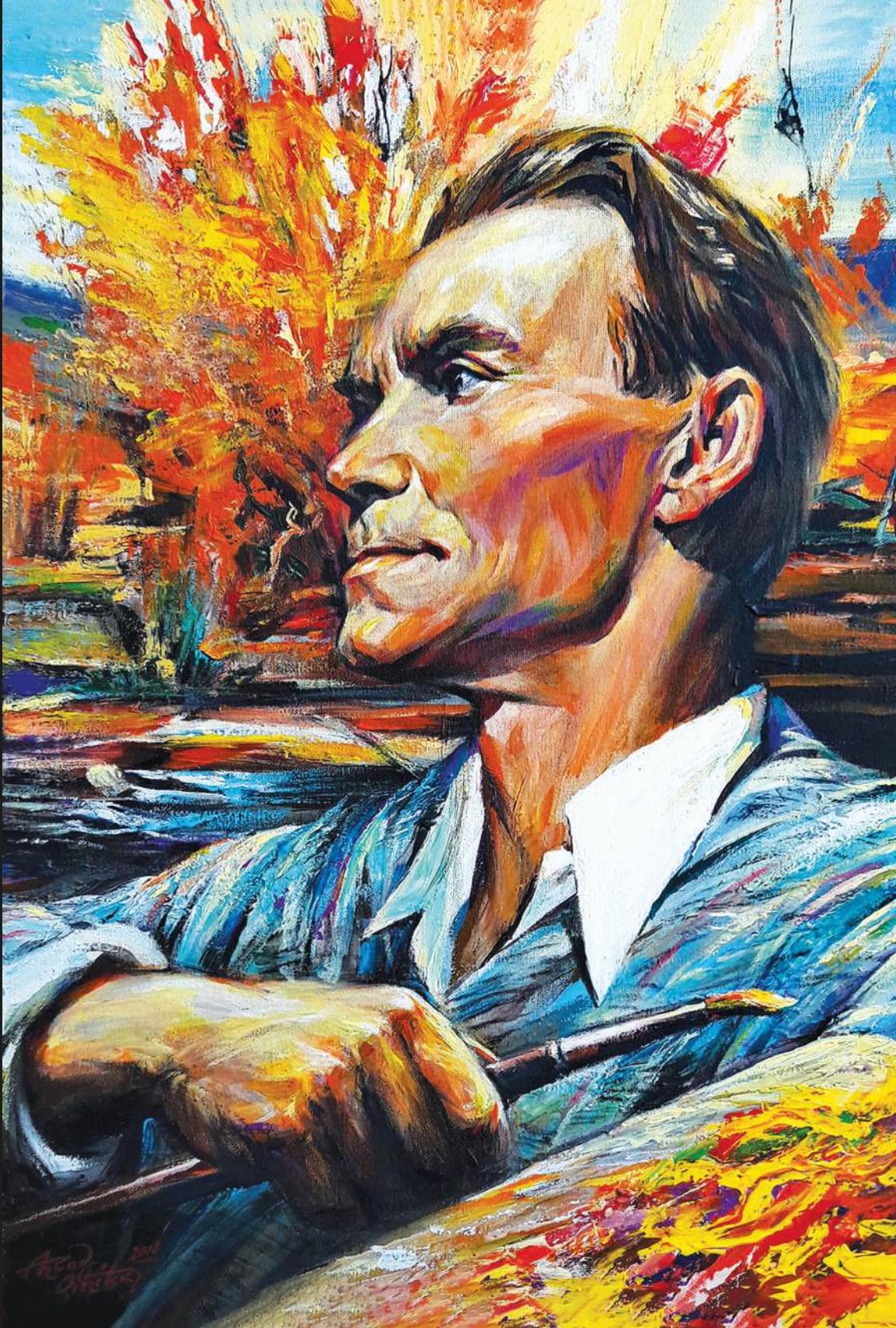

«Василий Верещагин. Притяжение Вечности» (правая часть триптиха)

«Портрет Николая Фешина» (холст, акрил, 70×50 см, 2018 г.)

2-е место
на международном конкурсе
«Арт-портрет», Москва, 2019 г.

«1898 г. Илья Репин в Гефсиманском саду» (холст, акрил, 70×80 см, 2016 г. Харьковский Художественный музей, Украина)

ЛЕТЯЩИЕ ЛЮБОВНИКИ ШАГАЛА («Над городом»)

Ах, что за пара там над городом летит?

Так хорошо летит! Любовь несет ее

Над этим все видавшим миром.

И восхищаясь люди говорят:

«Какая пара! О, какая пара!»

Смотри, на крыше той

Скрипач один стоит,

И далеко слышны

Поют и плачут

Струны скрипки...

Шагал иных мудрей

И тем, друзья, велик, что

Скорой кистью чудеса творя,

На мир взирая грустно, без улыбки,

Он видит дальше нас и вечное вершит.

Любовь вознаградит, простив и нам ошибки.

«Метаморфозы любви от Марка» (холст, акрил, 90×120 см, 2018 г.)

местечках и окраинах

По моему твёрдому мнению, тема истории моего народа не должна быть только, как принято по ошибочно сложившейся схеме, печальной и слезливой, какой бы тяжёлой она ни была.

Российские императоры, искусственно создавшие «черту оседлости евреев», не добились поставленных ими целей. Скорее, наоборот, сами добровольно обобрали и ослабили себя. Еврейские революционные настроения, порождённые ими же, вернулись бумерангом и с неожиданной силой. Но это уже тема другого разговора... Евреи жили даже в самые трудные времена и в самом неоднозначном окружении, сохраняя силу духа, оптимизм и чувство юмора.

Еврейские ремесленники, торговцы, артисты отличались трудолюбием, любознательностью, вниманием к своим семьям и интересам соседей. Артисты, даже ещё не знакомые широкой публике, писали и исполняли великолепную музыку всех жанров, которая сама шла в народ и на большую сцену, расширяя как эмоциональный фон, так и мировоззрение тех, с кем они жили бок о бок. Идишские выражения вошли и в сленг, и заметно пополнили литературные языки европейцев — и не только восточных. Из еврейских местечек и крупных городов за чертой оседлости вышло много великих людей, обогативших мировые культуру, науку и прогресс. Я не намерен в данном формате загружать кого-либо подобными примерами. Любопытный может узнать сам всё, что его интересует. Сегодня интернет даёт широчайшие возможности для пополнения знаний.

Oтрудягах с окраин империи
стайка добрых картин и стихов

СТАРЫЙ ПОРТНОЙ

Под лестницу крутую спряталось окошко.
Мороз причудливым узором стёкла красит,
А свечи Хануки пускай горят ещё немножко,
Нет сквознячка – весёлые огни ничто не гасит.

Горит «буржуйка», приоткрыв чугунный рот,
Сухим углём трещит, дыханьем жарким обдаёт.

Струится ткань, проворно извиваясь, как живая,
Стучит надёжный «Зингер», песенку поёт.

Да, но блестит на лбу у старика-портного пот,
К утру успеть... строчить... не подвела бы нить!

Моргают лампы огонёк и осторожно намекает,
Мол, до рассвета и керосина может не хватить.

Из памяти, теснясь, плывут родные лица, даты...
Прочь грусть о сыновьях, которые давно женаты.

Задача лишь одна: дошить во что бы то ни стало!
Тут чудо ханукальное ему совсем бы не мешало...

«Старый портной»
(холст, акрил, 50×60 см, 2020 г.)

Частная коллекция. Израиль

БАЛАГУЛА

Трудяга, парень добрый, балагула,
Его судьба в болото не втянула:
Развозит вещи и людей
И обожает лошадей.

Торгуга, богател в Америке купец.
Себе и сыну, всей его семье
Дом в Жмеринке купил
Удачливый отец.

А жил в местечке тихо, но красиво,
Любимый отпрыск – клезмер
С женой и старшим сыном.
Вдруг наконец

Сменилась жизни перспектива –
Родился и ещё один сынок.
Старик для внуков
Всё что смог!

На тарантасе, запряжённом парой,
Весёлый и не пьяный балагула
Всех с ветерком отвозит
В новенький чертог.

Но балагулу ждёт красавица-жена.
Сегодня он отлично заработал.
Вчера с ней отмечал субботу,
И этот удался денёк.

А

«Балагула» (холст, акрил, 70×50 см, 2020 г.)

ВОДОВОЗ

Ещё одна типичная еврейская работа.
В местечках часто не было водопровода.
Их выручали бочка, лошадь и подвода.
Нередко скромный маленький извоз

Держал нехилый парень – водовоз.
Свою телегу загонял поближе в воду,
Черпал ушатами, ну а наполнив бочку,
Кобыле помогал вытаскивать подводу.

Застряв, справлялся тоже в одиночку,
Не звал на помощь лишнего народу.
Ещё он новости возил с водою вместе,
Купив попутно и подарки, вёз невесте.
Не видели того, чтоб он напился,
В жару, мороз без устали трудился.
Хотя шинок и посещал он временами,
Но меру знал, был уважаем мужиками.

А женщины по пятницам стирали –
Как своегоmessию, водовоза ждали.
Он приезжал к ним с черпаком и бодро
Всем радугу в ушаты разливал и вёдра.

A

«Водовоз» (холст, акрил, 70×50 см, 2020 г.)

АНТИКВАР

В старинном городке
Еврей жил – антиквар.
Какой у старого товар,
Заглянем посмотреть:

Там русский самовар,
Здесь маска папуаса,
Палаш, гитара, ваза –
Не перечесть и треть.

Сидел, как арестант,
Закрылся, как монах.
Ценней иных в веках
Талмудов фолиант!

Уже не цель продать,
А только бы... владеть.
Такого счастья впредь
Ведь может и не быть?

А

«Антиквар» (холст, акрил, 70×50 см, 2020 г.)

МОЛОЧНИК

Он по утрам был
Радости источник,

Своим шутливым
Образом смущал
Молодок сочных.

Звонил-бренчал и
Громким голосом
Бегущих подзывал

Совсем недалеко,
А там он разливал
В бидоны молоко.

Всегда весёлый
Йоселе-молочник.

«Молочник» (холст, акрил, 60×60 см, 2020 г.)

КЛЕЗМЕРЫ

Пускай ты даже груб и прост,
И в маленьком местечке жизнь твоя течёт,
Однако лишь последний жмот
На свадьбу клезмеров себе не позовёт!

«Кlezмеры» (холст, акрил, 60×90 см, 2020 г.)

«Одесский куплетист» (холст, акрил, 60×90 см, 2020 г.)

ОДЕССКИЙ КУПЛЕТИСТ

Большая плоская биндюга – это вместо сцены,
Где пиво, раки, семечки, соседок перебранки,
Мужицкий гогот и бандитский свист.

Белья гирлянды во дворах, акации, каштаны –
Картины знаменитой старой Молдаванки.
Он выступал один, порой без смены,
Стэп отбивал, смешил народ под звуки концертины,
Неунывающий талант, ещё не признанный артист –
Очередной одесский искромётный куплетист!

СКРИПАЧ НА КРЫШЕ

Такое рисовал ешё стариk Шагал.
Я вслед ему своё насочинял,
Взяв у великого лишь тему,
Создал иные стиль и схему.

Вот музыку творит скрипач!
Напев печальный душу рвёт
И мысли от земли уносит вскачь.
Весенний ветерок любовью дышит.
Смешной скрипач зовёт и нас в полет
Под доброй старой скрипки томный плач,
Чтоб каждый сердцем ту мелодию услышал.
Глядит, покой взрывая, на закат один на крыше.

«Скрипач на крыше» (холст, акрил 70×50 см, 2020 г.)

Диплом лауреата 3 степени
Российской Премии Искусств.
Москва. 2021 г.

ЦИРЮЛЬНИК

Цирюльник весело стрижёт.
Мелькая, ножницы стучат,
Клоки волос вокруг летают.
Пока вам очередь дойдёт...
Чем дышите, куда спешите,
С кем этими ночами спите,
Цирюльник знает наперёд.

Он говорит, мол, намекаю
Вам на шикарную фемину.
В пролётке за моим окном
Она с болонкой проезжает.
Не делайте кривую мину –
Здесь не один я наблюдаю.
Весь дом стоит вверх дном!

«Цирюльник» (холст, акрил 70×50 см, 2020 г.)

Андрей О.

СТЕКОЛЬЩИК

Вдовица извилась с тоски.
Грустит красавица, но тут,
О ней слагая небылицы,
Отвергнутые женихи
В отместку стёкла бьют.

Она стекольщика зовёт,
И всем понятно почему.
Но может приключиться,
Смешному парню одному
Сей раз в любви... и повезёт?

«Стекольщик» (холст, акрил, 70×50 см, 2020 г.)

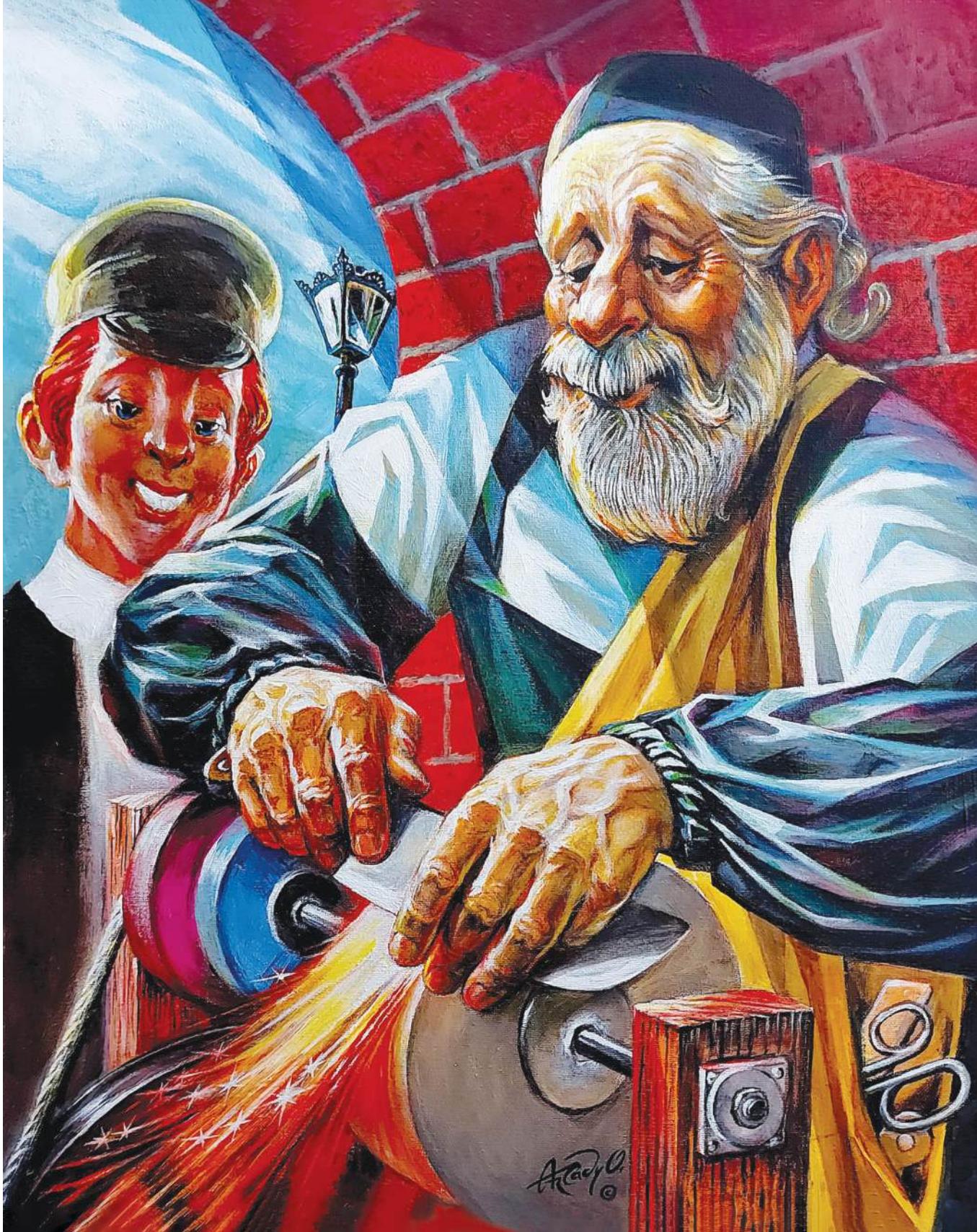
УЛИЧНЫЙ ТОЧИЛЬЩИК

Седой благообразный
Был уличный точильщик,
Который за углом стоял
Возле ворот раз в месяц.
Обслуживал он весь район
И каждый день переходил
В другое место, охватывая
Максимум своих клиентов.

Припоминаю руки старика:
Мозоли, шрамы от ожогов
И слишком частые порезы,
Которые слоями заживали.

Ребята радовались – искры
Из-под его ножей взлетали,
И бегали к нему смотреть,
Как, тая, звёздочки играли.
Он отгонял, боясь кого-то
Ненароком ли поранить.
Простую радость детства
Хранит любовно память.

«Уличный точильщик» (холст, акрил, 70×50 см, 2020 г.)

1-е место
на международном
конкурсе «Современный
авангард» (модернизм),
Санкт-Петербург, 2020 г.

Частная коллекция,
Израиль

«Рыжий сапожник» (холст, акрил, 50×40 см, 2011 г.)

РЫЖИЙ САПОЖНИК

САПОЖНИК
ВЕСЁЛЫЙ
РЫЖИЙ
ПАРЕНЬ
СМЕШНОЙ
РАБОТАЮЩИЙ,
БЕРЁШЬ ТЫ
ДЫРЯВЫЙ
И СТАРЫЙ
БАШМАК,
УЖ БЫЛО
ПРОПАЩИЙ
КАК НОВЫМ
КРАСИВЫМ
ЗАБЫТЫЙ
БАШМАК
В ИТОГЕ
БУДЕТ,
СРАЗУ
ЛЮДИ
ПОЙМУТ —
ДА ТЫ ЖЕ
ХУДОЖНИК
НАСТОЯЩИЙ

*Когда стихи картинам помогают,
Картинам сами тянутся к стихам*

«В порту Эйлат ночью» (холст, акрил, 50×70 см, 2019 г.)

ТУТ, НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ...

Прекрасный образ полусонной розы
Выходит из куста — почти из полутимы.
Как далеко от нас крещенские морозы,
Земля опять напоена дыханием весны.

В Бат-Яме солнышко сменяют грозы,
И всюду красота, куда бы ни забрели.
Кусты в цветуроняют с веток слёзы,
И радуга дугой от неба до земли.

Голанам, Галилее и Иерусалиму
Природа посыпает ряженую зиму,
А на горе Хермон сугроб метровый,
И в Иудее воздух свежий и здоровый,

Тут, на Святой Земле, мы к чудесам готовы.

ВЗИРАЕТ МОЛОДОЙ ИЗРАИЛЬ...

Взирает молодой Израиль,
Воды любовник, друг огня
На золотой Йерушалайим,
Что куполами пламенеет,
Святой стеной незабываем.
Туда весь мир несёт желанья,
Молясь, во исполненье веря.
Ты в сердце каждого еврея!

Цветущие весной Голаны,
Наш север — горы и долины,
Вдыхаю свежесть Галилеи...
Лаская нежно берег Иордана,
Журчит его жемчужная струя.
Молчат седой истории руины.
Мёртвое море лечит раны.
Хотя и малой суши полоса,

Но отворяешь ты просторы,
Даря глазам повсюду чудеса.
Я пью твой воздух, как нектар,
Душой приемлю каждый дар.
Израиль, ты призвал меня
В моря, пустыни, реки и леса.
Из света создан, как из золата,
Весь, от Метулы до Эйлата!

1 место
на международном конкурсе
«Арт-сезоны» (весна),
Москва, 2021 г.

НА ВЕРШИНЕ ХЕРМОН

На вершине Хермон снег не тает,
Там даже и летом Зима обитает.
Гуляет Мороз на белом просторе,
А внизу народ – купается в море.

1 место
на международном конкурсе
«Арт-сезоны» (зима),
Москва, 2021 г.

«Дорога на Хермон» (холст, акрил, 40×60 см, 2019 г.)

Arcay O.

«Белорусский мотив» (холст, акрил, 70×90 см, 2012 г.)

Могилёвский областной художественный музей имени П. В. Масленикова.
1-е место на международном конкурсе классической живописи (пейзаж), Барселона, Испания

«Башня Давида» холст, акрил, 70x80 см, 2015 г. Национальный Музей искусств Азербайджана.
2-е место на международном конкурсе «Всемирная Арт-география», Москва, 2021 г.

«Израиль. Вид на Хайфу с горы Кармель» (холст, акрил, 40×80 см, 2017 г.)

2-е место на международном конкурсе «Всемирная Арт-география», Москва, 2021 г.

Красотка Хайфа, молодеешь ты,
И шумный порт тебя не портит,
А твои дивные Бахайские сады,
Как вишенка на сладком торте!

«Вид на Хайфу с горы Кармелль от Бахайских садов» (холст, акрил, 57×50 см, 2017 г.)
2-е место на международном конкурсе «Всемирная Арт-география», Москва, 2021 г.

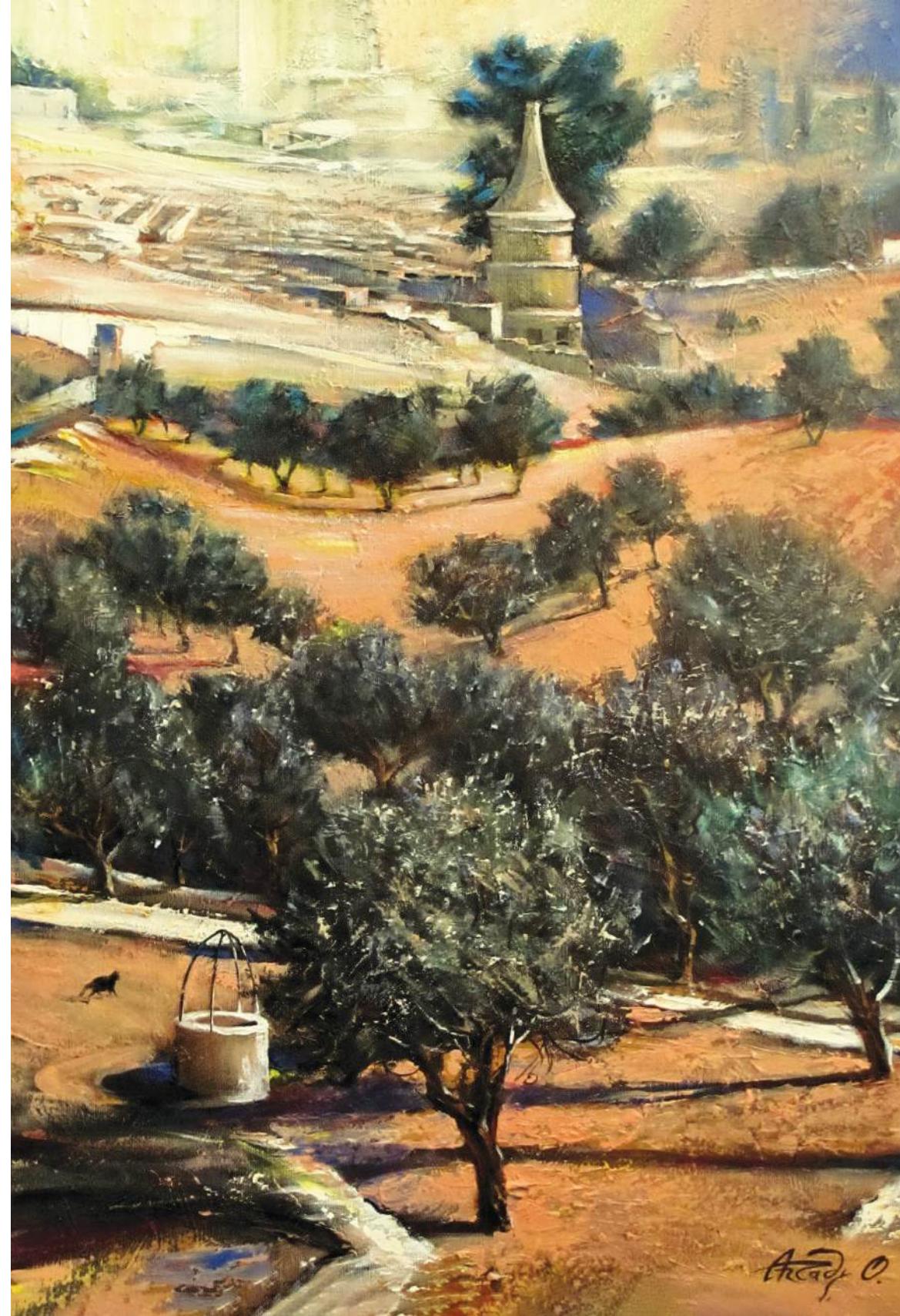

«Иерусалим. Вид на Ямин Моше» (холст, масло, 50×70 см, 2015 г.) Черниговский художественный музей им. Г. Галагана

«Израиль. Вид на Маале Адумим зимой» (холст, акрил, 40×50 см, 2013 г.)

«Иерусалим. Вид на Кедронскую долину и старинное кладбище» (холст, акрил, 70×50 см, 2012 г.)

1-е место
на международном конкурсе
«Всемирная Арт-география»,
Москва, 2021 г.

1-е место
на международном конкурсе
«Арт-сезоны» (лето),
Москва, 2021 г.

«Иерусалим. Летний вечер в Кфар Шауль» (холст, акрил, 60x50 см, 2013 г.). Частная коллекция, Израиль

Святыни всех религий уважаю — часть нашей жизни и истории в них есть

«Иерусалим. Вид на Эйн-Керем в предзакатных лучах» (холст, акрил, 70×50 см, 2012 г.)

Чувашский государственный
художественный музей

ПАРАД ГЕФСИМАНСКИХ ОЛИВ

На Масличной горе
Старый маленький сад.
Как в христовом терновом венце,
Он в суровом квадратном кольце
Из железных оград.

Там две тысячи лет
Под ветрами оливы стучат ветвями
И натужно скрипят сухими стволами,
Говоря, что им ведом великий секрет,
Только слов у них нет.

Так стоят, полусонны...
Но секрет того древнего сада,
Что оливы и пни, и колонны
Знают правду и ждут, непреклонны,
Возвращенья Его!

В том саду есть смотритель.
Он садовник и сторож, и зритель,
Благородный монах-францисканец –
Аккуратный ухоженный старец,
Строг и не суеверив.

Выше миссии в жизни не зная,
Сад заветный обходит от края до края,
В диалог молчаливый с веками вступая,
Каждый день, как военный парад, принимая
Свой парад Гефсиманских олив.

1-е место
на международном фестивале
поэзии и живописи,
Тель-Авив, Израиль

«Парад гефсиманских олив» (холст, акрил, 50×70 см, 2012 г.)

«Иерусалим.
Храм Гроба Господня
(главный фасад)
в ночь Рождества»

(холст, акрил,
50×50 см, 2018 г.)

1-е место
на международном
конкурсе классической
живописи (архитектура),
Барселона, Испания, 2020 г.

«Иерусалим.
Храм Гроба Господня.
Восточный фасад»

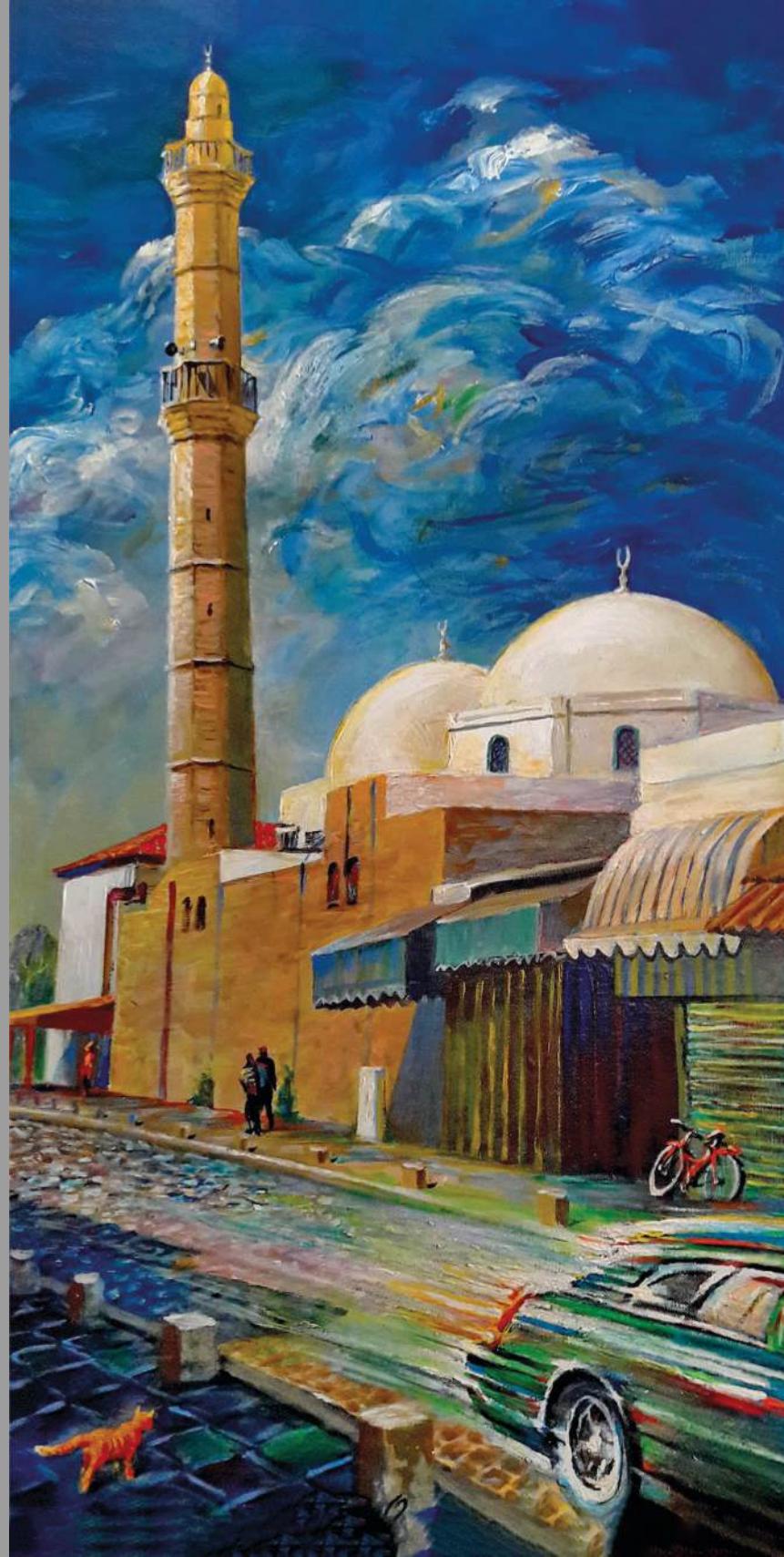
(холст, акрил,
50×60 см, 2019 г.)

Новосибирский
государственный
художественный музей

A. Ostitsky 2019

«Яфо. Махмудия» (холст, акрил, 76×40 см, 2016 г.)

Государственный
музей искусств
Узбекистана

Порою, удаляющими лайнеров
кипящие следы рождают
nostalgicheskie
чувства

х, эти лайнера —
«атланты» океанов

ЛАЙНЕР В ТУМАНЕ

Белый лайнер призывно гудит из тумана.
В небе соло безумно большого органа.
Свет висит миражом и дрожит непрестанно.
Абрис лайнера зыбок, как фата-моргана.

Он уходит в туман, гладь винтами взрываю,
Море длинным искристым ковром покрываю.
Чайки с криком снуют, в ярких бликах теряясь.
След темнеет и тает... Не стирается память.

«Лайнер в тумане» (холст, акрил, 60×40 см, 2019 г.)

A

Громада лайнера
В туман уходит, тая,
Склонились небеса,
Седины распуская.

Сквозь крики чаек
Пена вьёт узоры.
По морю сказка
Уплыла, смолкая.

КУРСОМ НА ЗАКАТ

Уходит лайнер курсом на закат,
След за кормою серебрится, тая.
Над пеной чайки пьяные летят,
Качаются от края и до края.

Сжигает солнце в небе облака,
А те мосты туманные мостят.
Шар огненный растает, а пока
Лучи, играя, море золотят.

Маня к себе веселыми огнями,
Плавучий город, щедростью своей,
Над морем море музыки разлей,
Да пробаси гудком, прощаясь с нами,

И удаляясь, догоняя горизонт,
Нам алый борт являя напоследок,
Плыви сияющей горой, а звездный зонт
Раскроет ночь сама за твоим пенным следом.

«Курском на закат» (холст, акрил, 80×50 см, 2019 г.)

2-е место на международном фестивале
поэзии и живописи, Тель-Авив, Израиль

Aх, Париж... Париж...

НОЧЬЮ В ПАРИЖЕ

А **ночью в Париже** чего только нет:
Шопинг и допинг, и призрачный свет.
Там женщины с грацией кошки,
Улыбки и стройные ножки...

Но непокорные мани
Злую шутку сыграли свою –
Проделали дырку в кармане...
И – адью!

«Париж.
Ночью в Латинском квартале»
(холст, акрил, 80×120 см, 2007 г.)
Частная коллекция. США

Art by O.

СЕРБСКАЯ ОСЕНЬ

Запредельная сербская осень!
То прозелень, а то яркая просинь,
То ли явь, то ли мне это снится –
Та крутогорбая крыш черепица,
Домики – яркие кубики ЛЕГО...

Сказочно! – Верь мне, коллега.
Ярко-красны кусты облепихи,
Сосны так удивительно тихи.
Всё, как вижу – так и рисую.
Сохраню и вам осень такую.

«Винодельня «МОНИ»
(холст, акрил, 50×60 см, 2022 г.)

ДЖИГА ВИНУ

Вину в вину не стану ставить даже раз
То, что порой творит вино в ином из нас...

«Осень в Сербии»
(холст, акрил, 60×80 см, 2012 г.)

Галерея «CODEX»,
Пожаровац, Сербия

Anady O.
©

 *П*онемногу о многом

XX ВЕК

Катком катил двадцатый век,
Создав гору научных глыб,
Оставив после войн калек
И атомный весёлый гриб.

Планету нефтью засорил,
Дорогу в космос проторил,
Но перегаром отравил всё
Суетный машинный бег.

Искусства вечные забытые,
Одним квадратом заменил
Красоты гор, морей и нив,
Цветов и дев, плоды и лес.

Кино и телевизор ввёл,
Внёс интернет и СМС,
Политкорректность и СС,
Танк, Холокост и СССР,

Дух революций и афер,
Электро-музыку и рок,
Электровоз, электрошок...
Перечислять не хватит сил.

Привычное разворотил!
Израиль нами населял,
Плюс жизнь мне дал...
Чтоб я так жил!

ТО СТАРОЕ КИНО

Ты одинок в толпе,
Ты одинок в семье,
Ты лишь не одинок
С собой наедине.

Как доброе вино,
К тебе дошло оно
Через экран-окно
То старое кино.

Смотри его, любя.
Наверняка там есть
И мужество, и честь,
Забытые давно.

Пускай один всегда,
Но нет, ты не один,
Когда с тобой кино,
Любимое кино!

ЭТУ СТАРУЮ ДВЕРЬ...

Эту старую
Дверь отворив,
Не скрипи
И на ручке дверной
Не виси. Жду –
Проси!
Что ты сделаешь,
Если скажу:
«Не входи?»
Давний
Долг возвратить?
Что ж...
Скорее плати.
Может лучшее
Здесь
Тебя ждёт впереди?
А захочешь уйти –
Не держу,
Уходи.
Ты свободная
Птица.
Там воля –
Лети!

ЕСЛИ...

Если нам хорошо,
То ненужными будут вопросы,
Когда плохо,
Вопросы один за другим...

Почему перекосы?
Зачем мы летим под откосы?
Выбираемся, ищем причину –
Одну из десяток причин.

Если цель высока,
То потери в пути незаметны.
Отряхнувшись слегка,
Мы идём против ветра и тьмы,

А когда цель исчезла,
Замечаем, где, кто и что мы.
Как побитые ноют бока,
Ничего же пока... неизвестно?

АВАНТЮРИСТ

Когда писать картину начинаю,
Далек я, чтобы строить пьедестал.

Свободно над планетою летая,
Давно нашел я в жизни, что искал.

В работу окунаться с головой,
Все делаю уверенно и быстро.

В груди моей мотор стучит шальной
Для смеха, блеска, поиска и риска.

Мои ошибки тоже все со мной.
Мои картины – суп из топора!

Не ведаю, где труд, а где игра ...
Во мне играет кровь авантюриста.

ГУЛЯЮ У МОРЯ

Гуляю у моря. Тени пальм на закате длиннее,
А роза Шарона алеет, ревнуя близняшек-сестёр.
Как приятно идти по цветущей приморской аллее.
Чем темнее, тем громче сверчков и кузнечиков хор.

Девчушки смеются, а парни крутые басят деловито,
Все собой хороши так, что глаз невозможно отвесь.
Скамейки тут заняты парами. Негде уже и присесть.
Рестораны к себе зазывают. Входите, открыто!

Отдыхают солдаты, автоматы с плеча не снимая.
В чём точно уверен, что они тут нужнее всех нас.
Враг дурак, но коварен, нападает, подстерегая,
Но такие ребята, девчата от него защитят и не раз.

Вступая в дрожащую воду, закипает огненный диск,
Расплавленной медью течёт, звёздами вниз сбегает,
Чтобы в прибой упасть. Воздух свеж. Норовит и бриз
Запахом рыбы обдать, но под рокот волн затихает.

Фланируя вдоль вечно бодрствующего Бат-Яма,
Полной грудью вдыхаю морской ободряющий йод,
Слежу за осанкой, держусь твёрдо, уверенно, прямо,
А точней, почти прямо. Нам годы никто не вернёт.

ДВЕ ИВЫ

Росли над потоком две ивы,
Ласкали друг друга игриво,
Форелью в воде забавлялись,
Их тонкие ветви купались.

В азарте дрожа, замирая,
Сидели в тени рыболовы,
Клёв удочкой подсекали,
К богатой добыче готовы.

Там парочки уединялись,
Под ивами тихо шептались,
Весь день они вечера ждали,
А ночью мечты воплощали.

Все тайны две ивы хранили,
Лиши кронами тихо качали,
Собой укрывая влюблённых
От взоров зевак любопытных.

К чему это я? Да, конечно,
Асфальтом одели весь город.
Слепят фонари над дорогой.
Проносятся мимо машины,

И люди проходят беспечно –
Ничто в этом мире неечно!
А где-то в сторонке немногого
Склонились две старые ивы...

ЗНОЙ У МОРЯ

Тяжелый синий сухогруз ползет по горизонту,
Блондинка томно на шикарной яхте загорает,

Вот коп усталый с пивом сел под зонтом,
Уставил взгляд на даму с Колой-Дает.

Где небо поминутно цвет меняет,
Там море его честно отражает.

Всё новые картины, возникая,
Спешат, воображенье поражая.

Белеет стройный лайнер у причала,
И силуэт, слегка вибрируя, мерцает,

И мишурою ряби отраженья тают.
На этом фоне чайки, пролетают,

Вальсируют... И снова всё сначала.

БУГЕНВИЛЛЕЯ

Дарует буйство красок бугенвиллея.
То по стенам домов, то над оградами
Царит кораллово-карминная идиллия
И вдоль дорог бушует, взгляды радуя.

ДЕЛОНICK КОРОЛЕВСКИЙ

Как купина святая, не сгорая,
Пред пальмами гарця молодецки,
Огнем горит Делоникс королевский,
Напоминает нам о кущах рая...

Изображая пламенные всплески,
Порадует любого, кто не сноб, но...
По праву он зовётся королевским –
Так одарить лишь короли способны.

Чарует мир нескромностью натуры,
Пожаром непокорным пламенеет,
Скрывает пошлости архитектуры,
Роскошными аллеями алея.

То богатейшая природы галерея,
Мгновенно окрыляя, возрождает
Порывы творчества и объявляет
Начало новой эры Водолея.

2021

女子

Иероглиф

Иероглиф молчалив и скуп, упрям, как наважденье.
«Скрещенье ног, скрещенье рук, судьбы скрещенье...»

Сплетенье тел, слиянье губ, под сакуры цветенье.
Банальных слов порочный круг. Уйми вращенье!

«Свеча горела на столе...» Куда летишь, мгновенье?
Под перепляс шальных теней – в ночное бденье.

По опрокинутой стене на свет свечи из мрака,
Сверкнув в огне, летят ко мне цитаты Пастернака.

Социально и сердито

У «ПОРТРЕТА НЕИЗВЕСТНОЙ»

Этот случай был в музее. Зал с картинами Крамского.
Он изобразил печальный взгляд проезжей незнакомки...
Взгляд ее проник мне в сердце так, что я забыл про раму!
Город словно закачался... Я услышал скрип пролетки.

А каурый иноходец... где-то в зале бил ногами
В мерном ритме метронома по брускатке Петербурга.
Позабыл я, что в музее и стою перед картиной!
Интересно мне, кто так же замирал бы перед пыльным

Недомытым писсуаром или получил катарсис
От прищепки ростом с билдинг? Что случилось
С нашим миром, где Рембрандт и Леонардо,
Ренуар, Роден и Репин, Микеланджело и Дюрер?

Люди променяли чудо на злой бред Раушенберга,
На убогие поделки, грязь, караули убогих...
Словоблудие лукавых – вот, что правит этим миром!
Хоть за это платят деньги, пусть другие там пасутся.

Пусть! А мне это не нужно... Это не моя дорога!
Разве что ли, поиграться? Сделать радость идиотам?
Олигархи платят деньги Поиграться на потеху?
Но уходят годы жизни! Ведь не двести лет живу я...

СЕГОДНЯ В МОДЕ...

Сегодня в моде жечь и разрушать.
Толпой идут адепты Герострата.
А для меня богов ниспровергать –
Непозволительная сил растрата!

В музеях нечем взгляд остановить:
На стенах скучно, пусто и уныло,
От инсталляций может и стошнить,
В зависимости, что там навалило...

Те опусы – ни сердцу ни уму!
Пути корысти неисповедимы...
Талант давно не нужен никому.
И всё и все взаимно заменимы.

Но серости тупой не привыкать,
Заносчиво на новый век ссылаясь,
Всё прошлое бездумно сокрушать.
За все, что так бездарно наломали,

Потомки их забвением наградят.
Однажды каждый встретится с рукой,
Перед которой никому не устоять.
Любого умника она согнет дугой.

А тот не вспомнит на исходе лет,
Кого заставил, словно чуду, удивиться,
Какой чувствительной душе нашел ответ,
Чем он готов, в конце концов, гордиться?

Топтать достойное ногами – не по мне!
Одно с уверенностью говорю и знаю –
Что Красоте всегда ворота открываю,
Пусть буду в седине, как в серебре.

Учиться долго у Природы я могу,
И любопытство не оскудевает.
Свеча моя горит, не затухает,
Пока стою на этом берегу.

ПЕРЕВЕРНУТЫЙ МИР (Стих-памфlet) (2023)

Перевернутый мир докатился однако.
Уже не понятно, где зло, где благо.
Учили нас чаще касаться ребёнка.
Такое общенье он чувствует тонко:

Любит руки, высоко поднимающие,
Купающие и горячо обнимающие.
Теперь прикоснёшься – лови урок:
Назовут педофилом и влепят срок!

Сядешь в тюрьму на полном серьёзе,
А там и почил, как положено, в бозе.
Тело ребёнка неприкасаемо!
Объятье суровым законом караемо.

Что родитель – враг, растолкует психолог,
А со временем чадом займётся нарколог.
Давить нельзя на «свободную личность»
(Хотя там пока лишь одна неприличность).

По просьбе пациента хирург сменит тело,
Из мальчика – девочку, вам что за дело?
На улице женщину назвал красавицей,
За наглость «маньяка» повяжут и туда.

При этом не важно, что не прикасался,
Будет ясно суду – «маньяк» домогался!
А кое-кто с гордостью похвастается,
Даст интервью журналистам по кругу,

Как ласкала на службе подруга подругу,
Начальник познал подчинённого друга.
За что нормальным карьеру сломают,
Однополых публично и громко признают.

Встречайтесь, женитесь, а хотите ребёнка –
Плати, ублажай «золотого телёнка».
Отнимут детей из нормальных семей,
Чтобы потом в однополые сдать...

(Ну каких они могут детей воспитать?
Их к детям близко нельзя допускать).
В дизайн и в моде дорога – расти!
И каждый зевака всегда будет рад

Явиться на их многоцветный парад,
Где эти флиртуют, тая от «гордости».
А вот и совсем интересные сказки:
КОВИД-пандемия, карантины, маски.

Забыли про свежий воздух природы,
Вколов себе яд и вдыхая отходы?..
Множатся войны, землю кровью питая,
И слетаются вороны в криклиевые стаи.

А куда дует ветер, что тот ветер несёт,
Умный не скажет, а дурак не поймёт.
До правды никому не дадут докопаться.
Епархия тайны – и не стоит пытаться!

А будешь совать слишком длинный нос,
Оттяпать ли мигом его? Не вопрос!
Глобальный развал – большая политика.
Но есть у всего голова... Пойщите-ка.

ТУТ КАК-ТО ПОВСТРЕЧАЛ...

Тут как-то повстречал коллегу я и друга,
С очередного вернисажа возвращаясь,
И, разумеется, по-дружески общались,
На откровенность меж собою выходя.

– Готовить мастеров – с какого перепугу?
Учить сегодня рисовать – напрасная потуга!
Художник нынешний – как "человек дождя".
И тут же замутил большой психоанализ.

Среди огней ночных, по городу гуляя,
Мы так увлёклись темой заслужились,
Что я уже готов был с другом согласиться,
Но спохватился прежде, чем расстались.

– Так что, не нужно вовсе ничему учить?
Пускай растут твои студенты дураками,
Не зная ремесла, копаясь тупо лишь в себе,
Не закрепив потенциал возможного таланта?

Свобода полная есть непременная константа?
Не надо даже композиции, истории искусств?
– Нет. Только это надо, а ремесло... для стада.
Художник настоящий – он вне ремесла!

– Да, парень... сказал, учить свободе?
По мне, так мимо мастерства – дорога в стадо!
Скажи, ну а тебя не ремеслу, свободе обучали,
Создав свободного от пут, но глупого осла?

Насколько знаю, сам рисуешь круто.
А вышел ты таким ещё из института.
Свобода та к тебе пришла после наук,
Которых мастера веками по крупицам

Несли до нас – от стен пещер и до сих пор.
Раскрепостился ты, иска своё в искусстве,
Из многих важных знаний делая отбор,
Эпохи изучив, каноны разных стилей...

Всему тому тебя немало лет учили,
Накачивали знаньем в изобилии.
Такое люди создавали и копили,
Чтобы трудягу сделать идиотом?

Нет, не ходил ты по миру с мешком,
А за мольбертом суть ловил момента.
Свобода духа, хочешь знать, она и в том,
Чтоб делать что-то от души, не для клиента.

Без мастерства не стоит дилетантом-дураком
Вставать на путь претенциозных экспериментов.
Конечно ж, то не о тебе – прекрасен ты во всём.
С тобой яснее чуть – страх твой от конкурентов!

Вот так мы и расстались – каждый при своём...
А о глобальном... Странная случилась в мире штука –
Наш шар земной красив, но очень поглупел, притом
Что злая вредная по всей Земле внедряется «наука».

ЯВЛЕНИЕ ОЧЕРЕДНОГО ЛЕТА

Очередное явление жаркого лета.
Тесно мыслям... липнут волосы!
Тёмно-синих теней полосы
По мазкам жёлтого цвета.

Сонных ворон сонм
Кружит на голубом.
Пыль повисла столбом
Над пустыней тернистой.

Спесивые головы кипарисов
Короной опаловой гора венчала.
Привет свой прокричал с причала
Чудесам морской и небесной сути.

Море, как лужа растёкшейся ртути,
Звёздные блики танцуют на нём.
Но солнца лик ещё долго будет
Красен от гнева и раскалён:

Земля-дева врагу продана.
Продавцу вручена монета –
Злую память допьёт до дна
Двадцативековая вендетта.

Но враги созидать не способны,
Лишь роль попрошак им хороша –
Убивать их натасывают внутриутробно,
Ни для кого не секрет, что в деръме их душа.

Наш народ знает одно: где мы – там и будет рай!
И Змею и Б-гу это ясно давно – куда нас ни изгоняй.

ТАРАКАНЫ

На высокой горе светит солнце и греется попа,
И совсем не по мне там внизу дожидаться потопа.
Плюс сермяжная правда, она велика, как ни странно.
Если попе тепло, есть еда и вода – прибегут тараканы!
Глянь! Бегут тараканы повыше, к сухому и теплому месту.
Старичок Кишинев «когти рвет» от Москвы к Бухаресту.
И друзья плюс родня расползаются в разные страны.
Так ушел от потопа и я, и спешат до горы тараканы.

(1991)

мире и войне

A large, white, stylized letter "O" is positioned above the text "мире и войне". The text is written in a white, cursive script font. A thin horizontal line extends from the bottom of the "O" across the width of the word.

ТРУБЫ ИЕРИХОНА

Темнели грозно цитадели Иерихона...
Рассвет кровавый горы заливал.

Край моря, как клинок зеленый,
Вдали за Иорданом сонным
Зловещим холодом сиял...

Тут тишину взорвал, горами повторенный,
Вдруг зычный голос трубного металла.

Качнулись башни, и пустыня задрожала.
То строй вооруженный, шагая в ногу,
В десятки тысяч глоток заорали.

Они кричали в унисон синхронно.
Сливались голоса в небесный гром,

Чтоб за божественным перстом,
Смиренные, к ногам их пали
Двойные стены Иерихона!

Тогда единый всяких прочих победил,
Разрушил башни и обрушил стену,

Всех граждан Иерихона истребил,
Немыслимую взяв с людей
За иноверье цену.

Когда народ весь, с Б-гом заодно
До самого последнего колена

И горести разделит и вино –
Пред ним не устоят
Любые стены!

P.S.

Упали стены Иерихона в пыль...
Одним – победу, прочих – умертвить!
Небесный царь другим их землю подариł...
Всех, кто спокойно жил, приказано убить!

Народ, что был всегда послушен Б-гу,
Дождем кровавым их дома и землю оросил.

Ни одного не пощадил, на роковую став дорогу,
Смешал с песком пустынь, не сохранив могил!
Не уцелели даже девы, дети и младенцы...

Теперь они уже никто! Не думайте о них.
Они на этом свете были «поселенцы»!

А слово «геноцид» тогда еще не знали
Так же, как слово «бумеранг»?
Потомки помнят лишь одно –

От звука медных труб
Там стены пали...

2022

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

Жизнь человека отродясь не значит ничего...
Пошли войнушку затевать: «Ну, все за одного!»
Навстречу кто-то заорёт истошно: «Наших бьют!»
На стенку стенка дико прет, и по мордам дают.

А у кого-то пистолет или банальней... нож.
И вот уж парень на земле среди орущих рож
Лежит уныло, взгляд пропал, в пылище и крови,
А дома парня кто-то ждал для жизни и любви.

Простой понятный всем сюжет еще не о войне,
Нет, не об этом говорить сегодня нужно мне,
Когда губительным огнем охвачена страна,
Не уклониться от него – везде идет война.

Большая грязная война жестока и страшна.
Плач тысяч матерей она, и жизням грош цена.
Не всем, кто в том огне упал, могила есть и гроб...
Кого волнует, кто начал, «москаль» или «укроп»?

Спаял их дружбу общий труд, бог семьи их смешал.
На смерть безумные идут, на брата брат восстал!
На месте дружбы льётся кровь, и горю нет конца,
Боль обратится местью вновь... за сына, за отца.

И тот порочный круг ничем вовек не разорвать,
Вот, спрашивается, зачем... меч было подымать?
Не можешь землю поделить – сдавай или продай.
Зачем соседа так дразнить, что злоба через край?

Когда ж такой наступит миг, такой настанет час,
Вдруг поумнеют там у них и то же среди нас?
Утопий мир насочинял, в них нет ответа нам...
Тем, кто на эту бойню гнал, воздастся по делам!

2022

ВСЮДУ (2023)

ВСЮДУ
НАХОДЯ
ДЛЯ СЕБЯ
НА ДВОИХ
СМЫСЛ
БЫТИЯ,
ПЛЫЛИ
ТЫ И Я.
И Я И ТЫ
ЗАМИРАЛИ
В ОБЪЯТЬЯХ
МЕЧТЫ, ТЕХ,
КОТОРЫЕ
Нынче
пусты.
НО СЛЕД
ДОБРОТЫ,
ОН НИКУДА
НЕ УХОДИТ.
ТОЛЬКО
С СЕДОЙ
БОРОДОЙ
ПИЛИГРИМ
ОДИНОКО
БРОДИТ.
ВОЙНА
ИСХОДИТ
ВОЛНОЙ
КРОВИ.
А ПОКА
И НЕ ТАК
ДАЛЕКА, НО
ДАВНО ОНА
ИЩЁТ НАС
ВЕЗДЕ И
ВСЮДУ.

СОЛДАТАМ

Солдаты, мы сегодня в бою вместе с вами.
Рискуете жизнью? Но что ж, на пороге беда!
Присмотрит за вами страна дорогая Израиль,
Пришлют всё, что могут киббуцы, дома, города.

Крушите всю нелюдь железными мести мечами.
Домой без Победы никак возвратиться нельзя.
Вы наша надежда, солдаты – ребята, девчата!
Телами мерзавцев будь устлана злая земля!

2023

**УРАГАН
НА ЕВРОВИДЕНИИ (2024)**

Об урагане девушка пела,
Одна на бушующей сцене,
Одна в урагане вражды и
Лютой ненависти урагане.

Твёрдо зная, что её любят
Не только друзья и соседи,
Но всё честное в этом мире,
Все, в ком осталась совесть,

Одна на сцене и на экране
За любимых наших молила,
Эзоповым языком говорила
О бешеном урагане террора.

Прямо ей запрещала сказать
Антисемитская грязная свора.
Только этим нас не достать,
Освистав и мечтая сожрать!

Орите, мерзавцы, свистите,
Всё равно вы не победите,
Хоть и вся европейская грязь
За ушко и на солнышко влезь!

Негодяй, эту песню не трожь
Отродясь и немытыми лапами!
Он и стены пробьёт даже каплями,
Скорбной памяти Октябрьский дождь!

ОГОНЬ ДЕЛОНИКСА

Вот год прошёл, и снова под моим окном
Пожаром воспыпал Делоникс королевский!
Живые взрывы алых крон, пассажи и гротески
Уже напоминают о другом – о крови и войне!
Бушуя в синеве небес и наших душ на дне
Безжалостным и злым сжигающим огнём,
Врываются они без спроса в каждый дом,
А год пройдёт и, знаменуя новый поворот,
Природа снова оживёт, былую силу набирая.
Так, может, красота наш глупый мир спасёт?
Мы все этого ждём! С победой над врагом
Поздравишь нас, Делоникс королевский?

(2024)

ЖИЛА-БЫЛА...

Жила-была на свете красота,
Собой любое место украшала.
От нежности её всё расцветало,
Её любовью полнилась мечта!

Умела жить смеяться и танцевать.
Кружилась и как бабочка порхала,
Прекрасной милой розою цвело
Лицо её, свет добрый излучая.

На этом всё! Её убило Зло!
Загнали, зверски надругались,
Топтали и ломали, издевались,
Крики и стон пустыню оглашали.

И тело её голое возили напоказ,
И хвасталось зверьё, снимая это!
Мать, свою дочь узнав, кричала...
И эхо в мир бездушный улетало:

«Там моя Шани... Шани... Шани!»
Тогда под пули сотнями легли,
Ухоженные тёплыми руками,
Плоды родительской любви...

От людоедов что и ожидать?..
Сумели ж сами нелюдей создать,
Старательно безумных поощряя,
И тупо продолжаем поощрять...

2023

Себе сами собеседник и судья

КАК ЖИТЬ ПОЭТОМ?

Вот как жить поэтом?
Расти не от выслуги лет,
Дарить людям разума свет
Балладой, поэмой, сонетом?

Не догонять и не ждать,
Не следовать трафаретам,
Пока жив на свете на этом,
Понять и успеть рассказать:

О причудах любви, проблемах,
Сплетнях досужих, лихой судьбе,
Глобальных и камерных темах,
Дальних, близких – и о себе.

Нахалам заслуженно воздавать,
На коварство в пику – куплетом,
Эпиграммы слать за ратью рать,
Или мудрее – молчать при этом?

Размышлять о высоком и светлом,
Не порываться втуне – советовать.
Злобу, зависть не замечая, прощать,
А достойные цели преследовать?

Но настала пора собирать камни.
Ушли времена их бездумно швырять.
Так всё, что решается, надо решать...
Роскошь не знать уже не дана мне.

НЕ ЖАЛУЮСЬ

Не жалуюсь своей судьбе. Ни у кого
Не требую себе, не клянчу ничего.
Немало получил подарков отовсюду,
Хотя и разбазарил многое как мог.

Так что пенять ни на кого не буду,
Просителем ни чей не перейду порог.
Мечтам досужим не достичь предела
Всего, чего хотят душа моя и тело.

Там, где бывал, не шёл, а пролетал
И брал, и отдавал, и большего желал...
Пожалуй, мог бы силы высшие молить —
Пусть ненадолго, бег притормозить.

Мне бы совсем немного пошалить,
Попутно завершить, что не доделал,
И пазлы жизни правильней сложить.
Тебе бы лишь, курносая, повременить.

МОЙ ДЕНЬ

Мой день был сегодня отмечен трудом.

– А где же добыча? Принёс ли ты в дом?

– Не знаю, не знаю, ты вновь о своём...

Сначала работа – добыча потом.

– Ну кто бы, смешной, это мне говорил?

Похвально, талант в землю ты не зарыл.

Зарыл ты, несчастный, любовь и семью.

– Сам вижу – не трогай – обиду мою.

Грехи мои тяжки, от них не уйдёшь,

Лишь стоит прогнуться, рождается ложь.

Талантом бы смог ещё как-то прожить.

За ум и за честность кто станет платить?

А рады платить за ущербность, изъяны

И за подражанье – инстинкт обезьяны.

Как публика любит, чтоб их надурили...

Умеешь – дури! Лишь бы деньги платили.

Нет. Денег таких мне не нужно – не те!

Готов доживать без семьи, в нищете,

Родился другим, так другим и умру.

Дворца не достоин? Даёшь конуру!

Подумай... Зачем быть таким радикалом?

Живи как умеешь, довольствуйся малым.

Работай, но делай лишь то, что по нраву,

А выбор никто не отнимет по праву.

СВОИМИ ПУТЯМИ...

Своими путями шагаю,
Проторенными не хожу.
Сам задачи себе выбираю,
Как умею, так и решу.

В грязи не люблю возиться,
По чужим головам не гуляю.
Искаженные завистью лица
Не пугают и не удивляют.

Не играю с врагами в прятки
И с друзьями я без забрала,
Для ответа на все загадки
Допускается помощь зала.

Не кичусь, когда меня хвалят,
Не теряюсь, когда и ругают.
Ну а больше всего уважаю...
Тех немногих, кто понимает.

ГРЕХИ

Тревожат душу мне грехи,
Шального грешника кляня.
Ну, кто безгрешен, выходи
И камнем запусти в меня!

Кто не способны согрешить,
Хотят греха, как наркоманы,
Чтоб каясь одухотворить
Свои картины и романы.

Грехи сливаются в судьбу.
Замаливать? Не хватит века!
Они упрямы... Лишь в гробу
Лишаются горба калека.

Пишу картины и стихи –
Мои родные половинки.
Кружка, минуют их грехи,
Как одинокие снежинки,

Ложатся мне на рукава,
На бороде смиренно тают...
Ты, совесть, не всегда права,
Оставь... Пускай себе летают.

УСТАЮ ОТ НАЧАЛ

Устаю от начал.
Скрип меняет на стон
Под ногой, прогибаясь,
Мой последний причал.

В жаркий зной босиком
Помню, как на парад,
Вниз по трапу сбегал
На горячий бетон...

Лесом шел напролом
В полночь на голоса,
А удачным прыжком
Настигал пароход.

В уходящий вагон,
Торопясь, залетал,
Стопы ног молодых
Направляя вперед.

Восхищенно сминал
Лёгких блузок шифон,
Сладкий запах помад
На губах, словно мёд.

Через радость и боль
Свой ответ получал,
Всё по ходу менял,
Новый делая ход.

Наплывают, как сон,
Темы новых картин,
Рифмы новых стихов
Опускаются свыше.

Догоняют меня.
Побелел от седин,
Но здоров и пока
Ещё вижу и слышу.

На столбе круг висит.
Пуст причал... и один,
С пирса ноги спустив,
Сочиняю я... Тише!

ЧЁРНЫЙ АНГЕЛ ШЕПТАЛ...

Чёрный ангел шептал – уходи
И любовью смешной не буди.
Всё, что мог, ты ей честно отдал.
Ты не просто устал – ты пропал!

В суете твоя жизнь прошла.
У тебя ни двора ни кола,
А она, что искала, нашла,
Дочь себе от тебя родила,

Как сумела, создала уют.
Объясни, что ты делаешь тут?
Слушай ангела речь, уходи –
Ничего вас не ждёт впереди...

Ты лишь только обуза для них.
Уходи – ты законченный псих,
Эту жизнь для себя доживать.
Жаль, тебе не дано предавать!

Не поверю тебе – ты мой враг!
Предавать их не стану никак –
Высоко от них вновь не взлечу...
Поздно счастье ловить, не хочу!

ТОСКУЮ

Тоскую. В глазу ни слезы...
И молчу. Тишина оглушает!
Еле слышен далекий призыв –
То судьба за меня всё решает.

Не стремлюсь никуда я идти –
Мне сегодня движенье постыло.
Нет! Гадалка, пойми и прости,
Не хочу знать, что будет, что было!

Не ищу потаенных дорог –
Те пути наперёд мне известны.
И прошел бы по ним. Я бы смог,
Но они для тоски моей тесны...

В ОДНОМ БОЛЬШОМ
ФЛАКОНЕ

Сказки-басни

СКАЗОЧКА О ПОХИТИТЕЛЕ КАРТИН

Похититель картин шел на дело один.
Был бессовестен он и хитер поразительно.
Воровал все подряд: те, что плохо лежат,
Те, что слабо подвесят, включительно.

Хоть охрана злосчастный музей стерегла,
Надзирая за всеми сурово и бдительно,
Паразит приходил, обрезал, уносил...
И вообще вёл себя омерзительно!

Так однажды, а это извечный закон,
Случай дал совершить роковую ошибку.
Как всегда, он вошел, зал глазами обвёл,
Умыкнул дорогую старинную скрипку.

Но никто не хотел инструмент покупать,
За какую-то древность лишаться свободы.
Так тихонько на скрипичке начал играть
Наш воришка, забыв о картинах на годы.

Обнаружились в нём тонкий слух и талант,
Ловкость рук помогала проворству и силе.
Во дворах восхищались – какой музыкант
Среди них объявился! И деньги платили.

Скрипку выгодно сдал, на другую сменял,
Сам учиться пошел музыкальной науке,
Даже стал знаменит и концерты давал —
Не случайно имел он проворные руки.

Приглашали на свадьбы, там он выступал,
Позабыв — и не зря — воровское весёлое дело.
Бельэтажи, партеры и ложи на браво взрывал,
Вдохновенье даря, воспаряя над рампою смело.

А картины взирали в музеях с подсвеченных стен,
Приглашали вальяжно в притихшие гулкие залы.
Бывший вор виртуозно играл Паганини со сцен,
А охрана дремала на креслах роскошных устало.

Саксофон у джазиста парнишка украл, но вернул.
Глуповат, но узрел всю опасность такого момента.
Молодежь поучал знаменитый домушник Вертун:
«Музыкального, брат, никогда не бери инструмента!»

ТУРНИР С СУДЬБОЙ

Зачем художник борется с Судьбой?
Родная музя сколько б нам ни дала,
Мы не довольны, вечно рвемся в бой.
Нас чем ни одари, все будет мало.

Железную перчатку поднимая,
Судьбу свою я вызвал на турнир,
Расшевелить желая скучный пир.
Огнем любви себе дорогу освещаю.

Ну а Судьбе родней туман и тьма.
От света яркого всегда легко уйдет.
Где неизвестность, там она и ждет.
Соперника она найдет сама.

Все карты в руку, но ирония Судьбы:
Куда ни ринусь – все не та дорога!
Коня гоню. Где враг? Скорее бы!
Судьба хитра. Она – боец от Б-га.

А зрители трибунами шумят.
Азартный зритель – он на то и зритель.
Ему совсем не важно, кто тут прав,
А только лишь одно – кто победитель?

Усталый герольд прохрипит в трубу,
Предо мною конь Судьбы копыта вздыбит.
Намереваясь в руки взять свою Судьбу,
Привычно ею из седла я буду выбит.

И навсегда запомню тот турнир.
Так и со мной, и не со мной бывало.
И вечен он, как этот вечный мир,
История, в которой нет финала...

Но каждому свой предначертан путь.
Кому-то угольки, кому-то льдинки,
Все это так, и не в победе суть,
А в дерзости борьбы и поединке.

БЕНЕФИС ЛУНЫ

Томилось время апельсинного заката,
Луна гримировалась не спеша.
До выхода на сцену в вечный театр –
На тот ковер из платины и злата.

Безумно молода и хороша,
Холодным, гордым пламенем объята,
Все ж, волновалась лунная душа.

Крылатая Селена – мать снов.
Да! Было, есть, и будет... Как когда-то,
Даря любовь и свет – все, чем богата.
Она восходит, восхищая, вновь.

На темном платье звезды – в – три – карата!
Партер из волн аплодисментами шумит.
Пусть этот вечный мир ее хранит!

КОШАЧИЙ БЛЮЗ

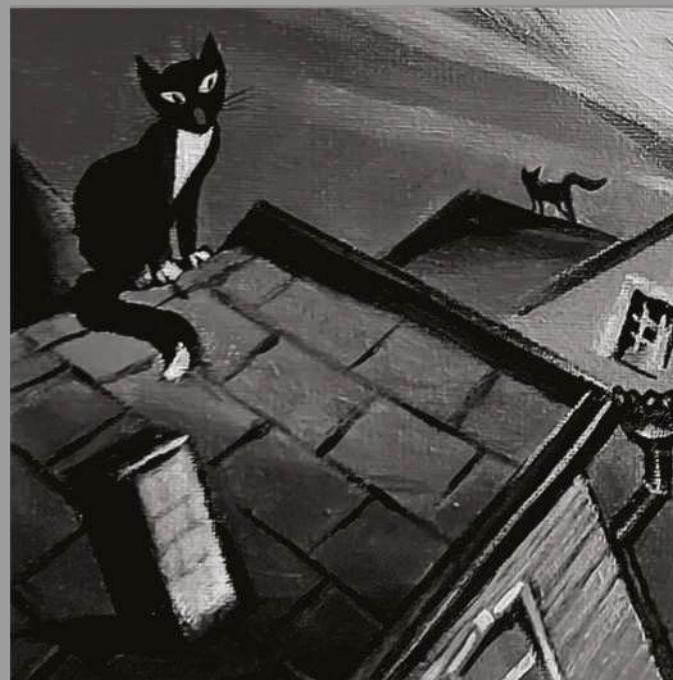
Ходят коты по крышам,
Собою горды и круты.
Быются коты с котами,
Срываются с высоты,
Срываются с высоты.

Но не все понимают
В пленау пустой суэты,
Где каждого ожидает

Главная кошка мечты,
Главная кошка мечты.

Пока одинокая кошка
Гуляет сама по себе,
Ласкового котёнка

Нет у неё в судьбе,
Нет у неё в судьбе...

И та красавица-кошка
Живет кошачьей мечтой.
Мурлычет она немножко,
Мол, где ты, любимый мой?
Мол, где ты, любимый мой?

Но не стихает на крышах
Протяжный угрюмый вой.
Каждый хочет быть выше,

Не в лапу котам покой,
Не в лапу котам покой.

А кошки, немного скучая,
Пока меж героев войнушки,
Весной на соседа-лентяя
Весной на соседа-лентяя

Наводят глазки и ушки.
Наводят глазки и ушки.

ИКАР

Дедал Икару говорил:

— Вот тебе крылья,

Сын, лети!

Дерзая, лишь не зазнавайся
И к солнышку не поднимайся,
Погибнешь! Этим не шути!

Но непослушен был Икар,
Тотчас туда направил
Крылья...

Презрев папашины усилия,
Совет принять был не готов –
Взыграла молодая кровь!

Вместо красивого загара,
С небес – и в море!
Нет Икара!

Жила давненько эта пара...
Но всех веков закон таков –
Не слушают сыны отцов!

МОРАЛЬ ПОД МОСЬКИН ЛАЙ

Потоком жир стекает с обшлагов.

Старик Крылов, икнув, доел ягненка.

Вскипает самовар, дымя до облаков.

Пирог готов, ванилью пахнет тонко.

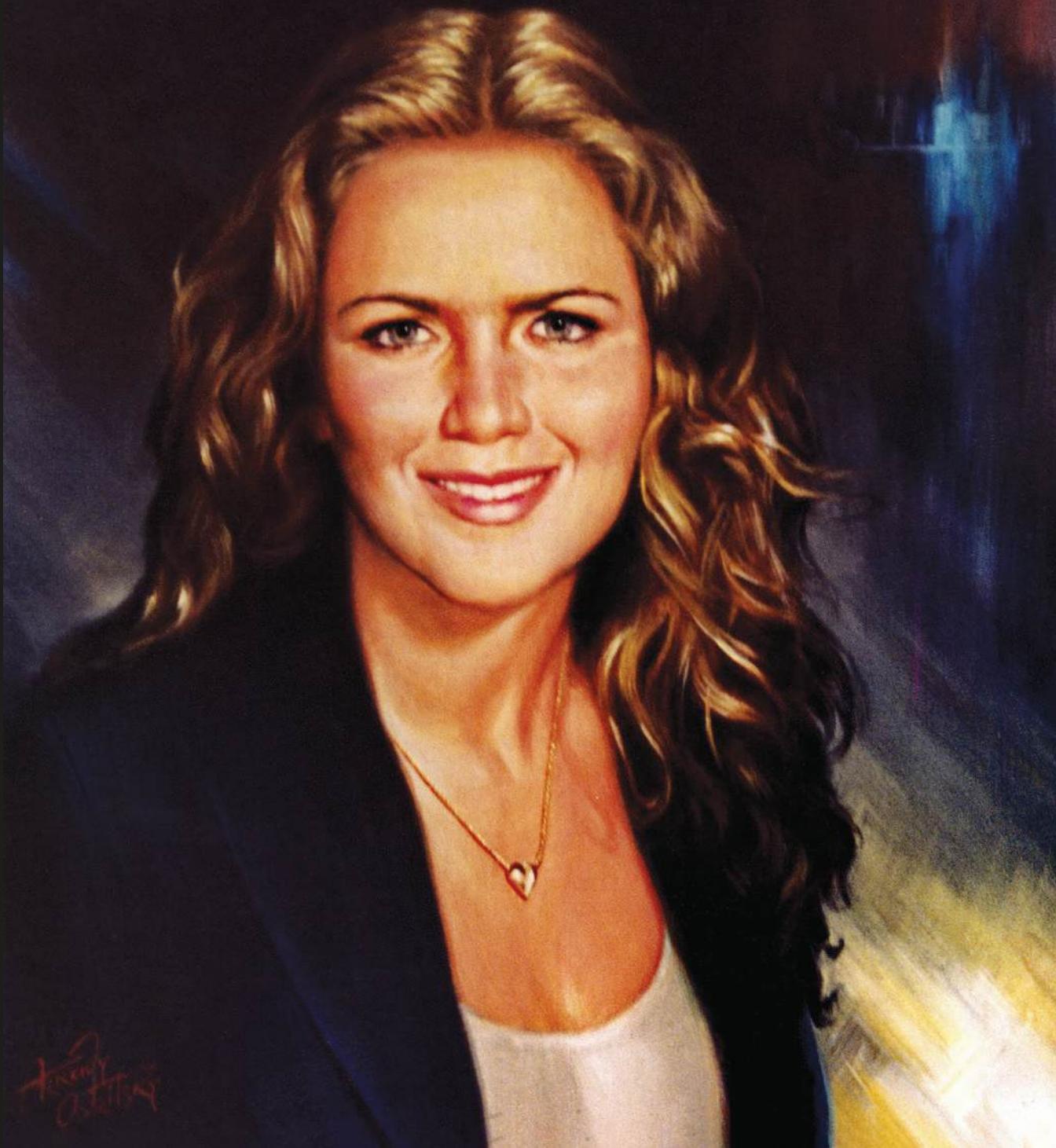
Свинья из корня Дуба мастерит альков,
Трудяга-Муравей несет по нитке с миру,
Блистает Стрекоза средь полевых цветов,
Вороне где-то бог послал кусочек сыр...

Хотелось бы мораль скорее подвести,
Но тут Мартышка затоварилась очками,
С поклажей воз застрял, не ведая пути...
Мораль под Моськи лай ищите сами!

Всё твоим гармонией
подчинить готов

Ты нежности и страсти воплощенье!
Глаза твои таят печаль веков,
Твой гибкий стан рождает восхищенье.
Молчу, немею... Где ты, сила слов?!

А

«Карина» (холст, акрил, 70×50 см, 2002 г.). частная коллекция. США

«Зеркало мечты» (холст, акрил, 100×100 см, 1993 г. Частная коллекция, Израиль

1-е место
на международном конкурсе
«Женский образ»,
Москва, 2020 г.

2-е место
на международном конкурсе
«Животное и человек»,
Санкт-Петербург, 2020 г.

«Софья с Мухой» (холст, акрил, 80×60 см, 2012 г.). Собственность автора

«Осенний портрет» (холст, акрил, 80×60 см, 2012 г.). Частная коллекция, Израиль

«Портрет в утреннем свете» (холст, акрил, 80×60 см, 2012 г.). Частная коллекция, Израиль

«Ася» (картон, пастель, 60×40 см, 1991 г.). Частная коллекция, Израиль

Мой
первый портрет
в Израиле

«Тами» (картон, пастель, 60×40 см, 1991 г.). частная коллекция, Израиль

А

«Женя» (холст, масло, 80×60 см, 1995 г.). Частная коллекция, США

«Малышка из Марокко» (картон, пастель, 50x40 см, 1991 г.)// Частная коллекция

1-е место
на международном конкурсе
«Арт-портрет», Москва, 2019

Диплом
лауреата 3 степени
Российской Премии Искусств,
Москва, 2021 г.

А

«Полина» (картон, пастель, 50×40 см, 1991 г.)

Ещё о любви и о жизни

ЛЮБОВЬ ПРОХОДИТ СКВОЗЬ ГОДА

(Посвящается Жене Полине)

Любовь проходит сквозь года.
Как карты, их она тасует.
Неугомонная всегда,
Не ведая забот и сует,

В твой старый дом войдет любовь,
Наполнит сердце новой силой,
И в тот же миг перед тобой
Предстанет юной и красивой.

На светом залитом лугу
Точеною рукою машет.
Замрет в стоп-кадре на бегу
В простом веночке из ромашек.

И в шалаше, и во дворце
Тебя обнимет с тем же пылом,
С улыбкой грустной на лице,
Таком обыденном и милом.

Любовь проходит сквозь года.
Их быстрый бег ее лишь дразнит.
Уход любви подобен казни!
След остается навсегда...

А память прошлое листает,
Читает жизнь и пьет до дна.
Но с радугой войдет Она...
И на пороге снег растает.

ПОСТОЙ, ПРЕМИЛЫЙ СОН

Постой,

Премилый сон
О прежнем чувстве.
Скажи, а где твой медальон?
Покоился он на высоком бюсте!
Твои глаза, исполненные грусти,
Так много убедительнее слов!
А пальцы эти тонкие, маня
Совсем безвольного, меня
Себе утянут, не отпустят!
Тогда у нас была весна,
Ночами было не до сна
Эти восторги пробуждения!
И ты в мозгу, как наважденье!
Но осень подошла неторопливо
За нею, неотступно, вслед – зима.
И понемногу, как бы, между строк,
В тебя закрались и обида, и упрёк.
Не отразиться мне в твоих зрачках,
Ни ночью более, и ни при свете дня.
Глаза порой рождают искорки огня,
Когда читаешь книжку, как, бывало,
А без тепла, что прежде согревало
Привычно, говорят не про меня.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЛЮБВИ

Смотри туда и зренье напряги!
Узнал фигурку стройную, летящие шаги,
Лицо Мадонны? Что, прихватило грудь?
Так размечтался ваше прошлое вернуть?

Вдруг подошла сама и прямо говорит,
И сразу с первых слов как с ног валит!
Призналась, что желает жить со мной,
Забыла, как прогнала прошлую весной?

Тогда, как помнится, ругалась и кричала,
Мол, отвали! Куда подальше посыпала.
А я тебя любил!.. Любить, наверно, мало?
Ну отвалил, так отвалил – ушёл к чертам!

Вдруг понял, что напрашивался сам,
Зациклен на себе был, посвящён делам,
А ты в печальных размышлениях сидела,
Что красоту не замечал. Наверное, тупой!

Смотрю, а ты с тех пор заметно похудела,
Похорошела – мужские взгляды за тобой!
А как же этот новый твой плейбой?
Ах, он подлец? Ах, и Отелло?

Как? Надо же, какой нахал!
Пил, бил тебя и денег не давал?
Когда меня гнала, такого ты хотела?
Не плачь... Ну обними! Ну я ж не зверь!

Ну всё! Прости! Понятно, ты дозрела!
Пошли домой... Люблю! Люблю! Поверь!
И жизнь опять откроем с чистого листа,
И будет всё не так, как раньше было...

ТОЛЬКО СВЕТ...

Только свет нам доходит
Миллиардами лет. А звезда? –
Той звезды и в помине уж нет.
Со света ушли города и народы –
Лишь свет её видели долгие годы.

И в наших душах так тоже бывает:
Память упрямо хранит, как секрет,
Ту любовь, которой давно уже нет,
А те фото, свидетели бед и побед,
Из юности нам посыпают привет.

Твой любительский фотопортрет
В альбоме полвека тихо лежал,
И прелесть от этого не потерял.

А на ветвях двоим птицы пели,
Во снах мы в обнимку летели,
Как изведав любовного зелья,
Разбавляя лаской любые дела
В своём беспечном кружении.

Вот однажды, среди веселья,
Ждала важного предложения,
А промедлил – любовь и ушла!

За играми двоих её не опознал,
Потом любовью новой заболел.
Мы в бурном мире затерялись,
Но помню близость душ и тел,
Как-будто и не расставались...

Конями резво годы мчались.
Звезда погасла! Только свет
Проник сквозь эту толщу лет,
Хороший, очень добрый свет.
Тот старый снимок – его след.

Ты улыбайся с млечного пути!
Не суждено нам по нему идти,
Минуя и пространство, и года.

Как свет, что принесла звезда,
Пропав навек невозвратимо,
На дне души живёт любовь
И, тлея в ней неистребимо,
Нежданно обжигает вновь.

ПЕСОК ДОРОГ, КОТОРЫМИ ИДЁМ... (ироничное эссе о любви и мечте)

Есть женщины, что в плен берут без боя,
Ведут мужчину незаметно за собой,
Богатые природной... добротой –
Оружием, сравнимым с красотою.

А если есть ещё при этом красота –
Тогда прощай твои свобода и мечта,
Потенциал, годами собранный тобой.
Навьюченный, пойдёшь дорогою чужой

И не заметишь, как по ней уже пошёл
За стойло у воды и за мешок с травой...
Пусть выглядишь ты грозным, как герой,
Добром и красотой прикомленный... осёл?

О, как жестоко говорю сейчас о доброте!
Наверное, не прав – так вы меня поправьте.
Что лучше, верность сохранять своей мечте
Или, устав грести, купаться в тихом счастье?

Ещё мы знаем, что никто из нас не вечен,
Как тот песок дорог, которыми идём.
Увы, и он отнюдь... не бесконечен,
Сквозь пальцы утекает с каждым днём.

Но если трезво поразмыслить головой,
Надёжнее, наверное, добро, уют, покой,
Чем призрак одиночества у старого корыта.
Успеху дверь не закрывай – оставь открытой!

Пути к мечте всегда сопровождает суeta –
Под знаменем линяльным смысла бытия.
Представь, что к финишу пришёл, а там
Привычно встретит пустота... хоть и своя?

Существенна цена дорог, которыми идём.
Считал бы ты себя умней, сильней и лучше,
Как модно нынче говорить, покруче,
Когда бы знал, что шёл своим путём?

А если женщина ещё умна при всём
И словно ангелом-хранителем дана?..
От мыслей трудных голова и так больна,
Проблема выбора – одна из самых сложных.

Давай-ка мы их на весы положим:
В погоне за мечтой ты можешь тоже
Вдруг оказаться недостаточно проворным...
А твоё счастье на проверку иллюзорным?

Казалось, выбор прост – из двух возможных,
Но дни уже мелькают, и увы... песок бежит.
Смешная мысль мне комаром жужжит –
А из двух зол твой выбор был бы проще?

ЛЮБОВЬ ЧУЖДА МОРАЛИ!
(Песня о первой ночи)

Устал заполночь маяться
Многоквартирный дом,
А тут, на этаже шестом,
Фортуна улыбается –
Судьба – нам
Улыбается!

Священный ритуал
Момента ожидал!
Вот это – благодать,
Дневать и ночевать
С той – о какой
Мечтал!

Вот облачком фата
Слетела на кровать.
Вся миссия – проста,
И нечего скрывать –
Нам друг от друга
Нечего скрывать!

Волною белый шёлк
Скользнул с плеча.
Заветная мечта –
Заметно горяча,
Завидно
Хороша!

Ты из какого теста
Так ладно сложена?
Вчера – ещё невеста,
А вот теперь – жена,
Для всех – моя
Жена!

Дрожит твоя рука,
Истома меж ресниц.
Взор томного зрачка
Упал смущённо ниц,
Застенчиво –
Пал ниц!

Испепелил меня,
Зов страсти и огня!
Почил девичий стыд,
И милый-милый вид
Весь – для любви,
Открыт!

Вот абажур погас,
Тьма укрывает нас.
Одни, под этой тьмой,
Мы так близки с тобой!
Совсем – близки
С тобой!

Как крепкое вино,
Ты опьяни, чуть свет,
А впредь ночной полно,
Дней, месяцев и лет!
Дней – месяцев
И лет!

Как? Это же интим!
Мол, грех делиться им,
А спорить мы не стали –
Любовь чужда морали!
Любовь – чужда
Морали!

РАЗБИТЫ ЗЕРКАЛА! (чёрный юмор старика)

Ко мне ты подошла
Воистину прекрасна!
Я растерялся, каюсь.
Где ж вы, мои года?

Хоть у меня седая
Смешная борода,
Нога б не подвела
На палку опираясь,

Но жизнь – это игра...
Любуюсь, замечтался,
А тут и здравый смысл,
Друг абсолютных чисел,

С которым логика жила,
Нашёптывает страстно:
Пора ль ретироваться,
Сославшись на дела?

Так ты вот подошла,
Узнать желая время,
Ты мужа здесь ждала –
Я был никак не в теме.

Как тяжело признаться,
Что жизнь уже прошла.
Песок утёк напрасно,
Разбиты зеркала!

Я сон хотел себе растолковать.
Такие сны почти у всех бывают,
когда усопшие покоя не дают,
и вижу их и вновь переживаю.

Итак, я спал, и вдруг, как наяву,
но всё ж во сне, ко мне явилась мама,
обыденно так, будто бы живая
и вся в пыли.

Вошла в салон и в кресло села
легко, как раньше, маленькой старушкой.
– Здравствуй, сын! А я иду к тебе из ямы.
Меня туда недавно положили вы с женой,
но вот, вернулась все равно... Пришла...
– Как? Знаем точно мы, что умерла. Я гроб нёс!

– Да ладно... Чаю тут я заслужила или как?..

А можно, я у вас здесь заночую?

– Конечно. Делай всё, что пожелаешь.

Меня ты очень сильно удивила.

А сам я думаю во сне:

«Ходить уже давно ты не могла.
Все телесериалы с жизнью замешала,
в истерику без повода впадала,
кричала разный бред,
меня за сына не хотела знать
и в зеркале себя не узнавала.

А утром забывала всё,
и повторялся этот фарс сначала...
Сейчас совсем другая. Чудеса!
Деменции как будто не бывало!»
Дверь отворилась –
папа на пороге.

В пальто и кепке,
шарф на шее –
такой, каким бывал всегда.
Зашёл. Ни слова, ни привета.
Запах лука комнату заполнил.
Вот кепку и пальто снимает.
Сел к столу.
Тетрадку замусоленную вынул
из внутреннего верхнего кармана
того вельветового пиджака
еще никем не названного цвета
и стал писать, а мама там
на кухне у плиты
готовит ароматное жаркое,
такая маленькая, деловая...
Вот вместе за столом уже сидим.
Потом отец наладил раскладушку
и спать улёгся, тут же захрапев,
а мама рядом тихо на диване.
Идиллия и только!

А я припоминаю,
как собирал десятки лет историю семьи,
записывал всё педантично, прятал,
а мне сказал, отдаст, но только позже,
ведь это всё он пишет для меня.

А я уехал, шумно грубо споря
(они меня никак не отпускали),
звал их с собой...
Так всё там и пропало!

Он не хотел со мною уезжать.
Я в письмах звал его, но он не отвечал.

Когда он умер, был я далеко.
Соседка маму позвала к себе,
чтоб та наедине с покойным не осталась.
Другие тут же всю квартиру обобрали –
Такие были времена, такие нравы...
(Ушел СССР – зато остались воры!)
И книги разорвали, и тетради
(искали доллары те, что я присыпал,
чтобы они могли ко мне приехать).
Утрачена была и та тетрадка.
Теперь я знаю об истории семьи
урывками и бесконечно мало.
А это так обидно!

Остались от отца
технические книги,
но их отдал декану факультета
из института, где учился до отъезда.
Декан тот физик, инженер и математик,
а я художник – мне они не в тему.

Отец ушел как праведник во сне,
когда ему минуло девяносто,
а маму я увёз к себе, в края, где жарко.
Тем самым подарил ещё три года.
А если бы отец со мной уехал,
лет десять бы ещё себе добавил.
Играл бы в шахматы
с другими возле моря,
такими ж ветеранами войны.

Любил тепло он.
Слякоть и простуды
на старости его добили.

А раньше был силён и закалён,
водою ледяною обливался.
Такой вот сон.
Похожих много было,
но вроде бы покойники
уже ушли, покинули меня.
Теперь ночами больше не приходят.
В могилах только прах от них остался.
Фрейд говорил,
что сны такие к счастью,
а может, к сожалению о прошедшем?..

Продолжить разговор
о счастье в глупом мире,
которым правит кучка «эцилоппов»?

Данелия – мудрец.
Киношедевр «Кин-Дза-Дза»
создал, когда почти никто ещё
всерьёз опасности не видел.

Как быть с обещанными
счастьем и удачей?
Какое счастье?!
Только сожалею.

А прежде
в этом мире
было счастье.

ПРОСНИСЬ
И ОБНИМИ!

Проснись и обними,
Прижмись, как прежде,
Со всей душой, не напоказ,
К тому мужчине, сонному подчас,
Тепло устройся на плече, тобой любимом.

Проснись и обними,
И растворись в надежде,
Лети, одолевая бесконечность,
А там и фениксом, из пепла возродимым,
Войди в нирвану, как тогда, в тот самый первый час,
Что в космосе необозримом дал близость вашим душам и телам.

Проснись и обними,
Ещё желанней будь!

Забудь всё тёмное, что было промеж вас.
Увидишь: любит он и боль свою забудет
На волнах страсти – среди нежных ласк.
Сумей его завлечь – союз прочнее будет.
Проснись и обними – и это всё, что нужно!
Старик-мудрец окончил речь... Кальян втроём курили дружно!

И ЭТО БЫЛО...

Закат отдал столь бесполезный жар.
От глади озера уже пошла прохлада.
Ты – вечеринки самый щедрый дар,
И за старания мои высокая награда!
Шальную кровь скорей разбереди
Помадой яркою и сладкими духами,
Прижав меня лицом к своей груди
Такими смелыми и властными руками!
Глаза в глаза – истомно, губы в губы,
Полёт самозабвеннонной дикой страсти!
Пусть «будуаром» станет корона дуба,
И никого вокруг на наше счастье!
Венец прощаний тихое: «Звони»,
Когда такси ночное важно подкатило.
Каскад свиданий – оченьки и дни...
Благословенны страсть, любовь и сила!

Метафоры в картинах и словах

ВОДОПАД
(посвящается дочери)

Струился водопад твоих волос
Из-под гребёнки – на свободу.
Легко взметая вихрем облака
Своих мельчайших водных слёз,
С тобою ветерок заигрывал пока,
Играво поясок из радуги принёс,
Спеша, он удивил саму природу –
В ином порядке выложив цвета –
Но всё пройдёт, всё канет в воду...

1-е место
на международном конкурсе
«Век авангардизма»,
Йиглава Чехия, 2020 г.

«Водопад» (холст, масло, 100×90 см, 1993 г.)

БАЛЛАДА О ЖЕЛЕЗНОМ РЫЦАРЕ И ДАМЕ ЕГО СЕРДЦА

В замке
Совсем один
Жил-был рыцарь
Железный, сын битв,
Ржавчиной весь покрыт.
Он был грозен и нелюдим,
Трепетали злодеи пред ним!

Мог сам, взявшись меч, защитить
Мрачный замок и честь, и имя,
Беспощадных врагов крушить
И не пасть, поражен такими,
Кто хотел бы его сломить!
 Его сломить!

Но, ржавея из лет в зимы,
Одинокий, в своей глухи
Воин жаждал живой души,
Чтоб согреть руками своими!
Руками своими! Руками своими!

Как-то раз от банды дорожной
Смог прекрасную даму отбить.
По глазам увидал, что можно,
И не только можно, а нужно
Эту душу беречь и любить!
Беречь и любить!

В сердце огненное боец
Поместил чужестранку.
Вскрывши грудь свою,
Как простую жестянку,
Пустую и ржавую банку,
Из себя сотворил дворец
Даже с окном и со шторой
Из кольчужных своих колец!

Для любви стал герой опорой.
Новый путь принимая, шёл им,
Побеждая с сердцем открытым.
Жизнь осмысленней стала вся.
Свору вражью копьём разя,
Сокрушая коня копытом,
Знал, что никак нельзя
Ему быть убитым!..

1-е место
на международном конкурсе
«Современный авангард»
(сюрреализм),
Санкт-Петербург, 2020 г.

«Дама сердца» (холст, акрил, 100×90 см, 2000 г.). Частная коллекция, Израиль

НОЧЬ –
СВИДЕТЕЛЬ

И, думается...
Тайном поцелуе.

Ночь южная –
Загадка и каприз!

Свидетелем всего
Опять же, только ночь.

А на пейзаж взирая,
С холма крутого вниз

Но всё охватывая сразу
Одним широким взглядом,

Мы с вами выше пальм
Которые, лаская косогор

Мы замечаем, что пейзаж
Похож на сон, или мираж!

И лёгким ветерком шаля,
Качают ветками, сверкая.

Какой-то очень странный
И бородатый профиль –

Поблескивает под луной
Огромной лужей, озеро,

Разгневанный мужчина!
Открытый глаз его – она,

Сквозь заросли осоки,
Играет лёгкой рябью.

Помянутая нами лодка!
И вот где вся разгадка –

Вот видим лодку,
Спрятанную там,

Как видно... как-то он
Любовникам грозит?

И в лодке пару,
В страстном,

Всё в этом мире
Очень шатко...

3-е место
на международном конкурсе
«Век авангардизма»,
Йиглава Чехия, 2020 г.

«Ночь-свидетель» [холст, масло, 100×90 см, 1992 г.]

«Ночь-свидетель», деталь

Стихотворение в японском стиле, близком к «СЭДОКА»

Время таланта, сгорая,
Славой мечтает вернуться.

Солнце, круговорот совершая,
Встает из-за дымки над Фудзи.

Скажи, красавая бабочка,
Что хочешь от солнца?

«Время таланта» (холст, масло, 100×70 см, 1991 г.)

ПИР

Мы пытаемся что-то создать
На развалинах прежних культур.
Брось – серьёзное воздвигать
Не для нетерпеливых натур!

А история волнами бьёт,
Чуть задерживаясь иногда.
Может с виду покажется – вот,
Мы построили тут навсегда!..

Забываем, как мир наш раним.
Лишь восходит надежды заря –
Вмиг развалит волна – и всё зря!
Птицей... в новое место летим.

Мы, играя, как дети, шалим,
Но, взлетев, утешаем себя,
Вновь, крушение мира терпя,
Не жалеем, прощаемся с ним.

Прилетели... Опять налегке!
Пир устроим на том, что осталось,
Но о чём-то надёжном мечталось
В нашем старом уютном мирке.

Всякой сказке приходит конец.
Что там в море маячит, блестит?
Сам не тонет, манит, как магнит –
Золотой наш... и вечный... телец!

«Пир»
(холст, масло, 100×90 см, 1991 г.)

РУЛЕТКА

Ближний Восток...
Бездонные холмы.
Культура всех эпох
Руинами лежит, скучая.
Прибой обрушился и стёк,
Святые камни омывая.
Из туч на волны моря,
Солидно и не споря,
Безликие гиганты
Загадочно глядят.
То силы высшие –
Они играть хотят.
Вот римский цирк –
Огромная рулетка.
И колесо её вращают,
Увы, отнюдь не редко.
Как гром судьбы слепой,
Тяжёлый шара перекат
Мы чувствуем с тобой,
Когда в неё играют...

2-е место
на международном конкурсе
авангардной живописи,
Барселона, Испания, 2020 г.

НЕПТУН И АМФИТРИТА

(о картине 1993 г.)

Величествен пейзаж морской.
Восход зари ещё ночным покоем дышит
Но, как амброзия из рога изобилия,
Накатываясь, брызги плещут,

Божественные веки-волны
Лишь чуть приподнялись,
Но вот нагая Амфитрита
Вдруг распустила косы,

Красою юной пробудив
От снов покойных,
Царя морей, озёр
И рек – Нептуна,

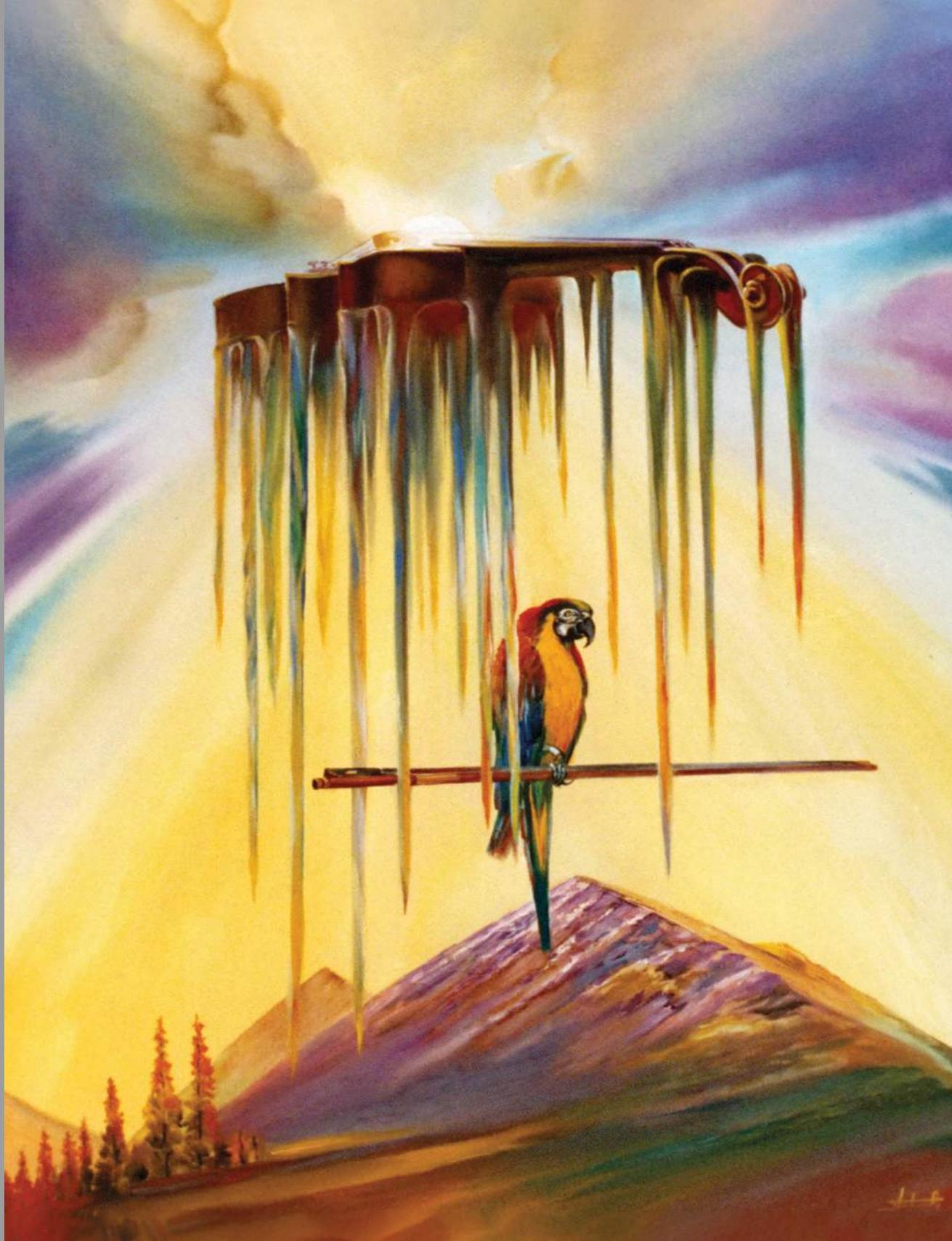
Она купала,
Ласкала
Тело
О
Его
Крутые
Плечи-скалы.
Отполированы
Волнами, среди пены
Жемчужной белизной сияли!

«Нептун и нимфа» (холст, масло, 100×90 см, 1993 г.)

«Кризис маэстро» (холст, масло, 100×80 см, 1991 г.). Частная коллекция, Израиль

КРИЗИС МАЭСТРО

Полет фантазии чужой
Лишь клетку прочит эпигону.
Не внемлет муза его стону.
Хоть и внутри, но он – изгой!

ДОРОГА К ХРАМУ (баллада в стиле «кантри»)

Вот и мой о Храме ответ:
Этот Храм освещает мир,
Высших сил получая свет.

Из зенита направлен луч
Ясным погожим днём
И даже из хмурых туч.

А время в Храме стоит,
Собою являя Вечность.

Серьёзно или беспечно,
Но каждый сюда придёт,
Сойдутся на Храмов свет.

Вот, если война грядёт,
Храм – он ещё и воин!
Сам позовёт на бой он
Всех, кто удержит меч.

Слабых шатром укроет –
Он должен и их уберечь.

Но Храм не откроет двери
Ни тем, кто истово бредит
До полной ума потери,

Ни, симулируя скрыто,
Показные поклоны бьёт
И подобострастно ползёт.

Таких вокруг него много:
Безлики, похожи на скот,
Они застынут, как плиты,
Собой выстилая дорогу.

Если теперь подытожить
О тех, которым дорога
К Храму указана тут, –

Трое совсем непохожих:
Мудрец, Владыка и Шут.

Мудрец уважаем всеми,
Научит, как следует жить,
Король – закон и власть.

Шут, пробуждая чувства
Великой силой искусства,
Может потешить всласть.

А я в пику иным шутам
Сам создаю нам Храм...

«Дорога к Храму» (холст, масло, 100×80 см, 1992 г.)

УВЕРТЮРА

Орган с оркестром старые враги,
Но чудеса творятся с ними и такие:
Их вместе сводит... музыки стихия –
С цинизмом не спеши, побереги!

Как зазвучит над миром увертюра –
Орган всей силой унесёт за облака.
Такое даже флегматичную натуру
До глубины проймёт наверняка...

Тут скрипок легкокрылое звено
Добавит неожиданные краски,
Приятной дрожью одарит оно,
Как неги упоительные ласки.

Соперничества свежие плоды
Внесут тромбоны и валторны.
Исчезнут и следы былой вражды.
Растают души, музыке покорны...

«Увертюра» (холст, масло, 100×80 см, 1991 г.). частная коллекция, Израиль

ГЕОМЕТРИЯ СОЦИУМА ГОРИЗОНТАЛЬ И ВЕРТИКАЛЬ (о картине)

Плоскость
Горизонтальная.
И по ней монотонно
Хаотично движутся люди,
Все одеты они и прикрыты...
Идут в любых направлениях,
Полагаясь на защиту закона.
А мы видим лишь только
Лица их озабоченные –
Короче, это лишь то,
Что предъявлят они
Окружающим.
А поскольку
Их будущее
Определено
Понимающими,
Их стихия – покой.
Так им нравится жить.
Идут одиноко и семьями,
Касаясь зонтами и шляпами
От солнца, дождя, а значит,
И также дурного влияния,
Этих соблазнов разных,
Которые там наверху.
Но тех, кто успеет
Глянуть вверх,
Увиденное
Озадачит.

Другие,
Взираясь
По вертикали,
Изменить хотят и
Свои статус и жизнь,
Вырваться из болота,
И по-своему правы.
Остаться одетыми
Не получится даже
В самом начале пути
Усилиями тех, кто внизу.
И уже ничего нельзя скрыть.
Они полностью все на виду
В жестокой конкуренции.
Мы видим только тела.
Если показывать лица,
Они не обрадуют взгляд
Видом натужных гримас
И правдою без прикрас.
Игнорируя силу судьбы,
Наверху тоже их ждет
Постоянная схватка.
Выдерживают лишь
Единицы в движении.
Раскалённое солнце, увы,
Добавляет напряжения,
Но многие довольны
Самим процессом
Освобождения
И борьбы.

«Геометрия социума. Горизонталь и вертикаль» (холст, акрил, 102×66 см, 2020 г.)

1-е место
на международном фестивале
символического искусства,
Москва, 2020 г.

Диплом
лауреата 1 степени
Российской Премии Искусств,
Москва, 2021 г.

«Крик 2020» (холст, акрил, 40×80 см, 2020 г.)

КРИК 2020

Увековеченный картиной Мунка человек
Испуганно кричит с моста пустого ночью в темноте.
В продвинутый наш интернетный век он в ужасе
В глухонемой к нему и обезличенной толпе.

1-е место
на международном фестивале
эмоциональных искусств,
Москва, 2021 г.

«Новая идея» (холст, масло, 100×80 см, 1993 г.). Частная коллекция, Израиль

НОВАЯ ИДЕЯ

Идея... рождается... в облаках...

Из вольных степей, на весёлых ветрах
Так тихо в широкие окна влетает.

Восхитительно женственна,
Словно в мальчишеских снах,

А нетвёрдо сидевшая в головах,
Равновесие слабое тут же теряет.

Может, это иным и внушает страх,
А спящих ведёт к пробуждению.

Практикуют идеи в открытых
Готовых принять их умах,

Материализуясь в умелых руках,
Дарят избраннику радость прозрения.

Идея... рождается... в облаках...

2-е место
на международном конкурсе
«Современный авангард»
(сюрреализм),
Санкт-Петербург, 2020 г.

«Свеча на ветру» (бумага, масл. пастель, 25×25 см, 1992 г.)
«Автопортрет с женой»

3-е место
на международном конкурсе
«Арт-любовь»,
Санкт-Петербург, 2020 г.

1-е место
на международном конкурсе
«Искусство силуэта»,
Москва, 2021 г.

СВЕЧА НА ВЕТРУ

Любовь! Ты для нас,
Как свеча на ветру,

То почти угасала,
То вновь возгоралась.

Предают зеркала
День за днём поутру,
Но не верь зеркалам!
Боже, дай, чтобы нам
Этой свечки весёлой
Побольше досталось!

жизни и любви, не сдерживая смеха

БУРЛЕСК

!!!!!!

ПРИКИНУТАЯ

!!!!!! ГЕРЛА !!!!!

!!!!!!

Б (Б

!!!!!! 0 = 0 !!!!!

!!!!!!

!!!! СТОЯЛА !!!!!

!!!! НА ПАНЕЛИ,

!!! И ПРЕДЪЯВЛЯЛА ПИПЛУ !!!

!!!! ЗАВИДНЫЙ ЭКСТЕРЬЕР, !!!!

!!! КАК ВДРУГ, ИЗ МЕРСЕДЕСА, !!!

!!!! ВЕСЬ УПАКОВАН КРУТО, !!!!

!!!!!! В КОНКРЕТНУЮ МИНУТУ !!!!!

!!!!!! ЯВИЛСЯ КАВАЛЭР !!!!!

!!!!!! И ОБРАТИЛСЯ:

!!!!!! Д А Р Л И Н Г,

!!!!!! Я ЗНАЮ, ВЫ ДРУГАЯ.

!!!!!! Я ВАМ НЕ ПРЕДЛАГАЮ

!!!!!! СОЗДАТЬ СО МНОЙ СЕМЬЮ,

!!!! НО В ЭТОМ ЛИ СУТЬ ДЕЛА,

!!!! КОГДА В КАРМАНЕ МАНИ?

!!!! ЙЕС! - ОТВЕЧАЛА ГЕРЛА.

!!! МАЙ БЭБИ, АЙ ЛАВ Ю-У!

!!!

!!! ===== 1988 !!!

!! : : : : : : : : : :

!! : : : : : : : : : :

!! : : : : : : : : : :

!! : : : : : : : : : :

!! : : : : : : : : : :

!! : : : : : : : : : :

!! : : : : : : : : : :

!! : : : : : : : : : :

!! : : : : : : : : : :

!! : : : : : : : : : :

!! : : : : : : : : : :

!! : : : : : : : : : :

!! : : : : : : : : : :

!! : : : : : : : : : :

!! : : : : : : : : : :

!! : : : : : : : : : :

!! : : : : : : : : : :

!! : : : : : : : : : :

!! : : : : : : : : : :

!! : : : : : : : : : :

!! : : : : : : : : : :

!! : : : : : : : : : :

!! : : : : : : : : : :

-XXX- -XXX-

!!!!!!

!!!

ПИЛА
ГРАФИНИЯ
ИЗ ГРАФИНА

Пила графиня из графина.

Пилою финн дрова пилил,

С графиней из графина пил.

Пила в ручище финна пела

И тут – страстища одолела.

Платила щедро! Было дело.

В гостях у самого дофина

Пила графиня из графина.

Вконец умаялся дофин,

С неё снимая кринолин.

Мила была эта картина...

Пила графиня из графина.

Любвеобильная... фемина,

Любя то финна, то дофина,

Не ставит никаких условий,

Чинов и званий и сословий.

Всегда достоин тот мужчина,

С кем пьёт графиня из графина!

МЕРЦАЛИ СТРАЗЫ

На сцене томная Кармен,
В соседней ложе все рыдали.
Держался я, как джентльмен,
Вы от волнения дрожали.

Мерцали стразы в темноте,
В ресницах зарождалась тайна.
Слеза скользнула в декольте,
И я... лизнул ее случайно.

Слезой из ваших дивных глаз
В трагически притихшем зале
Блеснули стразы... Еще раз
Вы... ничего мне не сказали!

СКАЗАЛ ВАМ...

Сказал вам... простые два слова.
Мне давно их хотелось сказать.
От меня вы не ждали такого
И ответ не смогли отыскать.

Но сорвался с души моей камень,
По дороге других прихватил,
Те лавиной из окон и ставен...
Так попутно и вас завалил!

Вот теперь, если душу придадут,
Снять его – далеко не ходить...
В уголок аккуратно поставить,
Чтоб не мог никого зацепить.

Подойдя, отряхнуть вас и снова
Повторить те простые слова,
Добавляя волшебное слово.
А потом – не расти и трава!..

СТУЛ

Купил

Красивый мягкий стул.
Он во все стороны катается.
Леня он крепко притянул за...
этого пункта что, подробно?
Уж нет!

И так тут, как на месте лобном,
И за компьютером чуть свет,
Приникнув буйной головой,
Пусть не причёсан, не одет.

устал

Без дела фартук мой висеть,
Ни капли краски на паркете,
Забыт и запылён мольберт,
Сижу на стуле сам не свой!

И что?

С друзьями и за стол?

Поговорить про валидол?

Лениво рассуждать о диабете?

Но эти же друзья и в Интернете!

А стул?

Стул?

Стул!

Скажу вам суть,

Хорош о нём свистеть!

На стуле том неплохо посидеть

И даже можно задницу погреть

Чуть...

ЧУТЬ...

ФУРШЕТ

Что нас сплотить поможет,
Упрямых, непохожих,
Тех, кто всю душу вложит
В рисунок, цвет и свет?
На то ответ готовый,
Вы можете не верить,
Явиться и проверить,
Но это он – фуршет.

В разгар ажиотажа
Фуршет на вернисаже,
Парадоксально даже,
Но радует сердца.
Кураторы и критики,
Прожженные политики,
И те душой добреют,
Угрюмые с лица.

И даже журналисты,
На что уж специалисты,
Не разгромят артиста
Своим суровым «нет»,
Когда узрев бокала
Волшебный силуэт,
Легко и чуть устало
Сойдутся на фуршет.

ТЕЗИСЫ О МУЗАХ (стих-шутка)

Пусть эти тезисы не изучают в вузах,
Но ими я намерен говорить о музах.
Вот и цитата гениальной простоты:
«Служенье муз не терпит суеты», —
Сказал до нас один поэт великий.
Уж двести лет как не дано забыть!

Мы знаем — эти музы многолики,
Хотя бывают обалденной красоты.
Талантам музы рождены служить!
Всё просто — даже ёжику известно,
Что лохом лишь не подобает быть.
Все девять муз гуляют повсеместно.

А те, которые тысячи лет тому назад
Высвечивали голышом перёд и зад
Верхом меж крыльев на пегасах,
Давно уже летают в бизнес-классах
В крутых манатках от «Армани»,
Под фарты в казино сшибая мани.

Чтоб муз весёлых завлекать,
Поддев то шуткой, то лестью,
Этюд весёлой беглой кистью
Или неплохо стишок начиркать...
Но считаю и низким, и подлым,
Чтобы талант творил голодным!

Оно — никак не про нас.
И я, и моя дорогая муз
Уж если едим, так от пуза!
Пусть худеет у шведа, француза.
Незачем нашим сушить фигуру —
В гробу я видел подобную дуру.

Пришлые музы глупы и неловки
На всякую глупость вопят: «Bay!»
У них на всех местах татуировки.
О татуированных музах молчу.
Этих и видеть никак не хочу.
Не хочу, не хочу, не хочу!

ФРЕЙДИЗМ

(Шутливые думы философа о том,
какие секреты таятся пониже пояса)

Я Фрейда уважаю, без сомнений.
Он смело в самый корень метил – гений!

Когда б не думать о природе сновидений,
Найдёшь и повод у него иной, для бдений.

Вот ниже живота такой веселый кранник.
Он грех и суeta, и кнут тебе и пряник!

Смешная красота, но ты его избранник...
За ним вся правота и ты ж ему охранник!

А там, где пролегла глубокая морщина –
Там девичья мечта, надежда и кручина.

Фемина жизнь дала, ей в том помог мужчина –
Вот в этом корень зла, загадка и причина!

От тех метаморфоз меж верхом и меж низом
Случается психоз, конфликт, антагонизм.

Фрейд-старина, помог в причинах разобраться.
Есть правда между ног, и сила там же, братцы...

Так мудрость бытия и цельность парадигм
Сливаются, любя, в один большой – фрейдизм!

**ТУТ ПРИШЁЛ
НЕОЖИДАННО СТИХ**

Тут пришёл неожиданно стих,
Словно дятел, упрямо долбал.
На минуту я даже притих,
После сдался... и записал.

Прилетел офигительный слог
И с разгона в башку угодил.
Я уснул ненадолго, как мог,
Так меня он во сне прихватил!

Потому голова и трещит
От стихов, что летят с высоты.
Погляди-ка, вон новый летит
Прямо в двери – и сразу на ты!

Я в квартире сижу за замками,
Запираюсь, как форменный псих.
Они рушат мой дом, как цунами.
Проще сразу записывать их.

Записал и прилёг... отдыхаю,
Чтоб не думать совсем о стихах.
Полежу так, до ста сосчитаю.
Всё кругом – суета, тлен и прах.

ОДНОРАЗОВЫЙ

Одноразовый шприц,
Одноламповый свет,
Однотипный сюжет
Однаковых лет.

Одноглазый трамвай
Однозвучно звенит.
Однорукий бандит
Не играет в кредит.

На насущный вопрос
Однозначный ответ:
Только через буфет –
И все в розовый цвет!

Однозначен всегда
Однозначно дурак!
Торопливый не раз
Попадает впросак...

Монотонно звучит
Монохромный поток.
Вот и сердце стучит,
И стреляет висок.

А с экрана глядит
Ухмыляется СПИД,
Но он будет побит!
Точно будет побит!

Мировая наука
О том говорит,
Что его победит...
Одноразовый шприц!

Вот идет по Земле
Неуемный КОВИД!
Безнадежно, и маски
Вокруг вместо лиц...

Да, я псих! К черту их!
Всем вакцину и... Цыц!
Дайте люди мне шприц,
Одноразовый шприц!

На десяток страниц,
Если псих, то уж псих,
Сочиню-ка про всех
Одноразовый стих!..

Но размеренный спич
Переходит на крик.
В однополой любви
Вырождается вид.

Пусть облают тебя
И борзая, и шпиц,
Если ты написал
Одноразовый стих!

Шавки лают вдали
И на нас, и на них,
На тебя и на стих...
И на стих, и на стих!

Закричал, завопил,
Утомился и сник...
Оборвался и стих,
Одноразовый стих.

ВОЗРАЖАЮ

Так весело, ребята, репортёрам!
У них всегда пассионарный вид.
Иной так резво машет микрофоном,
Как будто врезать в морду норовит.

И думаешь, вот этот как покажет...
Всем в пику правду-матку огласит!
Ан нет! Ни слова поперек не скажет,
Как все, в мейнстриме скакуном бежит.

О чем напишет, продиктуют свыше:
Кому за здравие, кому за упокой.
Кто платит, тот ведет его рукой,
И никого всё это не колышет.

Не возражают птицы-попугаи.
Им никакого смысла возражать.
Услышат! Слово в слово повторяя,
Для связки слов добавят «вашу мать»!

А обезьяны повторят вам жесты.
Послушав тех и посмотрев других,
Вы сможете, уже тусуясь возле них,
В серьезные проникнуть интересы.

Адепты? Эти поперек ни слова!
Они заучат навсегда бесповоротно,
Что гуру ими уважаемый сказал.
Учение – священная корова!

И эпигоны возражать не будут.
Им нечем, эпигонам, возражать.
Сумеет в эти головы лишь чудом
Самостоятельная мысль вбежать.

У докторишек все по протоколу:
Всем строем приготовиться к уколу.
Шаг в сторону – изгой! Пиши пропал!
Откажешься, ты враг и получи скандал!

Вот так и все по части возражений.
Как скажут, так и будут выполнять.
А где свобода для телодвижений?
Хотелось бы... Но как-то не видать!

Итак, в ряду последним получаясь,
На перечисленных никак не полагаясь,
А по привычке смыслу здравому внимая,
Возражаю, возражаю, возражаю, возражаю...

СМОТРИ, ХАДЖИ
(под впечатлением от
картины Владимира Куша)

Смотри, Хаджи, какое чудо!
Глянь, сквозь игольное ушко
Проходит караван верблюдов
И караван-бashi пешком.

Богатые так много могут.
Им стоит только захотеть,
Проложат в рай себе дорогу!
Может... и нам разбогатеть?

НАДЫСЬ

Надысь зной палил или дождичек лил.
Надысь, спотыкаясь, но всё же ходил.

Кажись, что-то шибко заносит меня.
Кажись, мало пил, а качает, пьяня.

Намедни совсем от всего обалдел.
Намедни присел и сидел, и сидел.

Сейчас вот прилягу и буду лежать...
Лежать и лежать, и на всё наплевать.

Ну вот, отпустило, ни мысли в челе.
Кажись, есть порядок опять на Земле.

**ВОПРОС
РОДИТ ОТВЕТ**

Вопрос рождает ответ.
Картине нужен свет,
Как на балет билет
И на пожар багор.

Пишу я как мотор
И важное, и вздор.
Галоп во весь опор –
С листа сметая бред!

Навеки с давних пор,
Дней, месяцев и лет
Мету ненужный сор,
Ответ рождает куплет!

Фантазии, реальность и мечты
Мы видим в отражённом свете.
Там и история, и памяти следы,
И слово, за которое – в ответе...

СМОГУ!

С тополей арбузы облетели,
Разрослись калачи на лугу...
Я с тобою почти две недели.
Если молча, и больше смогу!

ВЕСНА В ИЗРАИЛЕ

А в Израиле весна... Попугай спелись.
Разноцветием леса и поля оделись.
Апельсины на земле, запах невозможный!
Появилось комарьё, всех едят безбожно.
Все коты, подруг любя, сильно похудели.
Красны девицы с себя что могли раздели...
Летняя коллекция – стыд один и срам!
Подлая эрекция будит по утрам...

ТАНГО-СУДЬБА

Была весна, а может, лето.
Умчался на свиданье к ней,
Но выпал из кабриолета –
В машине не было ремней!

И понял на панели влажной
На перекрёстке у столба,
Что нету мелочи неважной,
Когда решается судьба!

ДЖИГА

Умниками и дураками
Мир давно по уши полон.
Жаль, дураков лечить
Нам уже поздно!

Чтобы не быть дураками,
Джигу отплясывайте с нами,
За кружками доброго эля
Мы станем мудре!

ЛЕГКО И ПРИЯТНО
ХУДОЖНИКОМ БЫТЬ
(шутка)

Легко и приятно художником быть,
Шедевры творить и моделей любить.
Без творческих мук и от бед в стороне
Искусство разглядывать можно вполне.
А автор затворником хмурым весь век
С мольбертом все ночи и дни напролет,
В копилку прекрасного вклады вносить.
Спеша ежедневно искусству служить,
Красоток писать, море, горы, сюжет,
На ваши вопросы – картину в ответ.
И так куртуазно альбом подавать,
Концепции стилей перелицевать,
С апломбом заумные речи вещать,
Давать интервью, утомленно шутить,
Павлином спесивым в бомонде ходить
Плюс много еще, что вам лучше не знать.
А главный секрет – пересмешником будь!
Встань! Быт неустроенный напрочь забудь.
Смеясь, критикуй, чтоб не слыть дурачком,
Будь странно вальяжен в чудачестве том...
И искусству служить – то не кур разводить!
Все знают, приятно художником быть.
Внебрачных детей настрогай легион,
Еще, вдохновясь, и шедевров вагон!
Фантазии бурной чтоб выход найти,
Есть масса путей – по любому пойди.
Решай и твори, будь там сон или бред.
Талант – это право на собственный след!

Пересмешник

Пародии на популярные песни и картины

**СНЯЛА РЕШИТЕЛЬНО
С ПРЕДОХРАНИТЕЛЯ.
САМА Я ДОБРАЯ – АЖ
|||||| НЕТУ СИЛ! |||||
||ПЕЧАЛЬ РАЗВЕЯЛА||
ОТЛИЧНЫМ ВЫСТРЕЛОМ.
КОНТРОЛЬНЫЙ В ГОЛОВУ – РАЗВЕСЕЛИЛ!**

Пародия на песню
Евгения Птичкина на стихи Игоря Шаферана
«Ромашки спрятались»

«Киллерша»

Пародия на песню Владимира Мигули на стихи Анатолия Поперечного «Трава у дома»

ЗЕМЛЯ В ИЛЛЮМИНАТОРЕ (песня-пародия о неизвестном?..)

Земля в иллюминаторе,
Трава в иллюминаторе,
«Ан-2» дымится в лесополосе.
Я всех послал по матери
На быстроходном катере...
Обидно, что услышали не все!

И снится мне не рокот космодрома,
Не неба ледяная синева,
А серые дрова в углу у дома,
Корявые дубовые дрова...

Нам Главный говорил, что мы герои,
И он нам, космонавтам, как отец.
Но вот усталый голос надо мною:
– Похоже, этот парень не жилец...

Мне снится не Тайбэй, не Оклахома,
Не Будды золотая голова,
А штабель во дворе у гастронома,
Замызганные пыльные дрова...

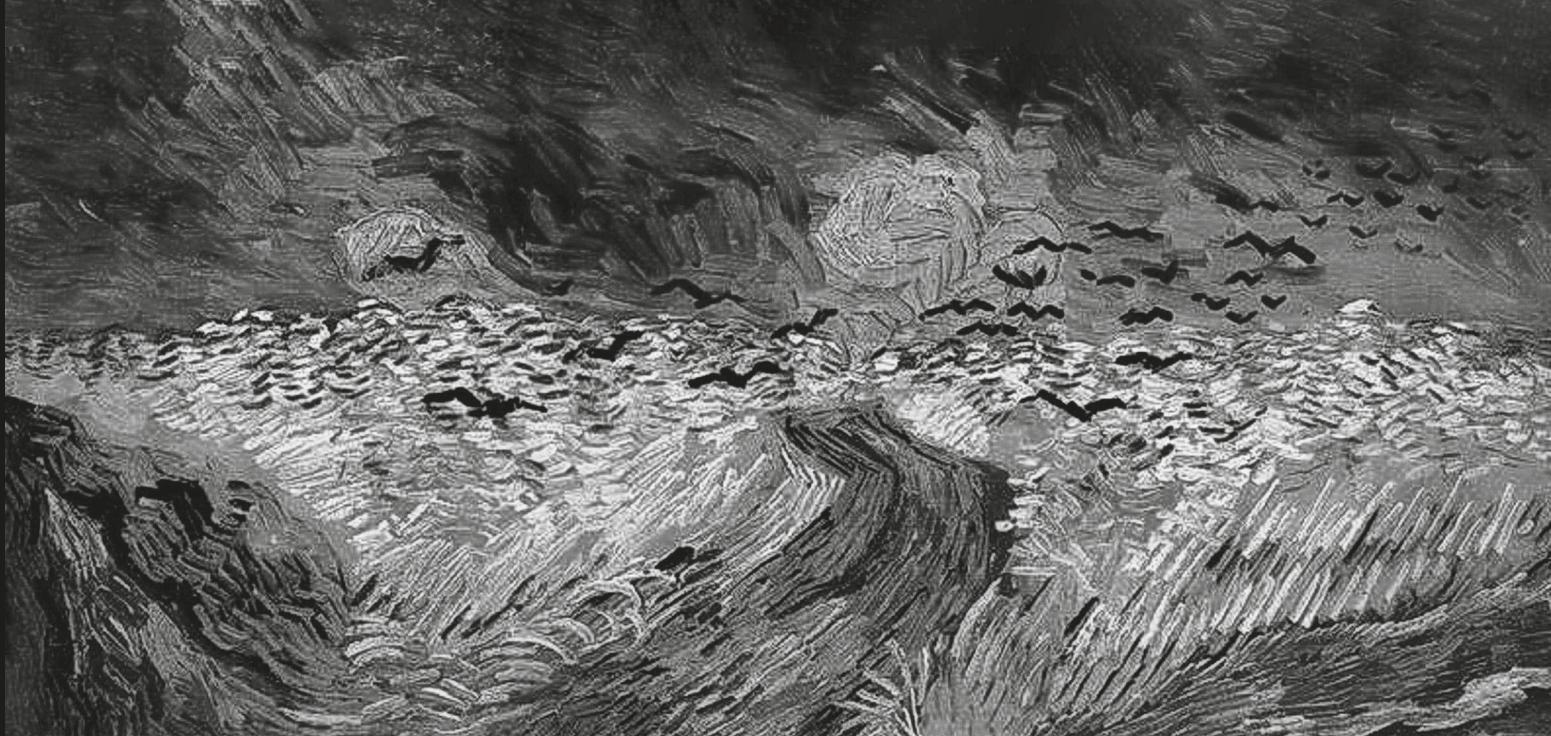

Повязанный секретностью,
Как что-то очень личное,
От самых близких тайну охранял.
Из списков тихо вычеркнут
Фамилию обычную...
– А был ли мальчик? – это про меня.

И снится мне не хотят из дурдома,
Не глаз врача стальная синева,
А этот штабель дров у гастронома...
Опять трещит больная голова!

Так почему же жду я поворота,
Как в множестве красивых кинолент?
Должно же мне еще приснится что-то,
Какой-нибудь счастливый хэппи-энд!

Мне снится не любовная истома,
Не водка, не маслины, не халва,
А то, как пилият в ритме метронома
Те самые дерымовые дрова...

Винсент Ван-Гог «Вороны над ржаным полем».
(по одной из версий последняя картина художника)

ПЕСЕНКА-ПАРОДИЯ ПРО ВАН-ГОГ

Меня зовут Винсент безухий,
Мне это право, это право все равно.
Что я художник, ходят слухи
Давным-давно,
Давным-давно,
Давным-давно!

Пишу Прованс я днем и ночью.
Всегда один – как это грустно и смешно!
А покупать никто не хочет
Давным-давно,
Давным-давно,
Давным-давно!

И разве вспомнят люди эти,
Что мрачно пьют кроваво-красное вино,
Как жил Ван-Гог на белом свете
Давным-давно,
Давным-давно,
Давным-давно!

Над полем ржи летят вороны.
Башка трещит... Лови момент и торопись!
Умру, уйдет за миллионы..!
Поверьте мне,
Хоть застрелись,
Хоть застрелись!

СОЛНЦЕ МОЁ В ПАЛЕРМО (пародия)

Я в борсалино, макинтош до пола,
В Чикаго сырьё и в «сухой закон».
А ты в Палермо.
Тебя там греет солнце,
но у меня, вместо гитары,
то-о-омпсон.

Футляр гитары... темно и фары...
Палермо тёплый так далеко...
Сейчас у вас
Так ярко светит солнце,
А у меня тут заедает...
То-о-омпсон.

Под небоскрёбами темно и мокро.
Хочу туда я, где теперь тепло
И, где сияет
Золотое солнце,
А у меня... уже стреляет...
То-о-омпсон.

Оригинал:
«'O sole mio» (неоплит. «Моё солнце» —
неаполитанская песня, написанная в 1898 году
Эдуардо ди Капуя (музыка) и жованни Капурро (слова))

«Песня чикагского гангстера» (пародия)

Там возгораются сердца от
пламени страсти и зноя!

**ЧТО ТАКОЕ
ЛЮБОВЬ?
(танго страсти)**

Пекло пальмовой ночи
Плавит тело, как воск,
Плавит тело, как воск.

Мы танцуем вдвоём.
Кружит музыкой нас
Пьяный бандонеон,
Танго страсти играя.

Вся зардев от огня,
Ты спросила меня:
«Что такое любовь?
Что такое любовь?»

А на дне твоих глаз,
Угольком догорая,
Томно тлеет закат,
Томно тлеет закат.

Словно пламя свечи,
Свет зовёт мотылька
Прямо в сети любви!
Прямо в сети любви!

Нас опутала страсть!
Нас опутала страсть!
Загляни мне в глаза,
Загляни мне в глаза –

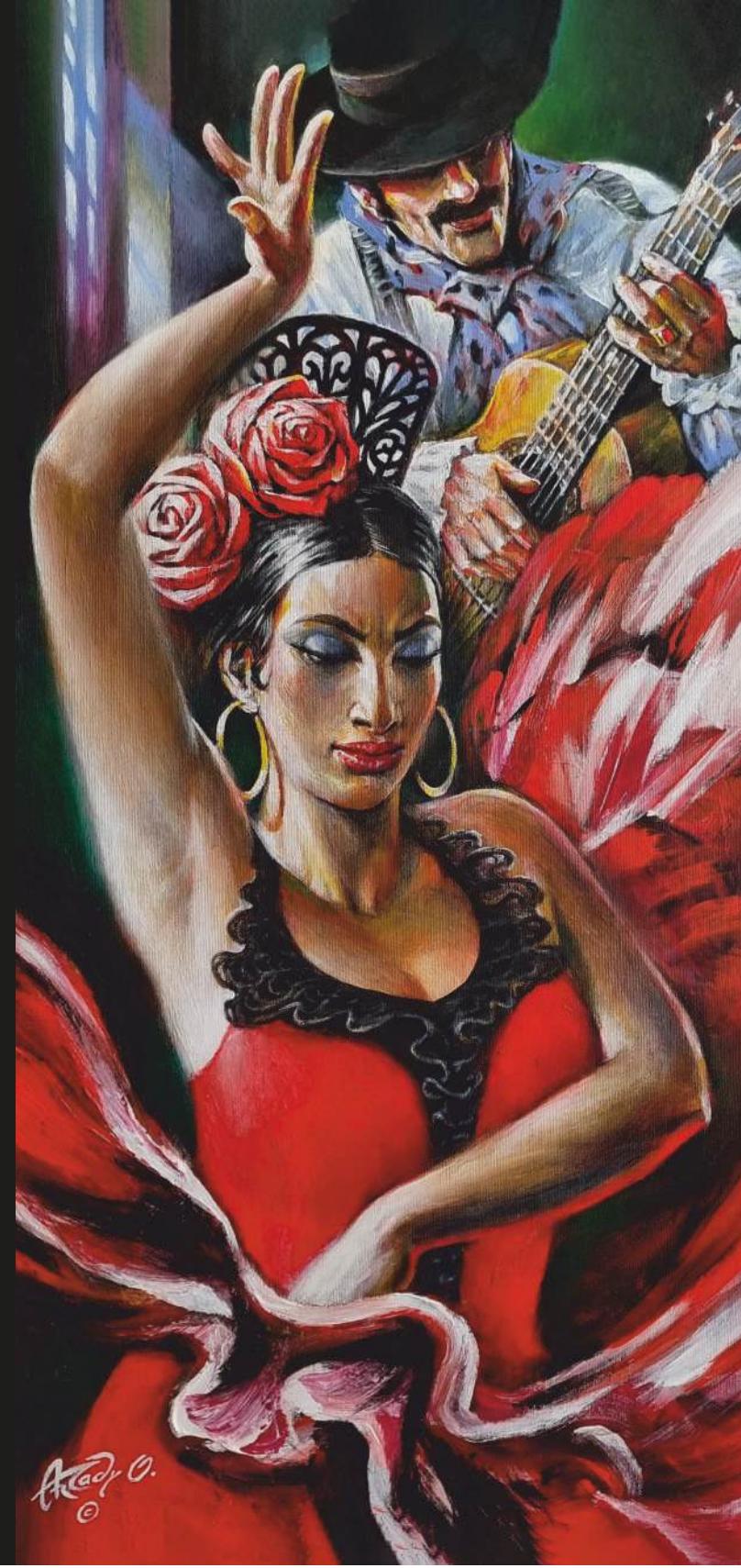
Ты уже там сгораешь,
В вихре танго скользя.
В вихре танго скользя.

«Танго страсти»
(холст, акрил, 70×40 см, 2024 г.)

ТАНЦОВЩИЦЕ ФЛАМЕНКО

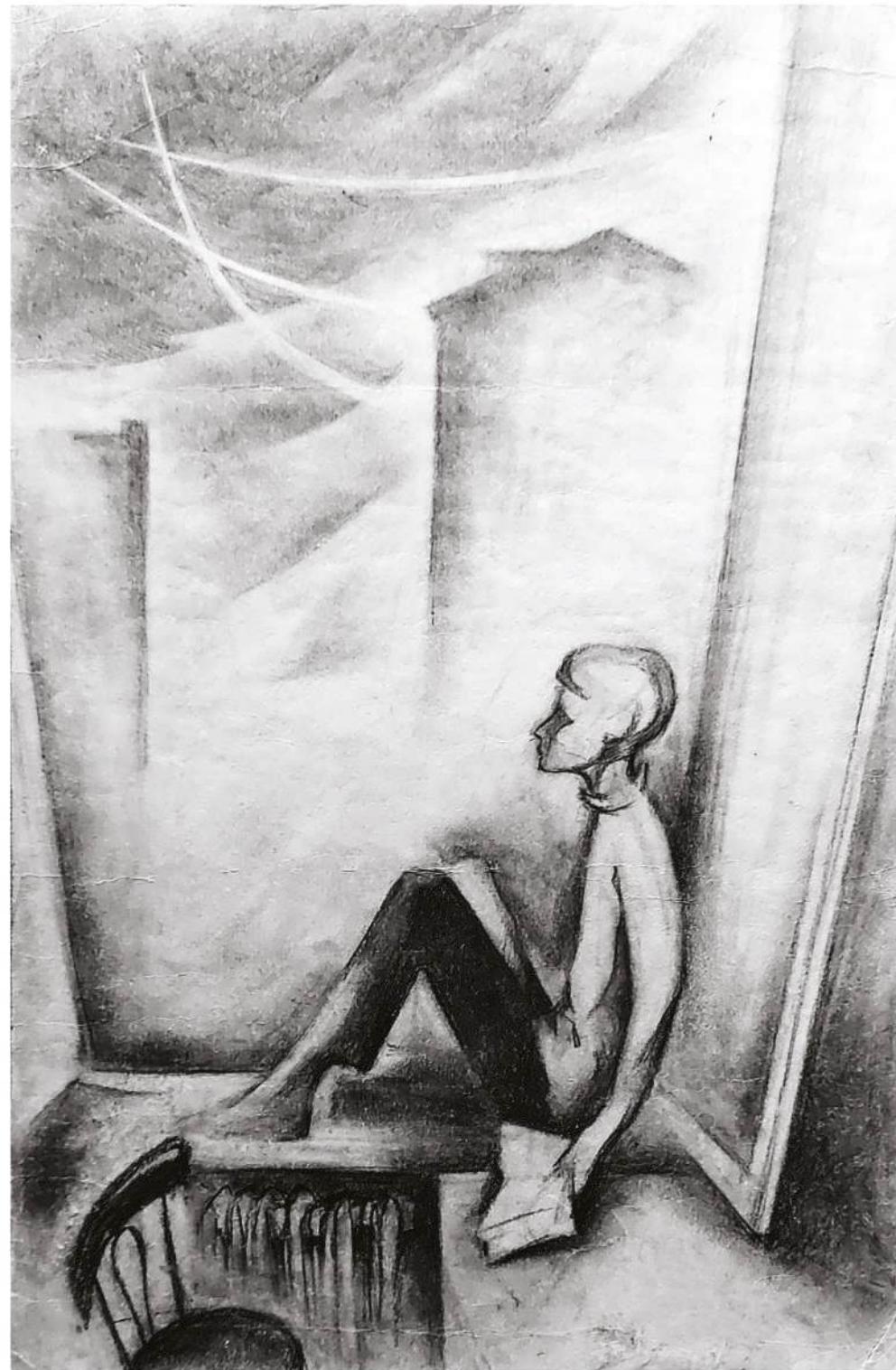
Я красное на черном обожаю...
В них кровь и мрак, и рок, и колдовство.
Под взором твоих глаз, как воск, я таю.
За тот руки изгиб, как лебедя крыло,
За силу чар твоих бокал я поднимаю...
О, как же мне сегодня повезло!

«Фламенко»
(холст, акрил, 90×45 см, 2023.)

Проблемы детства

«Мечта»
(эскиз композиции,
бумага, карандаш,
70×40 см, 1986 г.)

МЕЧТЫ ДЕТСТВА

Малоэтажный старый Кишинёв –
Зелёный город милой детской были.
Двор как семья, цветы и кладки дров,
На тех, кто за углом, «войной» ходили.

Дубы над нашей улицей Армянской
Вверху над мостовой смыкали кроны.
На ней трамвайчик одноглазый красный,
Звеня, болтался, как челнок при штурме.

Единственного сына содержали в норме.
Строгою немку с русским безупречным,
Елену Карловну, приняли няней в дом,
И с ней я овладел литературной речью.

Полуподвал с окном, плитой и печью,
Да палисадник со скамейкой и столом,
Обвитый крученым весёлым панычом.
Вот горка, дуб, скворечник, ещё бельё...

Зимой на санках с горки мы скользили.
Из бука мне папаша сколотил такие.
Тяжёлые, как броневик, большие –
Зато уж если лёг на них, так лёг!

Лязг гусениц по улице Подольской.
Там танковая часть квартировала,
Аэроклуб ДОСААФ – моторов рёв!
В нём боевые истребители стояли.

Здесь молодых пилотов обучали,
Ковали грозных «соколов побед».
Как не читать тут книжки о героях?
«Военной Книгой» заменял обед!

Налево «Пионер», а в нём модели.
Хотел летать... ещё ходить морями.
И kleил, и строгал, лепил и рисовал,
Отец, изобретатель, таланты уважал.

Но цели слайдами мелькали впереди.
Всё преодолевал, но быстро остывал.
Водоворот судьбы меня вертел, швырял.
Рассказывать ли всё – что заново пройти!

Изображаю красоту, ещё пишу и сочиняю.
Полвека уж как смог в искусстве прорasti.
Дорогу эту превозмог, иные отклонив пути.
Жаль первые мечты – не плаваю и не летаю!

ЛУЖА НА УГЛУ (2023)

Вот припомню огромную лужу
На углу Армянской-Подольской.
Всю зиму она была скользкой,
Превращаясь в малый каток.

Те, кому коньки покупали,
На льду лужи их проверяли.
Весной, как закончится стужа,
Сквозь неё прорывался поток,

У самых ворот протекавший,
Там дорогу пересекавших
Старушонок сбивая с ног.

Лужу любили детишки,
По колено в неё входили.
Лужа служила нам морем.
Кораблей запускали туда.

Мачты-спички втыкали
В ореховые скорлупки
Или спичечные коробки.

Корабли эти были хрупки.
Их топили волнами машины.
А, для нас – морские сражения,
Ураганы и кораблекрушения.

Шли пиратские бригантины
На каравеллы и галеоны.
Абордажные сабель звоны,
Залпы пушечные грохотали...

Предлинную вереницу спичек
Мы на рельсы трамвайные клали
Под мальчишеский звонкий хохот.

Треск пугал на деревьях птичек.
Настоящей войны мы не знали.
Мамки шлётапали мокрые попки,
А спички у нас не кончались.

Но истёк счастья глупого срок,
Когда выровняли мостовую.
Детство вышло на новый виток.

детстве прозой

Не могу похвастаться шикарной памятью, кроме, конечно, зрительной (эта память компенсировала недостатки у меня всех остальных ее разновидностей), но этот случай из детства удивительно ярко и детально запомнился, и, разумеется, не случайно.

Тогда мне было одиннадцать лет. Отец решил свозить меня в Одессу и показать море, как живут наши тамошние родственники, а также познакомиться с теми из них, кого я еще не знал. Кроме всего у него была намечена еще одна встреча в Херсоне.

Итак, в августе 1959 года мне посчастливилось впервые в жизни увидеть Черное море, прокопченную и просоленную, как тарань к пиву, красавицу-Одессу, её черный от сажи оглушительно гудящий и грохочущий порт, густо дымящие пароходы и паровозы в нем, пожить на той самой Молдаванке, посетить знаменитый Привоз, увидеть балет в одесской Опере, а в дополнение попасть на нереальном, как скажут теперь, «винтажном» старинном пароходе в самый настоящий жесткий десятибалльный шторм, с которым и сразиться один на один. Ну, конечно же, еще и Херсон попутно. И все это меньше, чем за неделю!

Так, о чем я? Ах, да! Остановиться мы тогда решили у дяди Миши, младшего брата отца.

Я не знал ни дедушку, ни бабушку. Толком даже не знаю, как они жили и ушли из жизни. Знаю только по выцветшей фотографии в альбоме, что дед носил бороду и ермолку, то ли выделявал кожу, то ли арендовал виноградник, то ли ходил за лошадьми, то ли и одно, и другое, и третье. Мой отец был молчуном по части истории семьи, хотя это и не мешало ему иметь общительный характер. У деда в семье было десять детей — и на всех одна пара сапог. Об этом я в разных красках и из разных источников был наслышан. Старшей была девочка, мой отец родился вторым, потом опять девочки, а замыкал список Миша, рыжий, маленький, любимый всеми и хулиганский.

Жил мой дядя с семьей, женой, сыном и дочкой, на той самой Мясоедовской (тогда Шолом-Алейхема) во дворе-колодце, окруженном гирляндами белья, свисающими с веранд, которые, как галереи в театре, опоясывали двор. И это, таки да, был настоящий театр крикливых соседок. Среди плиток, покрывавших всю площадь двора, стояла чугунная водозaborная колонка. Требовался труд, чтобы накачать ведро воды ручкой, похожей на коромысло. Особенно следили, чтобы ее не сломать. Иначе весь двор останется без воды. А в середине того двора стояла дядина деревянная башня-голубятня, служившая ему еще и личным кабинетом для «философского» уединения. Работал он бондарем, получал, разумеется, частенько бонусы вином, так что уединение наверху в голубятне тоже было частью его уважаемой в народе профессии. Дядя Миша лихо свистел, гоняя своих голубей, а те, разумеется, не забывали и про белье. Как он ладил с соседями, не было понятно, но и не очень меня интересовало. Главное, что все это выглядело, как говорят теперь, круто...

Телефон в те времена был запредельной роскошью, а в Одессе и подавно. Никто о визите заранее не оповещал. Так что свалились мы как снег на голову, что никого не удивило, а даже обрадовало. Одесситы так же вваливались и в наш подвалчик в Кишиневе. Времена были такие...

При входе во двор с аркой и чугунными тумбами по углам ворот продавали пиво из прорубленного в толстой стене маленького окошка. Там стояла закольцованный очередь крепких диковатого вида мужчин в кепках. Отец же был при костюме, галстуке и шляпе. Я тоже, как помню, в сером костюмчике, сшитом с расчетом на вырост и подкатанными манжетами брюк. Первое, что сделал дядя, это познакомил всех со своим братом и племянником. Так же он поступал и дальше, при других встречах на улице. Это был пропуск на территорию и наша гарантия защиты. Покровительство Миши

имело вес. Потом было общение с его семьей, визиты к другим родственникам, но это уже вне темы...

Дальше было знакомство с городом. Купили билеты в Оперный театр на балет, тогда, если не ошибаюсь, «Лебединое озеро». Отец повел меня на Дерибасовскую, в городской сад, показал там ротонду, потом кафе «Фанкони», трамваи на Греческой площади и много еще чего разного. Так потихоньку, разумеется, не случайно мы оказались на Привозе. Для отца это место было святым храма, тем более, что он был убежденным атеистом.

Ну что сказать о знаменитом одесском базаре в те годы? Издалека ударял в нос сильный смешанный запах. Грязь под ногами и даже лужа перед воротами тоже были с ним в полной гармонии. Нахальные крики торговок перекрывали все остальные шумы. Что мне запомнилось особенно, так это человек, который, сильно хрюмая, нес перед собой конструкцию, состоящую из лотка и рамы над ним. С рамы свисали разной длины и ширины ленты против мух, а в лотке были различные средства того же предназначения. Человек выбрасывал вперед несгибающуюся ногу, делал большой шаг, во время которого успевал хрипло прокричать: «Липпкая бумага! Липпкая бумага!» И так повторялось с каждым шагом. Торговля у него была успешной. Отец обратил мое внимание на большие навесы, каменные павильоны «под старину» и магазины по сторонам. Это выгодно отличало Привоз от тогдашнего кишиневского рынка, до которого от нашего дома было меньше четырех кварталов, но сходство все таки тоже было.

Мы купили арбуз. Небольшой, круглый как шар, но очень красивый внутри. Об этом я узнал, когда отец резким ударом расколол его о колено. «Папа, что ты делаешь, мы же идем в театр!» Но было поздно, все лицо отца уже погрузилось в сладкуюмякоть... Студентом он подрабатывал грузчиком в порту, что, несмотря на два высших образования, оставил свой след. Он пригласил и меня

«к столу». Подавив глубинный аристократизм души, я согласился – пить, все-таки, очень хотелось...

Потом мы бежали через весь город с липкими руками и лицами, опаздывая на балет. Не в тесном трамвае же в таком виде ехать!

Отец когда-то был бегуном-марафонцем и всю жизнь бегал, чего никак не скажешь обо мне. Я задыхался, и у меня кололо в боку. Кроме всего, съеденный арбуз стремился наружу. Это была настоящая картина! Бежит во всю прыть, тряся гордой шевелюрой, прлично одетый высокий блондин в сбитом на бок галстуке, а за ним ковыляет, тщетно пытаясь не отстать и держась за бок, худющий как спичка мальчишка в круглых очках. В Одессе вода дефицит, и везде этот запах копоти... Бежали долго. Успели! В туалете зеркало и вода. Привели себя в относительный порядок. Потом нашли свои места и сели. Пока не потух свет, отец гордо показывал мне расписной потолок и золоченые галереи. Театр и балет впечатлили больше, чем сам «копченый» город.

Но вот море – это совсем другое! Оно не синее, как пишут в книжках, а серебристо-зеленое и так красиво блестит на солнце... А пенистый прибой! А корабли! Они такие большие белые и важные!

Пароход назывался «Славянск». Он совсем не был похож на таких красавцев, как «Россия», «Адмирал Нахимов», «Победа», «Украина» и прочих гордецов помельче, но покорял другим, а именно, своим особым старорежимным видом. Длинный приземистый черный с небольшой белой надстройкой, прямым заметно задранным носом и высоченной черной трубой. Вот на этом грузопассажирском «чуде» нам с отцом и предстояло преодолеть за ночь расстояние от Одессы до Херсона в качестве палубных пассажиров. Однако с этим гордым званием вскоре пришлось попрощаться. Пошел дождь, и всех спустили в трюм. Так мы стали трюмными пассажирами. А грузовой трюм – он и есть трюм! То есть, пустая корытообразной формы внутренность очень большой лодки. Половина была отгорожена

переборкой с большим экраном, на котором демонстрировали фильм. Что там дальше, никто знать не мог – служебные помещения. Вдоль стен валялись спортивные маты, уже занятые людьми. Посередине возвышался большой зеленый бильярдный стол, на удивление, пока свободный. Вот его то мы и заняли. Наглости нам хватило. Благо, что ни шары, ни кии обозримо не присутствовали. Зато зрительское место там было просто идеальным. На экране шел бесконечный китайский коммунистический боевик «Катера в бушующем море». Только и слышны были выкрики: «Гоминдановцы обходят», «Разрешите доложить», «Позвольте атаковать»! Взрывы торпед, погони, тонущие корабли...

А тем временем в реальности уже тоже вовсю разгулялся штурм. Наше корыто сильно болтало. Борта бильярдного стола, привинченного к полу, еще как-то оберегали от падения. Организмы многих пассажиров не выдерживали, и отвратительный запах заполнил трюм. Мой отец блаженно и с выразительным храпом уснул, не слезая со стола. Его ни черта вообще не брало! Кстати, как я и отметил про себя, что и меня тоже. Маму это его качество всегда сильно удивляло. Ее, нежную даму, волновало и мучило все, что только может волновать и мучить чувствительную натуру: сердце, нервы, ноги, страхи, случайные слова соседей. Для доказательства своей правоты она говорила: «Вот позови сотню людей и спроси...»

Я не спал и был полон морской романтики. Недавно прочел «Морские рассказы» Станюковича и незабвенный «Остров сокровищ» Стивенсона. Тогда я читал много и запомнил. Фильм на экране был нудный и дурацкий, но до чего же он соответствовал обстановке!

И все бы хорошо, если бы не этот злосчастный позыв организма!

Отца растолкать было невозможно. Проходивший мимо моряк сказал, что единственный галюон находится под мачтой в носовой части судна, но идти туда не стоит, и удалился по почти вертикаль-

ной лесенке, легко взбежав и открыв наверху дверь с круглой задрайкой. Решение было принято. Я пошел.

Подняться мальчишке по узким ступенькам на высоту около пяти метров во время качки – это, знаете ли, работа, но я ее проделал. Открыл задрайку двери и вылетел наружу раньше, чем волна ее захлопнула. Тут же обнаружил себя полностью мокрым и висящим на штормовых леерах. Хорошо, что очки предусмотрительно сложил во внутренний карман пиджака. Осмотрелся и, поняв ритм волн, начал продвигаться вперед, вовремя и накрепко закрепляясь на леерах. Прошел по галерее, спустился на палубу и тут понял, что шансов у меня маловато. Впереди была открытая площадка, перехлестываемая волнами. Нос взлетал вверх, вбивая меня в палубу, тогда я видел его на фоне неба, потом палуба улетала вниз, в воду, и море вставало стеной покрывая все пеной. Что удивительно, мне вовсе не было страшно – один сплошной восторг! Я понимал опасность, но был почему-то абсолютно уверен, что выживу. Когда волна откатилась и нос перестал опускаться, я быстро пробежал к мачте, открыл дверь галюона и, оказавшись внутри, задраил. Дальше рассказывать неэтично, да и не интересно. Вернулся тем же путем. Когда волна забила дверь вместе со мной в перила лестницы, я закрутил задрайку и понял, что жив и нахожусь в сухом месте.

С меня текло, как из водосточной трубы, о том, чтобы забраться на бильярдный стол к отцу, не могло быть и речи. Я стоял, обсыхал и смотрел нескончаемый китайский фильм. Вот там, на экране, было по-настоящему мокро!

За час я относительно обсох, фильм закончился, в трюме стало темно и почти тихо, и я доспал ночь рядом с отцом. Никакая пристуда меня не взяла. Не поймал даже легкого насморка! Наутро отец удивился мокрому столу и моему мятому костюму, но рассказу не поверил и громко загоготал. В нем снова проснулся портовый грузчик...

Утром погода была отличная. Днепровский лиман встречал нас криками чаек и запахом рыбы, но пыльный Херсон меня не впечатлил. Поэтому о нем я мало что запомнил, однако арбузы мы там купили. Это точно!

На следующий год, снова побывав уже с мамой в Одессе, я заметил, что этого парохода в порту нет. Спросил о нем родственников. «А-а, так его списали!» – ответили мне. Это меня тогда сильно удивило...

4 мая 1911 года в Данциге, Германия, был спущен на воду одновинтовой, двухпалубный грузопассажирский пароход «Регина». Водоизмещение 2400 тонн, длина 73,7 м, ширина 10,4 м, осадка 4,7 м, скорость 12 узлов, принимал на борт до 300 пассажиров.

В 1914 году судно было интернировано и преобразовано в госпиталь под названием «Царица». С 1915 г. – плавучая казарма на

Теперь, уже успев состариться, вспомнил и захотел описать тот случай из далекого детства. Вдруг подумал о пароходе и его истории. А не «погуглить» ли мне на его счет? И вот удача! Нашел не только всю его биографию, но даже и в картинках! Судьбы кораблей, как и человеческие, бывают очень занимательными.

Балтийском флоте под названием «Чайка». После революции 1917 года захвачено немецкими войсками в Гельсингфорсе. Немцы ему вернули прежнее название «Регина» и использовали как штабной корабль, потом как базу для лоцманских катеров, потом, во время Второй Мировой войны, как транспорт. 4 мая 1945 года пароход захвачен британцами.

ИНТЕРВЕНЦИЯ (советский фильм трагикомедия 1967 год)

В 1946 году по репарации передан СССР. Был приписан к Одесскому порту под именем «Механик Заворно». От Черноморского пароходства ходил в Стамбул и Гибралтар. В конце 1940-х снова переименован в «Славянск», использовался на линиях «Одесса-Херсон» и «Одесса-Николаев».

В 1960 г. (через год после моего на нем путешествия) «Славянск» в Буго-Днепровско-Лиманском канале (БДЛК) протаранил

и утопил баржу с углем. Получил серьезные повреждения носовой части. Ремонтировать не стали, а поставили на прикол для последующей разборки до 1970 г. В 1967 году участвовал как пароход «Империя» в съемках фильма «Интервенция».

Я как и многие советские пионеры увлекался изготавлением моделей кораблей и самолётов. Всё-таки как-никак гены отца, инженера-конструктора и изобретателя, давали о себе знать.

В нашем кишинёвском дворе на улице Армянской располагался склад типографии, и всё время сновали грузовики, с грохотом загружая и разгружая рулоны газетной бумаги. Над воротами на железном флагже было написано: «Берегись автомобиля».

Мой отец там владел великолепной «недвижимостью», а именно, высоченным пятиметровой высоты сараем, бывшим гаражом грузовика. Ему, как изобретателю, полагалась мастерская, и он её для себя выбил. Дрова же, как главбуху министерства лесной промышленности, выделяли маме. Я не знаю, кто в те времена покупал дрова за свои деньги (наверно, и такие тоже были), но они чудесным образом возникали у всех, включая самых бедных. Вдоль стен и до потолка сарая, вызывая нешуточную зависть соседей, размещались стеллажи дров, больших брёвен самых разных пород. Иногда он из них что-то мастерил, но, большей частью, дрова шли в печку, на отопление нашей подвальной квартиры (в том же дворе, но со стороны улицы Подольской). Это кроме липы, ясения, дуба, бук, берёзы и других деловых пород. Те он тщательно высушивал и берёг.

Пилить и рубить дрова он очень любил. Обувь тоже чинил сам и всё время что-то мастерил из мебели. Этот труд, если не считать бега на работу и с работы, а также плавания в море по отпускам, был его спортом. Ещё он любил бороться с крепкими дворовыми парнями, брился опасной бритвой, а также, фыркая, обливался по утрам ледяющей водой. Несмотря на то, как все ветераны войны, курил зверские папиросы «Север» и «Беломор».

Я же склонялся к более изящному применению своих сил. Рисовал, лепил, вырезал из дерева и моделировал разное: от фигурок людей до «стреляющих» моделей пушек, стен и башен крепостей

с подъёмными мостами, парусников и катеров с резиномотором. Благо, что почти напротив ворот нашего двора был магазин «Пионер», где много хорошего продавалось в виде наборов деталей. Это развивало мою и без того бурную фантазию.

Нет, дрова рубить даже и я любил, так как результат труда был налицо, что важно. Вот пилить откровенно отлынивал – было долго, нудно и утомительно. Отец громко смеялся, звал моих друзей, Лёню и Колю, которые бодро хватались за пилу, приводил их мне в пример, но ничто не помогало... Этот вид труда мне так и не привился. Конечно, если надо было помочь папе, то помогал сколько нужно, но без охоты.

Об обычной двуручной пиле и ножовках упоминать нечего, а вот лучковых пил было несколько. Ими можно было пилить без напарника. Одна из них была знатная. Такую я видел только у него – большая, с широким полотном и двусторонними ажурными зубцами, похожими на кремлёвскую стену. Он всегда затачивал и разводил их сам. Эта пила даже и мне нравилась. Ещё у него был большой дубовый верстак со струбцинами и станки, которыми можно было делать всё, что захочешь. Была ещё сапожная лапка, колодка, дратва, загнутый молоток и всё остальное, что нужно для изготовления и ремонта обуви. Это дело он тоже любил. Также там была высоченная приставная лестница...

Вот тут о главном. Когда я поднимался на неё, у меня начинала кружиться голова. Всегда, когда это начиналось, вцеплялся в лестницу руками и ногами и пережидал, когда круговорть закончится. А что ещё оставалось, если надо было по делу залезть повыше? Голова моя начинала кружиться на краю крыши, нашего подвала, обрыве, высокой стенке или заборе и т.д. Вот в этом и суть рассказа.

Однажды я сделал модель планера из бальзовых реек и папиресной бумаги и приготовился его испытать. Одному скучно. Лёня и Коля согласились участвовать в деле.

Теперь маленькое отступление. Наша компания с раннего детства была лёгкой на подъём. Когда родители уходили на работу, они закрывали меня дома. Я там читал, но приятели оказывались тут как тут и выманивали друга во двор через форточку. Кроме шашек, футбола и войнушки, дела, как правило, придумывал я, остальное было вопросом техники. Так мы уходили гулять на Армянское кладбище, там было много красивых памятников и старые склепы, возвращались оттуда с кучей улиток. Или на рышкановский аэродром смотреть, как взлетают и садятся самолёты. Мы подбирались к самолётам как можно ближе, а когда они включали свои тарахтящие моторы, ветер почти сдувал нас, осыпая колючей пылью. Самолёты эти были «кукурузниками» По-2, одномоторными фанерными бипланами с двойной открытой кабиной. Это уже потом прозвище эстафетой приняли Ан-2. Сначала к самолёту подходил пилот во всём кожаном, поздоровавшись за руку, говорил с механиком, влезал по приставной лесенке в кабину. Потом показывал тому, вставшему перед мотором, поднятую руку, после чего механик с силой раскручивал винт. Мотор заводился, а отошедший механик давал отмашку флагом. Самолёт трясясь, пылил, потом, подпрыгивая на спущенных шинах, разгонялся по траве и медленно покачивая крыльями, взлетал... Это было здорово, но мы никогда не забывали уйти вовремя, чтобы успеть домой к приходу родителей. Отец Коли работал шофером грузовика и иногда катал нас с Лёней в кузове своего огромного ЗИСа. Важное поручение крутануть заводную ручку выполняли поочерёдно. Это было тоже похоже на запуск самолёта. Коля при этом занимал своё почётное место в кабине.

Ещё совсем рядом с нашим домом, метрах в ста, находился аэроклуб ДОСААФ, во дворе которого стояли учебный самолёт Як-18 и настоящий боевой истребитель Ла-7. Они нередко ревели моторами, а из расположенной чуть дальше воинской части,

как минимум, раз в две недели колонной выезжали танки, те самые победные тридцатьчетвёрки, которые, грохоча и сотрясая дом, прокатывали прямо по бульжной мостовой перед нашими подвальными окнами. Так что мы не скучали, пока мои родители думали, что я сижу дома и готовлю летние школьные задания. Ещё я по пять копеек за штуку покупал в военторге напротив ворот брошюры о разных героях и читал их запоем...

И так планер был готов. Отправить его в полёт мы решили, запустив с парашютной вышки в Кишинёвском ЦПКиО над Комсомольским озером. Идти надо было пешком, так как трамвай тряслось, и могли ненароком сломать модель. Целый час добирались до вышки, а потом стали подниматься по вертикальной лестнице с поручнями в виде обруча. Я с самолётом впереди, ниже меня Лёня и Коля. Я старался не смотреть вниз, а только вверх. Вдруг более чем с полпути замечаю, что долгожданная верхняя площадка закрыта на замок. Не учёл, что парашютная вышка в будни не работала. Посмотрел вниз на Лёню и почувствовал, как подло закружилась голова, и вышка начала валиться на меня... Имея уже горький опыт на лестнице в сарае, захватываю руки в замок, да ещё так, чтобы планер оказался зажат в пальцах за пределами поручня. Если бы я его сломал, то позора не оберёшься... Старался думать только о нём. Так меня и отпустило... А Лёня толкает меня снизу, мол, чего это я застярл. Я даже нарочно посмотрел вниз на него и спокойно говорю: «Там замок, как быть?» Решили, что высота это не суть важно, а главное – запустить модель. Кроме меня этого никто правильно не сделает... Перехватил правой рукой опорное кольцо лестницы понадёжней, а левой (я до сих пор бросаю только левой) плавно по прямой, чтобы дать правильный ход модели, и обязательно против ветра, подтолкнул планер... Тот качнулся, подхватил поток и медленно, чуть наклонившись книзу, начал набирать скорость. Задрал чуть нос, потом снова начал

планировать... волнообразно. Про головокружение я забыл. Все мы закричали во весь голос своё «Ура-а-а...» Модель отлетела от нас метров на двадцать. Хоть она и называлась ПБК (пролетит больше километра), но боковой порыв ветра неожиданно сбил планы. Неуклюже качнувшись, планер, набрал скорость, спикировал и, свалившись в штопор, упал в озеро, где сразу превратился в кучку мусора из реек, от которого по воде быстро разбежались и успокоились круги.

Событие могло стать печальным, если бы не было таким захватывающим. Наш планер все-таки летал и красиво упал, как подбитый Мессершмитт... Зрелище нам понравилось настолько, что мы под впечатлением быстро и легко спустились с вышки, бегло глянули на то, что не подлежало восстановлению, и пошли домой. День был прожит не зря. Особенно я был горд собой, но никому об этом не сообщил. Я же сегодня героически победил своего заклятого внутреннего врага – головокружение. Оно ещё пару-тройку раз возвращалось ко мне, но всё слабее и слабее. Эффективные инструменты борьбы с ним были найдены.

А ещё о моих моделях катеров и парусников. Они какое-то время стояли на полке в сарае. Когда же надоедали, то их постигала участь злополучного планера, но уже преднамеренно и эффектно. Их пускали плавать в подготовленную лужу из широкого оставшегося после ремонта цементного жёлоба, а потом по ним стреляли из пушек, сделанных из патронных гильз, как настоящие. Пушки были на маленьких фанерных лафетах с колёсами из распиленных катушек от ниток, насаженных на круглый карандаш. Они заряжались серой от спичек. Выстрел производился раскалённой на свечке разогнутой скрепкой, которая подносилась к маленькому

Футбол в нашем дворе. Воротами служит наш сарай, тот самый, с верстаком, инструментами и дровами. Очкарик в длинных клёшах – это я.

отверстию у донца гильзы, и горящие пробки, политые бензином и подожжённые, летели в цель, а сами пушки при этом откатывали назад по инерции, тормозя на цепочках. Если корабли от попаданий загорались, то это было похоже на маленькое морское сражение...

Почему с такой фантазией не стал конструктором, как отец?

А почему он, обладая способностями к рисованию, не стал художником?

Так-то... Наверно всё-таки технику и математику он больше любил, в отличие от меня. Вот так и пришлось заполнить недостающую нишу.

Ну и разговорился же я! Главное, о чём хотел рассказать, так не об этом всём, а о личной победе над своим страхом высоты. С тех пор он покинул меня навсегда.

Приключения бумажного солдата

Один солдат на свете жил
Красивый и отважный,
Но он игрушкой детской был,
Ведь был солдат бумажный...

Булат ОКУЛЖАВА

В

Советской Армии служил художником и начальником клуба строительного батальона — без оружия, в чине рядового, но на руководящей офицерской должности. По службе подчинялся только майору — замполит части. Море плакатов, лозунгов, писаницы, отчётов, а также материальной и прочей ответственности. Так как приходилось руководить (не по чину), было и много зависти как со стороны рядовых солдат, так и со стороны начальства всех уровней и, как следствие, широкий набор всяческих, в основном, незаслуженных наказаний.

В моём подчинении был один незаменимый боец (не заменим никем другим, кроме меня): водитель автофургона, почтальон, библиотекарь, киномеханик и универсальный помощник. Всё это в одном лице. Из перечисленного я только автомобиль не водил, а зато он не рисовал. В этом паритет. Хотя и случалось мне лепить и отливать рельефы Ленина, строить сруб-времянку и клуб, всё же могу со всей чистой совестью определить себя в «бумажные» солдаты.

В декабре 1968 года, после двух отсрочек по учебе, с утвержденным диагнозом язвы двенадцатиперстной кишки (после месяца проверок от военкомата с полной госпитализацией) с третьего курса художественного училища я был призван в Советскую Армию в строительные войска. Врачи строжайше запретили мне все кислое, острое, жаренное и, конечно же, алкоголь! Не дай бог ни одного яблочка или лимона!

За день до отправки я понял, что у меня есть только один друг. Лишь один он, сокурсник Дмитрий, позвал меня отметить событие. Остальные вымерли, словно мамонты или гигантские рептилии, хотя всем было все известно.

Дмитрий сделал «халтуру» медикам, и те, благодарные, расплатились с ним двухлитровой бутылью чистого медицинского спирта! Вот тут я понял, что такое настоящий друг...

Присоединилась закуска, что-то в томате... Музычка из скрипучего транзистора тоже создала обстановку. В общем, все чин-чинарам! За разговорами, в основном, об искусстве посидели красиво. Наконец взгляд упал на бутыль, которая сначала была полной, а теперь почти на треть убавила содержимое! Поняв, что надо «закругляться», я собрался встать, но не тут-то было! Горячая волна ударила в голову, и оказавшись на полу, я осознал, что «ничто на земле не проходит бесследно...» «Встань и иди!» — сказал мне мой внутренний голос. И я встал, и я пошел... По дороге встретил сокурсницу, красавицу Таню, хотел поздороваться, пообщаться, но не смог — что-то случилось с челюстью...

До дома около трех километров, как ни странно, дошел своим ходом и даже почти пропривел. Упал на кровать и уснул мгновенно. Наутро голова была свежей! Вот что такое чистый медицинский! Это была моя первая встреча с ним. Я был легко-мыслен, но судьба меня берегла.

А наутро военкомат. Провожали только родители. Все вокруг в ушанках, ватниках и сапогах, заранее коротко подстрижены. Оказался среди немногих цивильных городских, в новом зеленом пальтишке, модных строгих брюках и остроносых полусапожках (все равно, когда вернусь, уже не понадобится). Плюс ко всему длинноволосый, под «Битлз», и очкарик. Только старая ушанка как-то роднила меня с прочими. Ни пижиковую же шапку надевать! В руке — чемодан куриных зажаренных окорочков и там же папка с рисовальной бумагой, резинки, карандаши. Моя идише-мама знала толк в том, что вкусно и удобно в дороге. А ехать предстояло в Казахстан, девять суток... Об этом никто никого не предупреждал: страшный военный секрет, где окажутся новобранцы-строители из Кишинева?!

Поехали! Поезд был нормальный пассажирский, отапливался хорошо. Наши «покупатели» все продумали. В предпоследнем купе разместили меня, и тут же я начал рисовать всех соседей и все, что мелькало за окном. Лейтенант взял это на заметку, и дальнейшая моя судьба была решена, а пока ко мне выстраивалась очередь из желающих портретироваться.

Однажды в проходе встали два крепких парня, и я сразу же их узнал. Это были грозные хулиганские «короли» нашей ули-

цы, соседи по дому, Гриша по кличке Робинзон и его друг Коля. А почему ты нас не нарисуешь, Аркашка? Да я и не знал, что вы здесь! В соседнем купе третьим был тоже городской, цыганского вида Димка, красавчик-гитарист с хорошим, но «хрипло-бледным» голосом. Его гитара всегда была наготове, а цыганские песни, разумеется, тоже. Это и была его плата за участие. Позже я узнал, что он никогда за себя не платит. На «гражданке» он писал ленты на кладбище. Парень не с двойным, а с тройным дном... Быстро избавились от четвертого — наивного сельского парнишки. Он пошел на мое место, а я занял его.

Так я оказался в теплой, но совсем не простой компании. Гриша вынул бутылку водки.

— Чем отвечать будешь?

Я медленно и демонстративно открыл чемодан с окорочками под восторженные крики: «Наш!» Гриша показал свой, полный водки! Теперь дружба навеки!

Дальше водка, рисунки, водка и снова водка под окорочки, гречку и картофельное пюре, поджаренное на комбижире. Язва сначала заметно давала о себе знать, потом все меньше, а потом я и забыл о ней вовссе. И это в таком же случае, когда многих других комиссовали через полгода инвалидами. Они пытались выполнять в армии инструкции врачей!

С полпути закончились все наши запасы, но деньги еще оставались. На станциях мы бросали их в окно мальчишкам, и те

честно возвращались с водкой и закусоном в виде консервов. Так всю дорогу. Ставили поезд всегда на каких-то задворках.

Теперь считаю долгом вспомнить, что на курсе я был одним из лучших по истории искусств и увлекался, кроме всего, философией, вследствие чего мог много интересного рассказать. Гриша тоже много читал и имел свои философские взгляды. Колян же в позе Онегина «хранил молчанье в важном споре», Димка сосредоточенно пощипывал гитару и в паузах начинал петь... Так что гармония была.

Так мы и приехали в Казахстан, в город Балхаш. Дальше уже неинтересно. Всех постригли под машинку, одинаково одели, и начался у нас курс молодого бойца, по окончанию которого я поступил в распоряжение замполита части и на офицерскую должность начальника клуба в гордом звании рядового. Работал часто ночами, когда товарищи офицеры посвящали себя семьям. Выпивать с друзьями стало еще удобнее. Алкоголиком не стал, но в условиях дикой пустыни, при полном отсутствии медицинской помощи, научился и небезуспешно лечить себя спиртом.

Язва еще пару-тройку раз напоминала о себе, потом ей надоело, и она покинула мой непослушный организм. Я вдобавок занялся гилями... Больше мы с ней не знались.

Вот три снимка того времени: один до армии, второй во время курса молодого бойца, третий при должности.

Декабрь 1968

В нашей части неуставные отношения довольно сильно поприжали. Командир был бывший фронтовик, сын полка, серьезный мужчина — настоящий полковник! Его боялись и уважали.

Была, конечно, и дедовщина. Нет, уже не та, когда «присягу» по заднице пряжкой... Это осталось только в рассказах «стариков», а их над нами было аж два комплекта: призывы второго и третьего лет службы 1947 и 1948 годов рождения. А я из-за отсрочек призывался не своим годом. Старослужащие были из Запорожья, Узбекистана, Таджикистана и Туркмении. Наши же из Молдавии и Азербайджана.

«Наезжали», в основном, по национальным мотивам. Туркмены избили двух молдаван, да так, что тех комиссовали... Запорожцы тоже вели себя очень нагло. Здоровенные быки, и держались кучей. Однажды один из них наступал мне по голове кулаком в банной раздевалке со словами: «Когда хохол родился, еврей сдох!» под смех его товарищей. Я его с тех пор до самого дембеля отлучил от библиотеки и спорта, то есть, на все полгода. «Еврей для тебя сдох. Забудь меня и все, что со мной связано». Получить что-то без росписи в моем журнале было невозможно, зайти в спортзал и выйти тоже. Если кто пытался наглеть, имел дело с майором, а субординацию они уважали. Ведь всю службу они изо всех сил, продавая друг друга, «тянули на лычку». Я сказал просто: «Так я хочу! Этот ничего не получит!» Мы разобрались с майором, и он со мной согласился. Замполит не

любил грязных инцидентов на национальной почве. Что он тому сказал, не знаю, но на этом и затихло. Всем другим я разрисовал дембельские альбомы, кроме этого мерзавца. За то, а, может, и не только немного зауважали и меня. Гриша Робинзон мне отдал пятерых таких быковатых гигантов... Я видел их на земле. Правда, и ему заметно перепало... Мне он сразу крикнул: «Это моя разборка! Не лезь!» Этот невысокий паренек обладал колossalной силой и мастерством уличного бойца. Я уже упоминал, что он был одним из «королей» нашей улицы и прилежащих к ней. Молдаване в массе неплохие бойцы. Но им доставалось из-за слишком большого индивидуализма. Кавказцы — те всегда стояли друг за друга стеной. Самые упрямые из них устанавливали для себя отдельный порядок и тех какое-то время проверяли «на вшивость», но, в конце концов, оставляли в покое. Многие из них были пастухами с гор, а этот народ особо упертый.

Теперь оставим в стороне это маленько отступление на тему «Чей кунг-фу лучше» и вернемся «к нашим баранам». Я получил место для работы в кабинете замполита. Ночью сидел там один. Робинзона и Колю забрали в учебку, так что тыла я лишился. Восточные на меня косились, но как-то все пока обходилось. Это было немного похоже на игру аквалангиста с акулами. Должен заметить, что мои начитанность и интеллигентность — не самое крутое оружие в борьбе с мировым жлобством... Время службы шло потихоньку, а в чью пользу оно работало, того никто не знал.

Чтобы не видели, где я нахожусь и что делаю, я вставил в окна кабинета майора фанерные щиты точно под размер каждого окна. Под дверью полоска искусственного меха, замочная скважина закрывалась поворотной заслонкой. Даже щелка света за них не проскальзывала. Чтобы понять, что я там, нужно было видеть, как я туда вхожу. Знал об этом обычно только дневальный. Утром щиты я прятал в свою маленькую кладовку там же. Майору кладовка вообще не нужна. Что ему там держать? А у меня мелочей много. Объяснил, что так лучше, чтоб не мешали ночами.

А был у нас в роте здоровенный сибиряк И. Старше нас всех. Похоже, что его спрятал в армию знакомый военком, чтобы сохранить ему жизнь. Видимо, были у него нескучные истории на «гражданке». Прозвище у него было Боцман. Уважение и страх перед ним были даже у начальства. Ложился спать и вставал он, когда хотел. На вечерней поверке старшина иногда спрашивал:

- А кто там на койке лежит?
 - Боцман! — отвечали ему.
 - Ну х... с ним, не тревожьте, пусть лежит...
- Однажды, работая, я услышал негромкий стук в дверь.
- Кто там?
 - Боцман, — ответил хрипловатый бас.
 - Заходи.
 - Я не надолго. У тебя зашифрировать можно?
 - А я тебе не помешаю?

Заулыбался. Он был не без юмора. Чифирь — пачка чая на кружку кипятка. Чай у него был свой, с иероглифами.

- Чем тут занимаешься?
- Да так, бумагу порчу. Разве не видишь?
- Расскажи что-нибудь.
- А что тебя интересует?
- О себе расскажи.

Таким людям врать нельзя, и я начал рассказывать правду, ну, конечно же, с отбором... Ему было интересно. Он не скучал. Видно, это далеко не было похоже на его сибирские «одиссеи».

Он стал заходить все чаще, за чифирём пошли «косяки». Однажды при таком визите он увидел, как я вырезал для Димки-гитариста из костяного бильярдного шара трубку-мундштук в виде головы короля.

Теперь сделаю отступление от темы. Наша часть располагалась в степи примерно в километре от городского аэропорта, от здания которого к ней через степь вела только одна прямая и узкая тропинка. Приезжая в автобусе из увольнения, все шли по этой тропинке и только по ней. Однажды я возвращался ночью и вижу, что поперек тропинки расположился большой «восточный базар», человек двадцать, не меньше. Среди них заметил фигуру моего единственного подчиненного М., шоferа, почтальона и прочая и прочая... Когда я приблизился, он про-

бился ко мне и шепнул: «Увидишь брешь, беги! Они хотят тебя бить, я пытаюсь отговорить их». Агрессивный вид компании не оставлял сомнений. Я поступил согласно инструкции. Побежал вовремя и изо всех сил. Шакалы, почувствовав, что добыча уходит, рванули за мной, но нерасторопность их мышления дала мне фору. Я никогда так быстро не одолевал двухсотметровку. Увидел строй, выровнял дыхание, четко подошел, доложил и тут же юрк в свой кабинет! Через пять минут начали колотить в двери и окна, но повредить кабинет майора (казарма щитовая, не каменная) явно боялись. Потом все стихло. Прошло еще около пяти минут, как постучал Боцман. Я открыл, впустил его и закрыл дверь на ключ. Он зашел. Сел, скрутил косяк...

Вдруг снова грохот со всех сторон! Они явно осмелели. Дверь трещала!

— Что это? — спросил Боцман.
Я кратко изложил обстановку.
— Так, делай, как я скажу...

Я прижался бедром к двери, снизу подставил сапог. Медленно и беззвучно повернул ключ. Теперь, когда в очередной раз бросились на дверь, резко отпрыгнул в сторону. Дверь распахнулась. Парень пулей влетел и, как на бульдозер, наткнулся на железный кулак Боцмана. Эффект был сильный — он с той же скоростью сменил направление полета на возвратное и, с маxу влепившись в стену коридора, опустился на пол. Следующий

в точности повторил его маневр. Боцман вышел и стал как каменный:

— Тронете его — будете иметь дело со мной! — голос его звучал ровно и негромко.

После этого эпизода я проникся к нему теплым чувством.

Возвратимся к рассказанному выше. Дело в том, что, изготавливая из сегментов старых костяных бильярдных шаров серийных «ильичей» замполиту, я, в виде отходов, получал для себя удобные кубики, из которых вырезал эксклюзивные мундштуки в виде змеи, головы орла, льва или гепарда, шута или короля. Это был мой побочный заработок. Еще значки-самолетики из алюминия делал для соседей-летчиков.

— А сделай и мне трубку, но не мундштук, а настоящую, — попросил меня И.
— Ты же видел, я особенные делаю. Что бы ты хотел?
— А смог бы ты сделать мне трубку с моей мордой? Я курю трубку, а трубка — тоже я! Здорово?
— Не вижу трудности! Будет тебе трубка с твоим лицом!

А лицо его не было слишком сложным для художника. Высокий лоб с залысинами по бокам, сухие виски. Глубоко под бровями глаза с мешочками, куда прячутся верхние веки, седловидный нос картошкой, длинная верхняя губа и треугольный подбородок, смотрящий вниз. Нижняя губа, как у маршала Жукова, властно поджимает верхнюю.

Пошел я по дровяным складам, нашел твердое маленькое бревнышко с отходящей от него веткой, срезал со стороны бревна и со стороны ветки. Потом пошел в кузницу и раскаленными прутами прожег два отверстия: одно в бревне больше половины, другое в ветке, навстречу ему, сквозное. Получилась форма, похожая на маленькую садовую лейку. Подобрал в военторге длинный выгнутый мундштук и пристроил его со стороны ветки. Так получилась заготовка. Дальше дело техники. Внутри расчистил, отшлифовал, снаружи вырезал физиономию. Когда отполировал и покрыл лаком, вид был... специфический. Теперь предстояло прокурить ее хорошим табаком. Боцман был счастлив. После этого мы с ним окончательно сдружились. Я перешел спать на ту же двухъярусную койку, что и он, но верхним этажом, а он подо мной и, как оказалось позже, не напрасно...

Тем временем, наши таджики и узбеки готовились к дембелю. Я даже разрисовывал им дембельские альбомы. Содержанию этих альбомов можно посвятить отдельную сказку Шехерезады. Был однако среди них один сержант по имени Калош. Этот придурок все личное время маршировал парадным шагом в проходе между коек вдоль казармы в новых яловых сапогах и мундире, украшенном всеми медалями и значками, которые мог найти. Среди них даже был орден «Мать-героиня»! Где только он его нарыл?..

Все, особенно запорожцы, стоя у коек, смотрели и получали удовольствие. Несмотря на разницу, что-то между ними общее было все ж.

Так вот, почему вдруг я его упомянул. Однажды утром, когда я застилал свою койку, в просвете между кроватями появилась его круглая, но плоская, как тарелка, морда со злющими глазками-щелочками:

— Эээ, сяляга, кончай тут! Мене стелит иди!

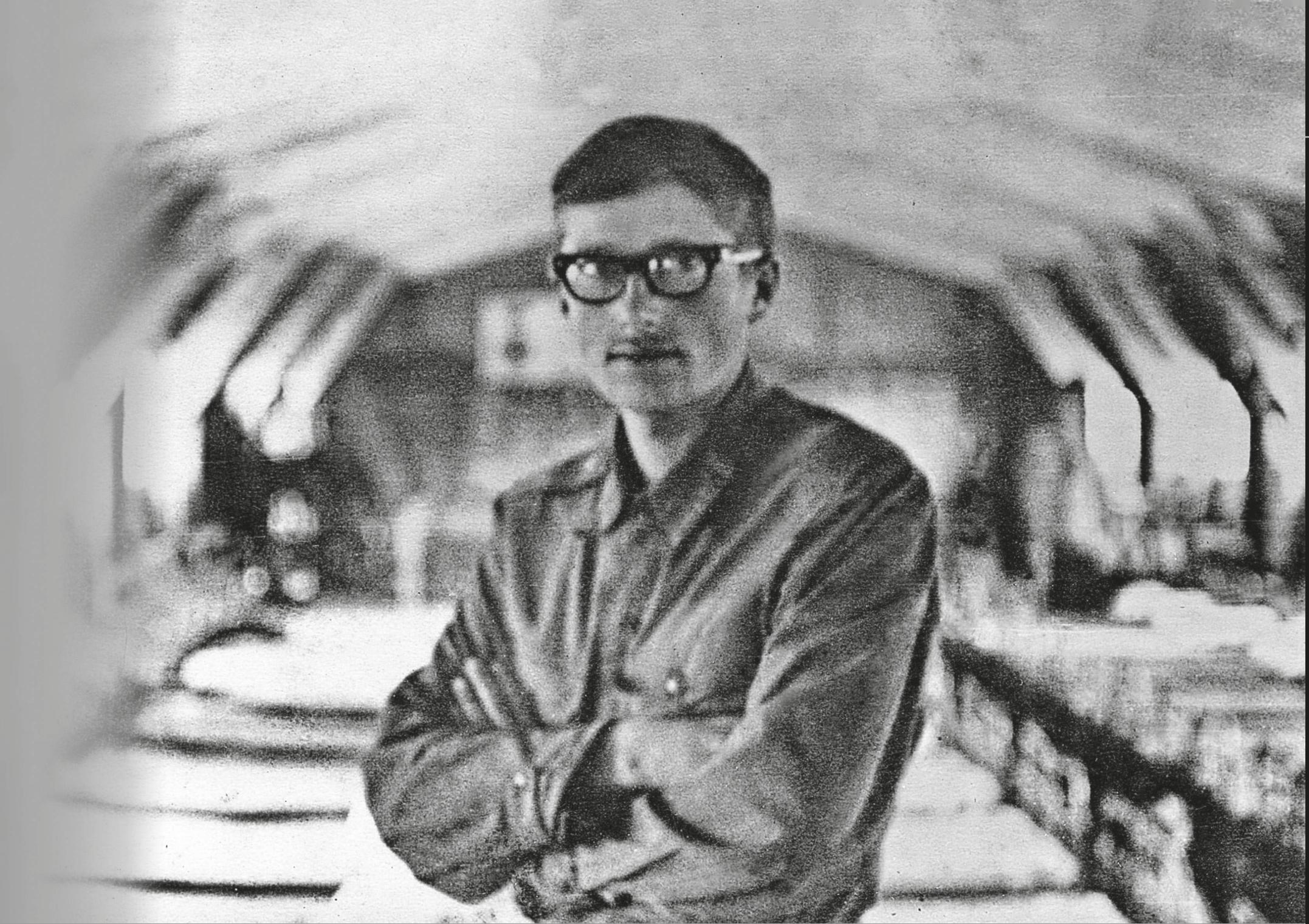
— Бог подаст! — спокойно ответил я.

Калош что-то дико заорал по-ихнему... Сбежалась вся «орда»! Хорошо, что между кроватями может поместиться только одна морда. В нее то и полетел сапог Боцмана! Хорошо полетел, точно! На дембель Калош ушел с фингалом. Второй сапог моего друга тоже нашел цель... При этом Боцман даже не оторвал головы от подушки. Больше за всю службу меня никто не пытался тронуть.

Судьба же И. потом была совсем не простой. Сначала до него добрались прежние «заклятые друзья». Они набросились на него, когда тот стоял на посту, охраняя склад.

Воспользовавшись топором с пожарного щита, он отбился, кого-то ранил, самого зацепили... Несмотря на поиски всей частью ночью по степи, им все же удалось скрыться. А вот перед самым дембелем его и еще одного посадили за кражу двух автоматов из соседней дивизии. Ну никак нельзя было ему ехать домой без оружия!

На этом все. С тех пор я о нем никогда больше не слышал.

Клянусь! Скоро завершу свой детективный армейский сериал.

Не думайте, что армия для меня была чуть ли не главным впечатлением всей жизни. Это совсем не так и далеко не так.

Полный курс психологии я как раз перед армией сдал «на отлично», и служба в должности начальника клуба натолкнула меня на мысль о реальной возможности проверить правильность приобретенных знаний на практике. Это был настоящий «психологический полигон», что одновременно и развлекало, давая повод для сопоставлений и даже философских размышлений. Два года не должны быть просто вырваны из жизни. Смысл можно найти во всем.

Но не беспокойтесь, этим я никого «грузить» не собираюсь, тем более, что дневник, который я вел на эти темы, однажды был сожжен моими же собственными руками.

Кроме рутинной оформительской работы, лежал на моей ответственности еще контроль над художественной самодеятельностью и спортом, а это означало знание личных способностей плюс возможностей применения их у почти каждого из около семисот человек личного состава. Замполит постоянно донимал меня расспросами. Я должен был, несмотря на затворничество в мастерской или его кабинете, докладывать ему о разных талантливых и способных людях и о продвижении своей работы с ними. Поначалу сопротивлялся, оправдываясь загрузкой, но в итоге пришлось сдаться под напором колossalной нудности

этого «хищного политикана», благо, что, в принципе, ничто не создавало мне моральных проблем, а даже наоборот, давало определенную долю свободы от его бдительного взгляда, снижало его контроль над моими перемещениями. При каждом удобном случае у меня был повод покинуть рабочее место. Приходилось общаться с солдатами на объектах и в казармах, хотя вели полит и прочие занятия другие люди. По рангу мне, рядовому, этого и не полагалось. Потому, почти как те тюремные «подсадные утки», я незаметно, начиная издалека, собирая обо всех информацию, с одной только разницей, что это никому не приносило вреда, а часто и пользу. Записывалось лишь то, что непосредственно касалось моей работы в клубе. Кто-то мог научить танцевать, и надо было найти ему желающих заниматься в кружке, кто-то мечтал научиться играть на гитаре или аккордеоне, освоить музыкальную грамоту, а кто-то хотел петь в хоре, кто-то, как я, хотел заниматься гиревым спортом, а кому-то нужна была акробатика.

Поехали! Начинаю рассказывать.

Появился у меня друг Володя Т., новоприбывший из Краснодара, настоящий интеллектуал с феноменальной памятью, шутник и к тому же поэт, альпинист, да еще этот парень отлично владел айкидо и боевым самбо. Он тут же стал обучать единоборствам желающих. Его быстро определили комсомольским секретарем части, и организаторские способности, которые он имел в избытке, тут же проявили себя. Он снял с меня организацию

ЮРЬМУ ЛУЧШЕ!

(странные армейские истории)

соревнований, праздников и концертов. Кроме всего, он имел настоящий чиновничий дар, умело аргументируя, приписывать себе все удачи и достижения других. Он тут же стал участником всех наших вечерних попоек. Даже со сна этот человек осторожно шутил. Ему выделили стол в кабинете замполита. Володя часто читал мне свои стихи. Они были действительно хороши. Почему-то поэты всегда читают мне свои стихи, хотя я при них никогда никого не цитировал, ничего не писал, да и своего, тем более, не читал... Шутил разве что экспромтом. У меня в голове всегда было полно тем, но сам процесс писания меня до сих пор угнетает. Даже заполнять документы заставлял себя, как тот барон Мюнхгаузен, за косичку. Видать чувствительный народ эти поэты... Итак, мы с ним стали большими друзьями. В дружбе он тоже был предельно внимателен и честен. О таком друге можно только мечтать. Столько талантов, да еще к тому же умение жить без конфликтов — это настоящая редкость.

Разумеется, в том призывае был не только Володя. Были другие краснодарцы, поволжские немцы. Были казаки-кубанцы. Примерно через месяц привезли горцев с Кавказа. Я тогда еще иногда спал в общей казарме...

Однажды ночью меня расталкивает один из «молодых», некто Ят. Маленький крепкий кучерявый кавказец с густыми сросшимися бровями и глазами-угольками. Так в кино часто изображают сицилийских мафиозо.

- Началнык, не спы, во шо хачу сказат...
- Пошел к черту! Тебе уже дня мало?
- Слушай, началнык...
- Ну, давай по-быстро!
- У мой отэц много-много дэнэг ест...
- Ну. И что мне с этого?
- Дэлай мена комсорт!
- Все, парнишка! Поезд ушел. Место занято! Не морочь голову, дай спать!
- Эээ! Зачем так скажешь?..
- Ну что непонятного? Для чего тебе это?
- Нэ могуу работат, нэ-мо-гууу!

Пришлось еще долго объяснять ему что к чему, что быть комсортом непросто, что это работа, но не уверен, что он хоть что-то понял. Я иногда делал людям протекции, если знал, что человек меня не подведет. Так я помог стать бригадирами Робинзону и Коле. Их бригады стали лучшими в части.

За рутиной этот случай я успел позабыть. Прошло несколько месяцев, как этот Ят ушел в самоволку, а вернулся только через неделю. Ему сделали собрание, посадили на гауптвахту. В части готовился суд. Я пришел к нему.

- Зачем ты это сделал?
- Шайтан! Нэ могууу! — лицо его изобразило страдания святого Себастьяна.

Памятуя о том, что наш призыв вообще первые полгода не отпускали в увольнение, и как это было тяжело пережить, я поговорил с майором. Сказал ему, что эти вольные дети гор вообще не способны жить взаперти. Может, не будете наказывать его слишком строго? Тот, видимо подумал, посовещался с командиром части. Итогом был месяц гауптвахты. С гауптвахты парень тоже сбежал...

Его арестовали через время во Фрунзе. Он даже форму не переодел! Судил трибунал. Дали несколько месяцев дисбата. Он сбежал сразу после суда.

Опять поймали. Когда он сидел под охраной, я увидел его довольное лицо.

— Ты чего такой довольный? — спросил я его.

— Тэпэр нэ дысбат. Нэ хочу дысбат. Турма! — он скрестил пальцы рук решеткой — Турму лучше!

Не только русская душа бывает загадочной...

Другой был настоящим красавцем. Когда он раздевался, то не привлечь к себе внимание не мог. Среди восточных много красивых мужчин, но это было что-то особенное. Признавали все. Смуглый. На теле ни волоса, гладкие литые мышцы прекрасных пропорций, сухие, как экорше. Ряды четких кубиков на животе! В спортзале я показал его кому-то:

— Смотри на это чудо!

— А ты вызови его побороться, — парень ухмыльнулся.

— Да он же меня вмиг заломает!

— А ты попробуй.

Я снял очки, гимнастерку, подошел к нему и предложил. Я был очень худой, а мышцы? Еще долго искать надо те мышцы. Стали в стойку. Один захват, другой... Прижал... От веса его чуть не надорвался. Удивлению моему нет предела — этот «атлант» заваливается и плавно ложится на лопатки! Борец я никакой, но этот что ж? Я даже подсечку не успел сделать! Что же это за мышцы такие? Форма есть, а силы нет? Я так и не понял, что с ним такое. Или это психика такая? Или он...

Да ладно. Этот случай только для характеристики человека не более. Главный рассказ с этим никак не связан.

То, что в СССР секса не было, не знает лишь папуас. Но более того, не было и проституции, то есть, совсем, то есть, никак вообще не было. А кто же те синюшные бабы и девки с фингалами, которые приходили к колючему забору части? Ан нет! Не было их! Никого никак не было!

Так случилась у нас настоящая диверсия! Вдруг наш «атлант», изловчившись, принес в нашу часть настоящий грозный и ужасный... си-фи-лис! Откуда? От какой б... — этого никто не знает, но только стал он после того очень гордым.

«Коновал» (не знаю, где и за сколько баранов он купил диплом врача) лечил от всего разноцветными таблетками из ящика

ТЮРЬМУ ЛУЧШЕ!

(странные армейские истории)

своего стола, говоря: «Кушай пожалиста, кака-нибудь поможет!» Он провел во всех ротах лекции о том, как избежать подлого и опасного заражения. Особенно запала фраза о том, как надо «положить женшинэ руку ниже пух и под руку стукнут... вот так!» Если вскрикнет, значит, больная. Хорошо, что нашего красавца лечил не он, а нормальные профессионалы в Алма-Атинском вендинспансере.

Так почему наш «атлант» был таким гордым? А вот почему. Во-первых, ему в части выделили отдельную комнату, даже с занавесками на окне! Во-вторых, одели во все новое и чистое: мундир и хромовые сапоги! Как он в них эффектно вышагивал! В-третьих, отлучили от работы! В-четвертых, дважды в неделю возили в столицу округа! Комиссовать его с вражеским диагнозом не решались, а значит, только лечить и до дембеля обязательно вылечить! Вот по-настоящему «царские» привилегии, и ему было чем гордиться!

А местную сутенершу кубанцы поймали и насильно побрили наголо... Казаки... Шо с них возьмешь? Академиев не проходили!..

А как бегали за водкой? Это отдельная витиеватая тема!

Наш гарнизон назывался Гвардейский. Станция Отар и однотипный поселок. Я знал лишь магазин и как туда бегать. Население поселка, во многом, составляли бывшие ээки, ссыльные и их потомки. Национальный состав разношерстный. Много было и казаков. Их дома отличались высокими двухметровыми забо-

рами. Калитки без ручек. Лавочек нет. Общались оригинально. Хозяин выходил из дома и садился под забор на корточки. От соседей выходил второй и садился рядом. Так третий, четвертый, пятый... Идешь ночью, а вдруг фонарь качнется и высветит такого под забором... Жуть! Но не было случая, чтобы наших трогали. Сидят, молчат... Не замечал я, чтобы они и между собой разговаривали. Спросишь: «А правильно я иду к магазину?» Махнет рукой в направлении — и все на этом. Планировка прямоугольная, что тот Манхэттен. Улицы прямые. Увидел впереди свет фар поворачивающей машины, прыгай через забор и затаись! Так бывали и встречи с собакой. Ты на нее смотришь, а она на тебя. Так и стоим, а руки осторожно нащупывают верх забора. Она, как правило, не лает. Просто тихо порыкивает, выпускать тебя не хочет. Когда обе руки ухватились, мгновенно подпрыгиваешь, подтягиваешься с переворотом, и ты уже на улице! Вот тут получи всеобщий лай всех собак района, но патруль-то уже проехал... Хуже встретиться с хозяином. Надо еще суметь убедить его, что ты не вор. А это получится не сразу. Народ там простой... Продавщицы никого не сдавали — это ж их хлеб! Я и все мои друзья бегали так по очереди. Днем отбегали сначала в сторону от дороги. Если видели машину, ложились за кочку. Потом выпускали брюки из сапог, панаму превращали в подобие кепки. Издалека — гражданский, да и только. А в остальном так же, как и ночью. Один раз мы вместе с Володькой попали за подобные подвиги на гауптвахту. Ночь отсидели, а наутро майор лично

вытащил — все-таки комсорг с начальника на пару попались... Без серьезной взбучки, конечно, не обошлось, но мы ему нужны! Благо, нас взял патруль не с водкой в руках.

Часть наша стояла не в гарнизоне, а в пяти километрах от него, а столовая — в гарнизоне. Пешком час туда, час обратно. Пом-ножь на три раза в день! Не скажу о строителях, которых грузовиками развозили по объектам и оттуда, и начальство на джипах.

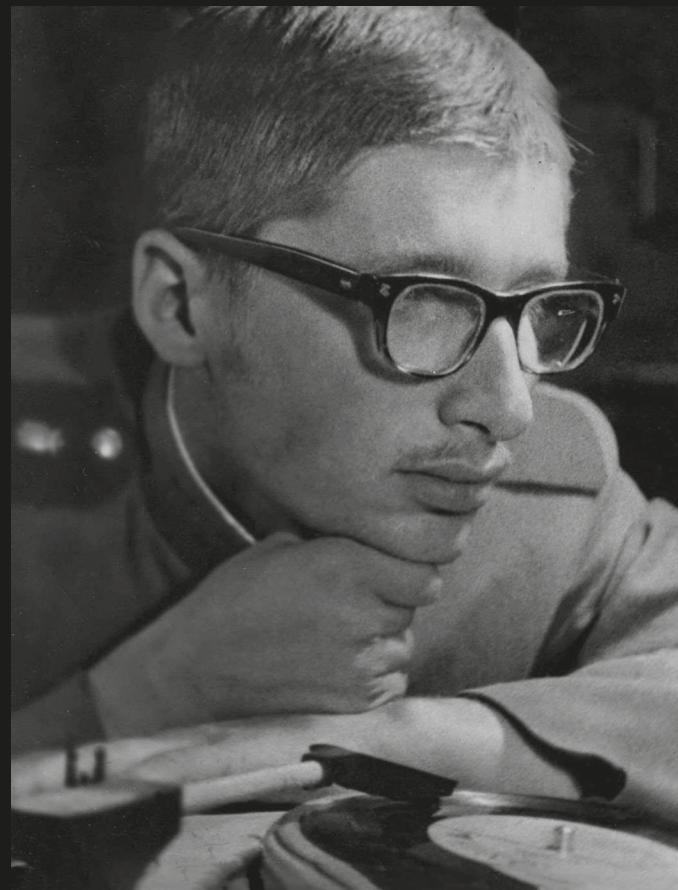
Чтобы ускорить процесс, мы пользовались попутками, а те, тоже солдаты, останавливаться не хотели.

Как же попасть в кузов на ходу? Хорошо, что дорога вдребезги, а на выходе из части — канава через нее. Грузовики притормаживали. Сначала кузов опускался, а потом, на выезде из канавы, поднимался. Вот и надо было ловить момент, когда он пониже. Прыгаешь на дорогу так, чтобы оказаться в центре позади машины. Нога на крюк, а руки на ширине плеч на борт одновременно! Отталкиваешься от крюка. Вторая нога, в тот же момент, оторвавшись от земли, шагает между расставленных рук,

которые остаются прямыми. Кузов поднимается — ты в нем! Силы не надо. Только точность и ловкость. Маленькая ошибка — и окажешься на земле, а сзади другие едут... На все про все три секунды. Такую вот каскадерскую технику мы отработали. Никто ни разу не сорвался. Так и катались. Разумеется, не все. Боязливые тащились пешком.

Для сравнения напомню. Все знают, что на перекрестках со сложным и плотным движением аварий меньше, чем на тихих и, казалось бы, спокойных. Закон психологии!

Вот такие и военные строители! В ураган лазают по скользким стропилам, с хлипких лесов не падают, и никаких вам шлемов и касок! Панама и роба лучше доспехов. Собранность и решительность плюс изрядная доля вынужденного нахальства — страшные силы! Чем меньше выбор, тем ты сильней. Нам даже оружие не доверяют! А то говоришь, десантники! Шучу, конечно, но в каждой шутке...

В армии я был начальником клуба в звании рядового, как уже упоминалось ранее. Главным и прямым начальником надо мной был замполит майор Б., отношения с которым всех, включая командира части, напоминали интриги мадридского двора. Его никто не любил, но все, офицеры, старшины и сержанты, крепко побаивались. Он никогда не повышал в звании своих подчиненных. Я, разумеется, не стал исключением, хотя, в остальном, общая нелюбовь к нему краем задевала и меня.

Работал я много как днем, так и ночами вдали от коллектива в кабинете майора или в отдельной мастерской. Если нужна была помощь, приказывал от его имени старшинам. Например, во время строительства летнего клуба я после вечерней поверки несколько раз подряд привлекал взвод солдат. Они копали ямы и ставили столбы, а днем мы с единственным моим подчиненным, киномехаником, шофером, почтальоном и библиотекарем в одном лице, прибивали к столbam доски. Это очень задевало старшинское самолюбие, а я расплачивался внеочередными, как правило, незаслуженными нарядами на уборку или кухню. Они, глупые, даже не подозревали, что еще до армии я приучил себя спать не более шести часов в сутки, так как учился всерьез, а повар на кухне, звали его Казбек, был моим другом. Моя худоба его очень беспокоила. Он не позволял мне работать, а брался откармливать под мои интересные рассказы, которым несть числа. Потому всякие муравьиные уколы меня только веселили. Докладывая каждый раз бодро и весело, я довольно всматривался в их сереющие от ненависти лица и готов был к новым нарядам, лишь бы эту бессильную ненависть снова увидеть. Отлично понимая, что свои два года мне в любом случае отбыть придется, а я пока, хвала судьбе, не копаю траншеи под палящим пустынным солнцем, ста-

вил на этих чванливых и трусливых тварях свои психологические эксперименты. Надо ж было чем-то развлекаться!

Вторую половину службы я работал только в мастерской, спал там же, а на поверки и развод уже приходил не регулярно. Так что у старшин уже не дотягивались до меня руки. Майора интересовали только результаты моей работы.

А делал я много чего. Кроме различных текстов и таблиц, наглядной агитации, стендов, от маленьких до гигантских, лен-комнат, кабинетов штаба, на каждую из многочисленных политических конференций нужно было изготовить какой-нибудь подарок, имитацию якобы солдатской самодеятельности. Например, если спилить сегмент старого костяного бильярдного шара, из него можно вырезать рельеф вождя пролетариата, что и выполнялось отлично, как я это умею. Потом, используя эbonит, латунь, медь, или алюминий, я строил маленький стенд, куда и водружался на клей этот рельеф. Под ним гравировалось соответствующее послание. Таких подарков было сделано несчетное количество.

Наши ребята работали, кроме всего, и на БГМК (Балхашский Горно-Металлургический Комбинат). Так что цветных металлов у меня было в достатке. Я резал, гнул, чеканил вдоволь.

По должности мне приходилось заниматься ещё организацией спортивных соревнований и концертами художественной самодеятельности. Для этого были спортивные снаряды, гантели, гранаты и гири, а также и музыкальные инструменты, включая трубы всех видов, аккордеон и большое черное пианино.

Вернувшись к личности майора. Этот неутомимый и подвижный стареющий очкарик был весьма не глуп: начитан, отлично играл

в шахматы и шашки, а также музиковал на аккордеоне. Именно в библиотеке, собранной им, я обязан тем, что прочитал «Божественную комедию» Данте, Золя, Мопассана, Бальзака, Бунина, Куприна, Булгакова, а также Гранина и других интересных авторов, до которых руки ранее не доходили. Зато распекать солдата он умел одновременно очень смешно и противно.

Сморщивая нос так, что очки оказывались на самом его кончике, и сложив перед лицом ладони лодочкой, он, постукивая их ребрами друг о друга, хрюпал и визгливо выкрикивал что-то вроде: «Ты чей солдат! Ты как стоишь?.. Молчааат!.. Ты почему молчишь?.. Почему не отвечаешь?.. Молчааат!..» Эти его привычки передразнивали все. Почему я это рассказал, узнаете позже.

Почему мне, несмотря на загрузку работой, удавалось читать, да ёщё и нередко вечерами выпивать с приятелями? Потому что в работе иногда возникали довольно большие «окна». Также запретные посылки с алкоголем частично, чтобы не погибнуть втуне от руки дежурного офицера, перепадали нам с почтальоном. Совесть нас при этом ну никак не мучила!

Во время таких «окон» я развлекался еще рельефными карикатурами на офицеров и старшин. Делая из глины оригиналы, я отливал их из гипса, красил в дико-яркие цвета (нитроэмали для самолётов из соседней авиачасти) и вешал за крючок на стену. Так у меня в мастерской возникла целая галерея. Объекты-модели приходили, смеялись над всеми, но когда доходило до собственного образа, хмурились и говорили: «Это я? Непохож! Сними!» Конечно же, снимать их со стены я и не думал.

Мои отношения с майором были «кучерявы» до невозможности.

Так как-то я от армейской скучи а также из-за обилия интересных тем взялся вести дневник. Ему я доверял все свои мысли и переживания. Разумеется, они не всегда совпадали с генеральной линией партии. Тетрадь была толстая и почти законченная, когда досталась майору, имевшему ключ от моей мастерской. Он вызвал меня вечером, когда из штаба все уже ушли.

— Что это? — тихо спросил он.

— Дневник... — сказал я потухшим голосом.

Зачитав пару цитат, он сказал:

— Тут «пятнашка» (для тех, кто не в курсе, пятнадцать лет тюрьмы, или лагерей). Уничтожь так, чтобы ни я, ни кто другой этого больше не увидели!

Голос его был тихий, и по всему видно было, что он согласен с прочитанным, но всерьёз беспокоится за меня. Я всё понял. Долго потом в степи горел костер... Больше в жизни я дневников не писал. Сгорел «бумажный солдат»!

Однажды, когда всех отпустили в увольнение, а у меня вся работа была готова, он без причины отказал мне в отпуске в город. А я назначил свидание в городе хорошей и красивой девушке. Это был единственный случай за службу, когда мне удалось «закадрить»! Все уже успели уйти, а я из-за этого и предупредить через друзей ее не успел. Девушка ждала и не дождалась. Запоздальные оправдания не были приняты... Как я был зол тогда на него! Сказал, что рассчитаюсь большим смехом... Это был важный аргумент. Уж очень много спеси было в майоре, потомке польской шляхты!

Случаев с ним было немало. Сложное смешанное чувство ненависти и благодарности сопровождало мое отношение к нему. Может, в этом есть что-то рабское? По крайней мере, мне так казалось, и я все время пытался избавиться от этого ощущения.

Представился веселый случай. Под самый «дембель» я получил аккордную работу: построить на плацу трибуну с пилоном, на котором огромный, более метра в диаметре и тридцати сантиметров объеме, барельеф Ленина (это был год столетия со дня его рождения) и ниже его слова об армии. Трибуна должна вмещать все наше офицерье плюс приглашенных гостей. Перед этой трибуной надо ещё разбить цветник! Этого мало. Надо параллельно успеть сделать и очередную лен-комнату.

— Сделаешь — и свободен, — весело сказал майор. — На всё про всё два месяца!

Командир части был в курсе. Выделил мне подвал котельной. Спускаться по вертикали непросто, зато тепло и сухо! И лишние из-за неудобства тоже не сунутся! Принесли туда ванну с глиной — трудись! Я сказал было, что лепить умею, но есть трудности с формовкой и отливкой. Мне нужен форматор. Нашли быстро, у нас же в батальоне. Далеко ходить и не пришлось. Начал я лепить, параллельно занимаясь лен-комнатой. Друзья тут же проверили помещение пьянкой и тоже остались довольны. Перетащил туда постель... Больше я ни в мастерской, ни в казарме не спал.

Лен-комната была в роте, которой командовал старшина Крымский. Его для смеха называли Шурик Таврический. Вечерами я требовал у него на час людей. Они быстро наклеивали

на плашки каждый по десять снимков и были свободны. Днем я размещал все на подготовленных стенах. Так за неделю комната была готова, но Крымский не отличался от других в лучшую сторону и, как и многие, бесился, что им командует рядовой. Пару раз это выражалось в публичных скандалах со мной.

Он был огромного роста с огромной неандертальской челюстью и сложен, как из разных запчастей. Вместо «Равняйся!», например, он, медленно опуская челюсть, громогласно мычал: «Ряяяаййись!!!» Покладистым характером он тоже не отличался, да ещё к тому же был и трусоват. Потому и перессорился с другими старшинами.

А рассказываю я это вот почему. Старшина Пикалев попросил меня сделать пепельницу с мордой Шурика, да так, чтобы он мог ей в пасть тушить окурки. Хорошее дело! Пепельница получилась на славу! Она была сделана в виде большой пасти Крымского, как в гору переходящей в его физиономию, а вершину короновала маленькая фуражка. Отлили из бетона, покрасили зелёной краской. Солидная получилась вещь.

Ночью после отбоя прибегает ко мне в котельную дневальный и кричит, что меня зовет к себе в каптерку старшина Пикалев. Пару слов о нем. Он был питерский. Его любили и боялись. Невысокого роста. Говорил он тихо, но внятно, все обещания выполнял, не позволял себе грубости и маты, обращался только на «вы». Решительный и властный.

Так вот. Захожу я в каптерку и вижу картину, достойную кисти Рембрандта. Горят толстые свечи. На маленькую стремянку постелен ковер, на котором в позе лотоса восседает босой старши-

на. С двух сторон от него, обнажённые по пояс и подпоясанные красными сатиновыми кушаками, стоят два усатых красавца и медленно обмахивают его вениками. Перед ним на тумбочке, покрытой красной скатертью, моя пепельница мордой к двери.

— А вот и ты, Аркадий... — голос его звучал торжественно, как марш Мендельсона. — А позвать-ка нам Шурика Таврического!

Является огромный старшина и видит, как медленно и торжественно сигарета Пикалева опускается в пепельницу. Узнает себя и багровеет... Сцена была достойна Гоголя!

Я далек от садизма, но уж очень тогда его не терпел. Этот случай помог рассчитаться и не только с ним.

Идея пришла и требовала воплощения. Я решил сделать маленькую статуэтку замполита, да так, чтобы не ломалась и легко помещалась в карман. Результат выглядел так: маленький цилиндр, из которого впереди торчат ладонки лодочкой, выше мордашка майора в очках и со сморщенным носом, завершает все фуражка козырьком на лоб. Сходство не оставляло сомнений. Изготовили форму на двадцать штук. Пять отливок — и сто статуэток готовы. Вечером на пьянку собрались друзья, похватали, кто сколько смог, и разнесли по объектам. Это означает, что примерно каждый седьмой солдат получил игрушку. Теперь куда бы ни приходил майор с серьезными политическими речами, его встречал дружный смех. Вот он докопался до причины, стал забирать статуэтки, но конца им не было... Он позвал меня и закричал, что я отвечу, что нельзя позорить честь мундира офицера! На что был ответ:

— Нет звёздочки, нет погон. Где офицер, где мундир?

Напомнил, что чувство юмора терять нельзя. На том и заглохло. Вдруг через время вызывает меня по делу начальник штаба, человек суровый и твердый. Доложил и вижу, на столе у него стоит моя статуэтка. Мурашки пробежали...

— Свободен... Да, постой! Твоя работа?

— Да. В гарнизоне больше никто на такое не способен. Вы же знаете.

Пауза... И вдруг улыбка на всё лицо.

— Здорово вышел, стервец!

Тем временем майор ушел в отпуск, я закончил своего Ильича, смонтировали трибуну и всё. Даешь дембель! Отпуская меня, командир! Да не тут-то было... Тебе кто обещал? Замполит? Вот он пусть и отпускает.

Я забастовал. Надел всё старое, ушанку без шнурков, и гуляю по части. От работы отказываюсь. Мне кто работу дает? Замполит? Так его нет...

Тут из отпуска наконец возвращается майор:

— Ты ещё здесь? Домой! Быстро! Чтобы через час был готов!

Один солдат меня стрижет, другой в это время подшивает погоны и воротничок, капитенармус кидает новый ремень и сапоги...

Точно вовремя я в штабе... Майор дает документы.

— Спасибо!

Он удивленно поднял глаза...

7 декабря 1968 г. я выехал из родного города, а 7 декабря 1970 г. вышел из расположения части. Так случилось, так распорядилась судьба, что армии я не отдал и лишнего дня!

K

*Как театр абсурда,
служба пролетела —
подвинутся неплохо
ближе к телу*

Настало время, и вот подошли мы, как говорится, ближе к телу.

В XV веке Иероним Босх мог позволить себе изображать наготу только в сценах Страшного суда и то подчёркнуто уродливо (жить всё-таки хотелось). Альбрехт Дюрер, наблюдая красоту тел уже с восхищением, пытался загнать её в прокрустово ложе геометризированного канона (не совсем удачно, но поклон ему за старание). Великий Леонардо, изучив основательно, как и всё, за что он брался, анатомию, сделав сотни рисунков, приведших его, наконец, к «Витрувианскому человеку» и точной науке о пропорциях, определил для себя и нас, потомков, пределы канонизации красоты. Его гениальный современник Микеланджело продолжил эту работу в скульптуре. Так же Джорджоне, Донателло и другие... При этом, заметьте, никаких «фиговых листков», если этого не требовали религиозные или другие особые обстоятельства!

В XV, XVI, XVII веках за подобную «шалость» можно было за-просто попасть в застенки инквизиции. И даже уже в XIX веке в Испании Франциско Гойя и его модель прятали свою «Обнажённую Маху» как могли. Эти люди всерьёз рисковали! Им приходилось обзаводиться связями с влиятельными государственными и клерикальными персонами. Итальянцам и французам было немного легче. Любвеобильный XVIII век позволял больше, но с оглядкой, застенчивыми улыбками и реверансами. Так долго, но решительно входила в свои права эпоха Возрождения — возрождения античной культуры тела и уважения к красоте человека. Рембрандт, Рубенс, Караваджо и многие другие вносили в неё свой посильный вклад.

XIX век с его академистами (Брюлловым, Энгром, Бугро, Семирадским и т. д.), и кроме них Курбе, впоследствии Роден и импрессионисты... Этот век любовался красотой вовсю, и в начале

XX века модерн (ар-нуво) Густава Климта, Эгона Шиле, позже Андерс Цорн, Фешин, Серебрякова, Тамара де-Лемпицка и ещё многие, многие, многие...

Потом красоту стали усиленно портить, хотя сексуальная революция лишь набирала темпы. Возможно, это связано с конкуренцией от фотографии и кинематографа. Обнажёнка, намного более грубая в кино и фото, обошла живопись на повороте. Скульптура, хоть и стилизованная, но местами сохранилась. Так начался поиск «новых форм». Поверьте, я не против них, сам кое-что в этих областях понимаю и умею, но могу и желаю рисовать красивые тела такими, какими их создала природа. Стилизацию и экспрессию, разумеется, допускаю, но не во вред уважению к прекрасному. Религиозные аспекты и ложный стыд мне в этом не мешают. Я видел и рисовал столько красоты, что никакое мракобесие (прошу прощения за точность термина) не сдвинет меня со здоровой позиции. Чтобы рисовать людей, надо знать анатомию, а значит, надо много рисовать с натуры и наблюдать её.

Рассказывать здесь ещё о истории и причинах религиозного ужаса и стыда перед обнажением было бы перебором. Как-нибудь в другой раз. Задам только один вопрос сторонникам плотно запакованной патриархальности. Неужели все перечисленные (и многие, кого не успел ввиду сжатости формата, перечислить) умнейшие и гениальнейшие среди людей разных эпох были просто грязными развратниками? Кто твёрдо стоит на подобных позициях, могли бы и разок подумать на эту тему, но не спешить с категоричными выводами.

Возвратившись в родное училище после армейской службы, «с корабля на бал» попадаю на зимнюю экзаменационную сессию третьего курса. Хотя и два года не рисовал, поблажек ника-

ких! Обнажённая натура. Впервые! Посещение вечерних занятий до армии не в счёт. Уж слишком давно это было...

Модель мужская — танцор балета на традиционных подработках. Платили им очень мало, а выглядеть надо было достойно — вот они и выкручивались как могли. Разумеется, тело идеальное и вся анатомия наглядно.

Конечно же, не успев ещё приодеться, я приходил в аудиторию в бушлате, галифе и солдатских сапогах. Только вместо гимнастёрки надевал грубый свитер. Отпустил небольшую бородку, что, при вечной сигарете в зубах, придавало вид скорее хулиганский, чем бывалого бойца. Это не мешало всеобщему уважению «молодняка», а также и «классной дамы» — известной художницы Варвары Калистратовны Садовской.

Вдруг в ходе работы к своему удивлению успеваю обнаружить, что практически ничего не забыл!

Так не бывает, но какой же я молодец! А фокус оказался прост: все два года мысленно писал картины. Останавливался на пяток минут перед интересующим видом или сюжетом и представлял себе всю работу от белого холста и до завершения. Это развлечение и сохранило мне, художнику, профессиональную память. Рекомендую всем бесплатно. Мне не жалко!

За три сеанса выстраиваю и привожу в порядок так называемый «конструктивный» рисунок. Сохраняя основные линии построения и разметки, легко намечаю основы светотени (только то, что необходимо для передачи объёмов и пространства) — метод, принятый тогда практически во всех ВУЗах и художественных училищах СССР, за исключением, разве что, главных академических. Этому и учил студентов замечательный мастер и педа-

гог Эрнест Иосифович Симаков, разумеется, и меня до призыва в армию в том числе. Рисунок получается эффектным, красивым, а главное, прозрачным, свободным и смелым.

— Ну, что сидишь? — подойдя, спросила Варвара.

— Так вот, закончил. Все линии построения видны, перспектива проверена. Тени раскидал по форме минимально. Что и требовалось доказать.

— Да, всё верно, вот теперь и начинай работать!

— Ну вот... А что тут делать?

— Берись за главное, проработай светотень так, чтобы в рисунке был лишь один белый блик и одно небольшое чёрное место во всю силу карандаша, а остальное — в правильной точной градации. Только смотри внимательно, не загуби труд. Самому же будет жалко!

Вот эта работа и заняла всё оставшееся время до экзаменационного просмотра. Под самую завязку, пыхтя, закончил. Ко всеобщему удивлению, получил высший балл. Зауважали ещё больше!

В живописи тоже не подкачал. Академическим считался тогда, так называемый, «коровинский» стиль, а именно, «вылепить» мазками по форме чуть ли не каждый сантиметр холста. Работы Константина Коровина на деле были гораздо более свободными и импрессионистическими (это слово было почти ругательным), а вот соцреализм пестрел подобными опусами на всех выставках. Чем я хуже? Научился и этому.

Теперь подбираемся к «вишенке». Женская натура...

Когда на втором курсе мы, пацаны, спрашивали Симакова, как же это чувствовать себя, когда перед тобой сидит совершенно голая прекрасная женщина, он отвечал, что проще простого:

— Вот видите лимон на нашем натюрморте? Вы его рисуете и ничего не чувствуете, а как захотите съесть, потекут слюнки!

Это была красивая и ясная формула, но дальнейший опыт убедил меня в её неточности.

Если рисуешь равнодушно, то и работа выйдет равнодушной. Вот это — закон! Нужна сублимация.

Чем более сильное чувство овладевает художником, тем заметнее оно отразится в работе. Эмоция перейдёт на холст и родит произведение. Только так! Думаю, что Эрнест скучавил. Он всё это знал. Сам он обнажёнки рисовал и писал вдохновенно. Высокий стройный мужчина с большой седой шевелюрой, бывший моряк и фронтовик, он и всем своим видом привлекал противоположный пол. Так что чувство там было взаимным.

Женская натура на нашем курсе началась с бывшей балерины, успевшей заметно постареть. Фигура какая-никакая ещё была, но обвисłość и заметная дряблость нас не вдохновляли. Сделали с ней одну постановку, горы набросков, а дальше?.. Дальше была рыжая толстушка с телом цвета маргарина. На фоне тёмной драпировки разглядеть можно было лишь далёкий от изящества силуэт... Курс забастовал!

Наиболее активные подошли к Варваре и вызвали на разговор.

— Вы могли бы дать нам (представились четыре человека: трое парней, среди которых я, и с нами одна бойкая девушка) один день? Мы хотим сами поискать модель по нашему вкусу и клянёмся, что завтра она здесь будет!

— Что ж, день даю, а если не найдёте, будут те, кого я вам приведу, и не пишать! Идёт?

— Годится!

Вызов был принят, и радость была настоящей. Мы взялись за дело.

Единодушно согласились, что желаем найти молдаванку, красавицу-брюнетку, какие в нашем солнечном городе отнюдь не в дефиците. Вдобавок скажу я вам, что молдаванки часто не только хороши собой, но и темпераментны, поют и танцуют, заводятся, а в любовных треугольниках бывают даже и всерьёз опасны, но это тема для другого формата...

Где искать? Ну, конечно же, пойти на базар! А куда ещё?

Схема была несложной. Сначала к кандидатуре подходила интеллигентная милая девушка и предлагала послужить искусству, не вдаваясь в подробности, потом деликатно, чтобы не спугнуть «дичь», вмешивались остальные участники «охоты». Всё обходилось «без шума и пыли», как обещал известный киноперсонаж. Эксцессы нам были не нужны.

Когда базар иссяк, пошли дальше в центр города. Вербовка шла успешно.

Наутро из десятерых, подвергшихся нашей «обработке», явились двое. Это был большой успех, я лично рассчитывал не более чем на одну. Самую эффектную оставили себе, а другую передали параллельному курсу.

Наша Варвара была удивлена и растрогана. После часа набросков в одежде, она отозвала ребят из аудитории, провела командирский инструктаж и вернулась обратно к девушкам. Когда нам позволили войти, всё было готово. Прекрасная черноглазая смуглышка с длинными пушистыми ресницами и блестящими волнистыми тёмными волосами (о многом умолчу, хотя есть, что бы стоило ещё заметить: вполне развитые формы, изящную фигуру,

шёлковую кожу)... Сидя вполоборота к нам, она была полностью обнажена на фоне бордовой бархатной драпировки и вышитого молдавского полотенца. Были ещё кувшин и тарелка с фруктами, но это уже не суть важно. Парни с трудом сдерживали волнение.

Работать бросились вдохновенно. Даже у тех, кто слабо рисовал, стало получаться неплохо. Ко всему, глаза-угольки красавицы, скромно опущенные, вдруг неожиданно распахивались, вспыхнув, в сторону кого-нибудь из молодых ребят, которому стоило больших усилий, чтобы под этим огнём не покраснеть. Это была, скажу я вам, совсем другая работа. У нас на курсе появилась настоящая муз!

Девушка довольно быстро освоилась. Иногда на переменах гуляла между мольбертами, делясь своими впечатлениями, ходила, накинув ткань, а потом и ту стала забывать. Её дыхание за спиной обвораживало, но прикасаться к ней — табу... Это было главным условием классного договора, что и не удивительно. Напомню, это был 1970 год — время задолго до интернета и в закрытой от прочего мира стране. А, может, и правильно. Так и надо художникам относиться к модели.

Итак, учебная работа продвигалась, все ко всему привыкли, вели себя буднично и уже не удивлялись ничему, как неожиданно случилось курьёзное событие, которое веселит меня всю оставшуюся жизнь и, как вспомню, до сих пор. Ради него и затеян весь этот замечательный рассказ.

Однажды, когда Варвары по какой-то причине не было в аудитории, двое парней устроились в сторонке на подоконнике перед открытой форточкой покурить. Один — высокий кудрявый блондин (он всегда напоминал мне Шуру Балаганова из незабвенного «Золотого телёнка» Ильфа и Петрова), а второй — очень

симпатичный и невысокий (лихой конник в свободное от искусства время). Оба из нашей «вербовочной» группы. Вдруг они встрепенулись, как узревшие чудо, и зашептали мне:

— Аркашка, быстрее к нам!

Я подошёл, с явной неохотой отрываясь от холста, на котором удачно изображал нашу новую прекрасную модель.

— Ну чего ещё?

— Смотри туда!

Напрягая зрение, всматриваюсь в то, что мне пытаются показать.

— Ну? Что?

Вдруг вижу редкое зрелище! Через улицу, метрах в двадцати или более напротив нас, в окне второго этажа девочка, сняв лифчик, вертится перед зеркалом!

Двойные стёкла её окна сильно бликуют, видно плохо, но трое молодых живописцев неотрывно смотрят туда и выисматривают!

Эти трое недавно выбрали красавицу-модель по своему вкусу. Она сидит, роскошная, совсем голая, перед ними в аудитории... Разглядывай и рисуй сколько хочешь! И вот эти три болвана пялятся в окно на неизвестно что и про всё забыли!..

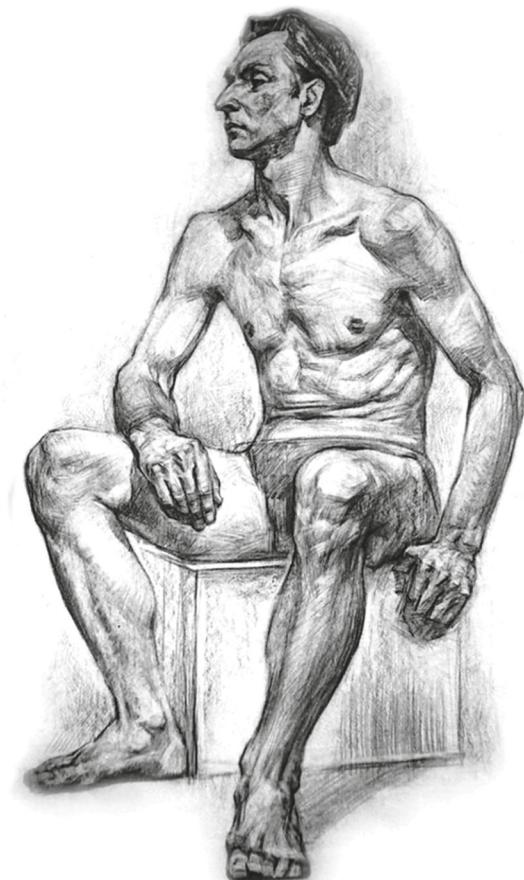
Придя в себя и поняв, наконец, что же происходит, мы буквально укатались со смеху. Вот это да! Вот это нам урок психологии! Кто бы такое мог представить?! Вот она — сила вуайеризма! Неужели подглядывать за чужой жизнью настолько интересно, что это может заменить самую прекрасную свою реальность?..

Может быть, я и не прав, но сколько в классической живописи, литературе, любовной и детективной, также и в кино подглядывания за чужими интимными сценами, прослушивания чужих интим-

ных бесед, с краю и туманно показанных ужасов и преступлений? Воображение дорисовывает то, что мы не видим, и это зачастую бывает сильнее того, что наша жизнь прямо подаёт нам в открытую. Мы же порой взахлёб читаем авантюрные, детективные и любовные романы, смотрим триллеры и фильмы с постельными сценами. Не подумайте, что я против этого. Ни в коем случае! Что естественно для человеческой натуры, то позволительно, но для того и существуют моральные принципы, чтобы не злоупотреблять нашими естественными свойствами, то есть, не применять их во зло другим.

Рассказанный вам случай, разумеется, был по-студенчески «обмыт» в конце того же дня. Может, кто-то его уже и забыл, а вот я навсегда запомнил.

P.S. Конечно же, хотелось бы продемонстрировать здесь картину, написанную с этой модели, но она, получив высший балл, была взята в фонд училища. Зато рисунок с зимней сессии третьего курса сохранился. Также показываю другой, с экс-балерины. Мне удалось их «выцарапать из цепких лап» фонда.

Очарование лиц и тел

Бывают женщины – предел мужской мечты!
О разных видах женской красоты
Рассказано уже немало.
Стандарты создаются,
Даже научные труды!
Но и негоже мудрецам
Себе такую ставить цель.
В итоге даже может статься,
Совсем устанут и пытаться
В один подробный каталог
Записывать лишь новую,
На прочих не похожую
Прекрасную модель.
Придётся в том
Неоднократно
Коллегам и
Себе признаться,
Что лучше бесконечно
Красавицами – любоваться!

«У моря» (холст, акрил, 120×80 см, 2010 г.)

«Жёлтый зонтик» (холст, акрил, 90×80 см. 2002 г.)

1-е место
на международном конкурсе
«Век реализма»,
Йиглава Чехия, 2020 г.

А

«С книгой» (холст, акрил, 89×70 см. 2022 г.). Частная коллекция. Израиль

СКРИПАЧКА

Сама прекрасна, как заря,
Не ведая ни в чём предела,
Душа, живым огнём горя,
Из-под смычка её летела.

Мелодии, наполнив сад,
Смеясь, волнуясь и рыдая,
То низвергали в сущий ад,
То возносили в кущи рая!

«Скрипачка»
(холст, акрил, 70×80 см, 2016 г.)

СИРЕНЬ

Лёг лабиринтом сонный городок,
Потёк, расплавлен зноем солнца.
Спеша по узкому кривому тротуару,
Стараясь поскорее спрятаться от жара

И не жалея своих быстрых ног,
Бежишь по плитам вдоль стены,
Неся в руках живую веточку сирени.
Мелькают блики света яркого и тени,

Струится по плечам твоим поток
Густых прямых каштановых волос.
Видение это светлый сон принёс...
Ну не случайно же оно явилось в срок

В такой пьянящий день весенний
Задать очередной о красоте вопрос,
Попутно в памяти удерживать цветок,
Всю пинту нежности испить до донца?!

A

«Сирень»
(холст, акрил, 120×80 см, 2010 г.).

ВЕНОЧЕК ИЗ РОМАШЕК
(посвящается дочери)

Веночек из ромашек – простая красота.
О милом погадает – и сбудется мечта!
А лепестки летают, как бабочки на свет,
Собою предвещают пролог её побед!

«Ромашки» (холст, акрил, 80×75 см, 2000 г.)

СИЗИФ

Уже стариk, и борода седая.
В трудах верчусь, не видно им конца,
Порой горжусь трудом, стираю пот с лица,
Осознавая вдруг, что ничего не знаю.

Я мудростью чужою сыт сполна.
Своей не нажил, несмотря на годы,
Но одарен немало от природы,
Изведал красоты и пил вина.

Любовь, смеясь, холстам я отдавал,
Не все, конечно, это понимали,
Но вы, кто был открыт и мне внимали,
Вам доставался красок карнавал.

Глаза мне злое солнце выжигало,
Сквозь пальцы серебро струилось, как песок,
Но застревая в горле, как чужой кусок,
Хрипит мне голос: «Отдаешь ты мало».

Тружусь тупым сизифовым трудом,
За лень и грех или за что другое,
Но перестану – будет горше вдвое,
Что сына не родил и не построил дом.

Такая, друг, моя смешная жизнь,
И одиночество мне мозг давно сверлит,
Но голос издевается, твердит:
«Трудись, трудись, трудись, трудись...»

2-е место
на международном конкурсе
«Мужской образ»,
Москва, 2022 г.

«Сизиф» (холст, акрил, 90×80 см, 2003 г.)

ДВЕ ЕВРОПЫ – ДВА ПОХИЩЕНИЯ

Это было давно, когда боги Олимпа спускались на землю
И встречались с людьми, и влюблялись, нежданно порою,
Даже женились! От этих союзов рождались и дети-герои!

Дочь царя Финикии не зря ослепляла собой, как богиня!
За локоны цвета огня эту деву назвали Европой, чье имя
Закат означало. А красавицу Зевс хитроумный приметил,
Когда та с подружками вместе венки из цветов собирала,
Да решил, что судьба ей быть новой женой Громовержца,
Чтоб капризным богам служить образцом чистоты идеала.
Много чести ли всемогущему обольстить душу невинную,
Не прося родителя смертного руки принцессы и сердца?!
А на Олимпе и дев похищать никто не умел лучше Зевса!
Вот и неба владыка – уж бык златорогий шёлково-белый.
Те весёлые девы цветами его украшали, катались на нём.
И Европа каталась – вдруг понёс её бык за море вплавь...
К острову Крит. Там коварный, страстию к ней воспылав,
Принял юноши дивного вид пред Европой влюблённой.
Не вернул дочь отцу, но поведал оракул тому, мол жива
Дочь, здорова, счастлива, лишь искать её ты не пытайся.
Она, став женою Всесильного, родила ему трёх сыновей,
И были герои те всех соседей-царей роскошнее и умней,
В мире мать их прославилась критскою мудрой царицей.

Мчат столетий крылатые стаи, а именем славным Европы,
Величать люди стали нашего мира не самую худшую часть,
Мечтали уметь славно жить под защитой любви и морали.
Но впредь и эта Европа успела и бурь, и страстей испытать.
И её желали завоевать! Инквизиция, бунты, пожары лучших
Детей пожирали, беспощадные войны губили за ратью рать.
Всё же стояла Европа, городов чистотой и порядком гордясь,
А ныне, солнце тучами застить, к ней явилась лютая зависть,
Метастазы злой веры годами в её мозг постоянно внедрять.
Это чуждые силы желают Европу ослабить, чтобы похитить,
Пустым миражом заменять здравый смысл и рассуждения.

Как хочется думать, что эти потуги снова окажутся втуне!
Разве судьбы Европы подвластны одной лишь Фортуне?
Есть двоякое ощущение: две Европы – два похищения!

Я совместил в одной картине два события:

1. *Миф о похищении Зевсом финикийской принцессы Европы.*
2. *Похищение исламом (тихая экспансия) современной Европы, части света.*

A

«Две Европы», (холст, акрил, 100×80 см, 2025 г.)

ДЕМОН (2011)

Сподобившись тому,
Как Лермонтов из строф
И гений Врубель на холсте
Из пня акации горелого сваял
Своего Демона – нет лучше темы!
Забыв о совести, изрядно обнаглел,
Поднял вина бокал и выпил за себя
И за творца бессмертного поэмы!

«Демон» (дерево 23×22×27 см, 1975 г.)

ЮНОСТЬ
(Ясень)

1976

Вот давайте-ка, люди, сравним
То живое нежное юное тело
И твёрдое дерево – ясень.
Узор текстуры прекрасен,
От формы завися всецело,
 Так послушно
Линиям тела девушки вторя!
В этом вижу я что-то от моря
И певучих барханов пустыни.
Мне эти обе стихии родные!
 Стремитесь,
Спешите, рифмы шальные,
Сюда, но не ради гордыни!
Тут хорошее делают дело,
Вырезая из дерева тело!

«Юность»
(дерево, 52×15×15 см, 1976 г.)

1-е место
на международном конкурсе
«Арт-любовь» (скульптура),
Санкт-Петербург, 2020 г.

*дикой радости любви
на диком-диком пляже*

ПОЛНОЧНАЯ ЛЮБОВЬ В СИЯНИИ ПЛАНКТОНА

Широким жестом бисер мечет Млечный Путь
Перед полуночным и сонным Черным морем.
От тонкой белой полосы неутомимого прибоя
Дорожка светлая спешит Луне на грудь.
Пыль звездная в волнах подрагивает чуть.
Чужда забот мирских и бренной суеты,
В уверенности женской красоты
С небес светило томно наблюдает.
Щедра она дарить любовные мечты
Любому, кто глаза к ней подымает.
Как черно-белый снимок, проявляет
Ночной пустынный пляж, деревья и кусты.

Уверенные в жизни и в себе,
Сквозь темный лес по узенькой тропе,
Где светлячки сверкали, пролетая,
Как дальних пуль трассирующий след,
Подобно мотылькам, мы смело шли на свет,
Ковер травы ногами загорелыми вминая.
И вот уже по пляжной гальке мы шуршим.
Там волны шелестят, на берег набегая.
Пришли и... к морю, к морю мы бежим,
Одежду легкую с себя срываю и бросая.

Хоть было так давно, но помню, как о чуде!
В замедленном кино волнующие груди,
Изгибы плавные спины и взмахи лёгких рук!
Порхая, волосы тебя игриво обнимают...
Соленых брызг разлет и плеск... Вдруг эти
Искорки и блеск! С горячих тел стекает
Такой холодный яркий изумрудный свет,
Нас странно и волшебно освещая.
Ты в нём сияешь, как русалка молодая!
Вся в том свету! Тебя желанней нет!
Кипит, светясь, вода, а фон померк,
И поцелуев соль у каждого на теле...
Соль на губах... В зеленый фейерверк
Мы оба, как в Нирвану, улетели.
А чудо повторялось и немало раз
В те жаркие августовские ночи.
Воспоминания эти и сейчас
И веселей, и сладостнее прочих!

Наука говорит, мол, здесь планктон,
Он светится в сезон, когда вода теплее.
Какое счастье, что он есть! Когда б не он,
Были бы чувства прозаичнее скромнее.

Восьмидесятые. Пицунда. Дикий пляж.
Полночная любовь в сиянии планктона.

РУМБА В СТИЛЕ НЮ

Чёрное море – волшебный вид
Золотым растекается блеском!
Восхитительных тел бурлеском
Даже святых охмурит, опьянит!

Взгляд притягивая, как магнит,
Нагота и свобода – прекрасны!
Не растает мираж понапрасну –
Возвратятся детали – в повторе.

Неугомонное, беспечное море
Бесконечным прибоем шумит.
Пляжной гальки седой колорит
Мозаикой выложен на просторе.

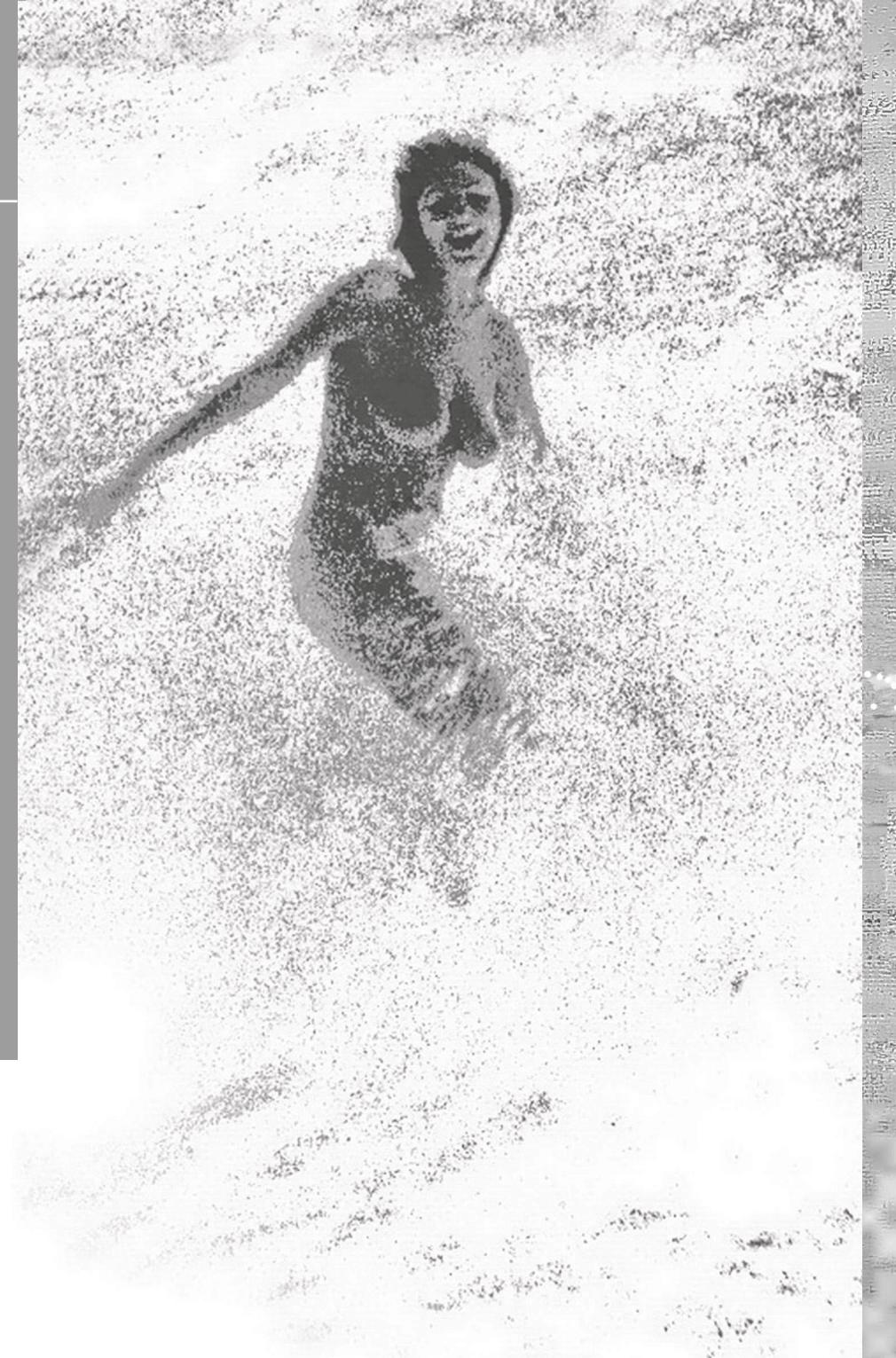
Ноги босые той галькой шуршат,
Волны объятьями их встречают,
Союз этот – брызгами соединяя,
Скрепляют пеной – как из ушат...

В пене прибоя забег в стиле ню.
За наядой нагою бегу – догоню!
Красу загорелую – всю зацелую,
От любопытных волною укрою!

Волю души ни белю – ни черню.
Токам любовным и страсти огню
Добавлю ещё наивность святую,
А ночью россыпью звёзд одарю!

Счастье – не поддаётся расчёту
И, в тишине, тело к телу – льнёт!
Судьба – повинуясь круговороту,
Что не успеет – печально вернёт!

Сонно мерцая цикадною ночью,
Маются звёзды, как дети в кино,
А нам повезло сегодня – воочию
Выпили двое любовь – как вино!

САМБА ПЛЯЖНОГО РАЯ

Летом,
Словно птицы,
Мы улетали к морю –
В тот рай пляжного юга.

Нагие, с волнами игрались,
Страстно любили друг друга,
С дикой природой сродняясь.
И на память как добрый дар,

Вспоминая прохладу морскую,
Привозили свой ровный загар
И свободу любви неземную,
И то, что каждый искал, –

Этот рай, пляжный рай!
Самбу – пляши – играй –
Рай – рай – рай...

Целый год утопали в рутине.
Пляжный рай терпеливо ждал.
Девушки стройные, как богини,
Там правили солнечный бал.

Иные страны, дела, квартиры.
Кто куда разъехались люди
И воздух свободного мира
Вдохнули полной грудью.

Мы у моря теперь живём.
Куда хочешь, туда плыви!
В суете, не ищи, не лови
То, что назад не вернём, –

Этот рай, пляжный рай!
Самбу – пляши – играй –
Рай – рай – рай...

Но куда мы ни бредём,
В туманной синей дали
Светит и ночью и днём
Венера – звезда любви!

Мелькают и дни, и года.
Плесни и нам, как тогда,
Полней, до краёв налей,
И вина золотого – испей!

Не суди, не ряди, не гадай,
В орлянку с судьбой не играй.
Всё пройдёт, мудрецы говорят.
Только чайки над морем кричат:

Рай – рай – рай –
Рай – рай – раай...
Ра-ай – ра-а-ай – ра-а-а-ай...

ПЛЯЖ, ЛЮБОВЬ И БУРЯ
(тем, кто любит шутки
на грани и чуть ниже...)

Осень – бархата томные дни.
Солнце прячет румянец за море.
Дикий пляж. Ни души. Мы одни!
Кровь играет? Люби на просторе!

Стонут чайки над берегом низко,
Ветер чуть начинает крепчать.
Твои груди тяжелые близко –
Обласкать бы их, раскачать!

Чтоб порхали веселые сиси,
Подражая игривым волнам,
Вознося неприличные мысли
К непорочно зачатым стихам!

Волны катят манежным галопом,
Пена тает, шипя: «Бурре бы-т-т-ъ...»
Дождь сечёт загорелые попы,
Но любовь ему не победить!

Ни души, даже чаек – в помине!
Пыль и брызги! Погашены краски.
Тлеют угли в гигантском камине,
Колесницы грохочут неловки...

Всюду волн белогривые кони!
Отложили на время все ласки,
Спрятав мокрое тело в ветровки,
Мы бежим, как бегут от погони.

Вот и дома! Ручьи с нас стекают.
А усталость? О ней нет и речи!
Я в постели сухой обнимаю
И целую соленые плечи.

РЕТРО — театральная быль

Где театр, там всегда приключения и курьезы как на сцене, так и за сценой: в гримерках, костюмерных и, конечно же, в бутифорском цеху. Это закон! Это знают все!

В Кишиневском Государственном Русском Драматическом Театре имени А. П. Чехова в бытность мою там художником и со мной иногда тоже случались разные нескучные события. Об одном из них очень даже хочется рассказать.

Начало лета 1985 года в Кишиневе было нежарким. Кто-то в Москве уже задумал «Перестройку», но народ об этом еще не знал. Театр готовился к премьере спектакля «Шестое июля» об одном из трудных дней в жизни нынешнего обитателя Мавзолея.

К тому времени я достиг возраста Спасителя, но ни один народ ни от чего не спас, однако понял, что пройти с верблюдом через игольное ушко меня никто не пригласит. Дело в том, что я, как всегда, по глупой и смешной случайности оказался не в той компании.

С этим надо было что-то делать. Приняв решение «заработать халтурой» (так в СССР назывался любой заработка, кроме основной зарплаты, особенно если нигде не учтен), приступил к поискам. А на ловца и зверь бежит! Энергии было вполне достаточно, и я вскоре нашел того, кого искал, и не где-то далеко, а совсем рядом. Это был мой сосед по дому, фотограф, прекрасный образ которого я увековечил однажды в акварельном «Портрете комсорга» с комсомольским значком на груди. Портрет был написан для местной и всесоюзной выставок, посвященных ВЛКСМ, и приобщал меня на миг к генеральной линии партии.

Клянусь! Все правда и ничего, кроме правды!. Тогда он действительно был комсоргом и служил диспетчером в аэропорту, но времена меняются... Теперь ему, уже фотографу-сдельщику

из полулегального кооператива, и его компаньону по их задумке для привлечения клиентуры разумеется дико срочно нужна была достаточно близкая копия старинного автомобиля. Дополнительными требованиями были простота и легкость монтажа и демонтажа, так как «творческой базой» был маленькая кладовка на городском рынке. Там с трудом помещалось осветительное и другое оборудование.

Задача была не из простых, но очень уж хотелось заработать, а я, как-никак, все же служил тогда в театре и не кем-нибудь, а художником... Самое то! Короче, альянс состоялся!

Я храбро заявил, что за месяц справлюсь, и тут же скрыл испуг. Понял, что влип, но деваться было некуда – уже ввязался в авантюру! Деньги все же были очень привлекательные... Скажу для ясности, они тридцатикратно превосходили мою месячную зарплату в театре!

А в нашем театре был у меня друг Миша Баженов – бутифор, но совсем не простой, а на все руки! Он умел все: восстанавливал ветеранам ордена взамен утерянных, делал настоящую ювелирку и бижутерию, доводил до полной иллюзорности бутифорское оружие и предметы обстановки, люстры, украшения с имитацией драгметаллов и камней. Однажды в связи с ним я стал свидетелем курьёзнейшего случая, о котором тоже трудно не упомянуть, настолько точно он характеризует этого интереснейшего человека.

Для спектакля нужно было сделать две очень убедительных копии немецких автоматов, для чего под строжайшую подписку принесли из музея настоящий боевой. Они должны были быть подогнаны к нему точно по виду и даже по весу. Два офицера в касках, плащах и с автоматами по задумке режиссера должны

были спуститься в зал и, проходя между рядами, всматриваться в лица зрителей, направляя на них оружие. Миша выполнил работу, потом положил все три автомата на стол перед представителями музея и попросил, не прикасаясь, с метрового расстояния указать на настоящий. Оба не справились с задачей и выбрали бутафорские... Ни доли обмана! Сам был свидетелем! Вот смеху было!

Итак, конечно же, я обратился за помощью к Мише, который тут же весело согласился. Идею по традиции обмыли и приступили к делу. Авантуризм в крови у нас обоих, а я еще и родился в семье довольно известного в республике конструктора и изобретателя.

Эскизы и чертежи, конечно же, были за мной, бутафорское мастерство за Баженовым. За основу я взял Бьюик 1906 года и плавно адаптировал к условиям фотографов. Полного соответствия и не требовалось. Только внешняя убедительность. На радиаторе вместо эмблемы Бьюика красовалась крупно модное тогда слово – «Ретро». Конструктивную часть продумывали вместе. Тут мой напарник показал себя с самой лучшей стороны. Его креативность зашкаливала! Я лишь старался от него не отставать. Рама была собрана на закладных деталях из шести двухдюймовых стальных труб и без напряга выдерживала вес семи взрослых мужчин, а сама машина, полностью собранная, весила всего около 60 кг. Единственной неразборной частью был блок мотора и приборной доски. Он занимал пространство заметно меньше кубометра. Все остальное мгновенно раскреплялось, становилось плоским и ставилось к стенке. Колеса использовались от двух велотележек, которые пришлось купить. Для имитации старинных газовых фар тоже купили настоящие стекла с отражателями, старые приборы нашли в гараже. Крылья и подножки вырезали

и согнули из алюминиевых профилей. Все секреты бутафории выдавать не буду, но фанера и шпон у нас превращались во вполне убедительного вида металл, а павинол – в дорогую кожу. Мы работали по ночам, иногда там же спали, а днем все детали в плоском виде прятались за рекламные щиты и декорации. Театральный бардак все скрывал. Нашу халтуру кроме близких друзей никто не видел. А их благосклонное молчание регулярно обмывалось. Молдавия в этом смысле очень удобная страна. Вина много, и магазин всегда рядом. Закончили работу, заметно опередив график, но тянуть с презентацией не стали.

И вот настал час расплаты! Мы договорились с фотографами на утро в воскресенье. По нашим соображениям это было самое удобное время. Директор в выходной обычно отдыхал с семьей. Но тут то и случился этот самый прокол!

Свое творение мы собрали за шесть минут (засекли время), поставили в центре бутафорского цеха на втором этаже и стали ждать фотографов с деньгами. Мы никак не могли знать, что прогон спектакля, назначенный на неделю позже, вдруг по требованию комитета партии перенесут именно на это воскресное утро. Всех вызвали на работу, в том числе, официально и нас. Переносить встречу не стали. Решили все же рискнуть. Кто их, фотографов, знает? У этих семь пятниц на неделе! Вдруг новая тема затмит прежнюю...

А фотографы все не шли... Наконец, они явились, но, вероятно, из осторожности и предусмотрительности без денег, восторженно приняли работу, попросили дать им машину, а деньги они принесут потом.

Бессеребренник и в прошлом питерский интеллигент с Ленфильма, Мишка стал было соглашаться, но я его одернул. Что-то подсказывало мне неправильность такого шага, и я по приме-

ру театрального монтера Мечникова из «Двенадцати стульев» твердо сказал: «Деньги вперед!». Хоть лицо соседа выразило сложную смесь сожаления и презрения, хорошо знакомую всем деловым людям, я был непоколебим. С деньгами им явно не хотелось расставаться, но руки фотографов уже щупали и гладили объект своей мечты. Так они и ушли. Нам оставалось только ждать. Мишка недовольно ворчал. Ему казалось, что сделка сорвалась, и зачем теперь нам эта бутафорина? Что мы с ней будем делать, если не возьмут? Да и денег туда вбухали! Я в ответ высказал тезис, что был бы товар, а покупатель всегда найдется. Сказать сказал, но червь сомнения остался.

Демонтировать не хотелось – сидим в ожидании. И тут случилось это! То, что должно было случиться! То, что всегда случается по закону Мерфи...

В бутафорский цех весь в заботах со страданием на лице мимо нашего авто пулей влетел директор театра.

— Где кабинет Ленина? – набросился он на Мишку.

Тот знал, что директор его любит, и это придавало ему невозмутимости. Спокойно без спешки расставил перед начальством все нужные предметы: «вантажный» телефон, чернильный прибор, мятый чайник, люстру и много всякой мелкой всячины — точные копии оригинальных. Лицо директора успокоилось и разгладилось. Меня спросил о рекламе.

— А вот посмотрите, все сделано, все в порядке, переживать не стоит.

Уходя, бросил взгляд на сверкающий свежей эмалью автомобиль:

— А это что?

— Да так, ерунда! Друзья попросили нас подреставрировать...

Я сам удивился своему блестящему экспромту. На том инцидент и был исчерпан, но события продолжались. Потом мы узнали, что директор дал взбучку сторожу на тему, как тот мог проворонить доставку автомобиля в театр, да еще и на второй этаж! Сторож потом поворчал на нас, но успокоился поллитровкой.

Фотографы наконец-то приплелись. С деньгами! Мы к тому времени уже демонтировали автомобиль и снова собрали его уже внизу в столярке. С нами расплатились, и мы начали вывозить свое детище. Для этого я привязал к передней оси толстую веревку, пропустил ее в отверстие для заводной ручки и выкатил наше «чудо» во двор. Вот тут и началось самое интересное!

Из дверей черного хода на простор двора в полном гриме вышло все революционное правительство: Ленин, Дзержинский, Подвойский, Луначарский, Свердлов и не помню кто еще. Революционные матросы, рабочие... Я не случайно отметил, что машина очень даже спокойно выдерживала вес семерых взрослых мужчин. Эта веселая братия рванула к ней и заполнила все места, включая подножки. Заказчики начали было роптать, но я, зная актерскую заводную натуру, дал им понять, чтобы расслабились, что будет лишь себе дороже.

Я потянул за веревку, та поддалась! Автомобиль поехал! Мишка подталкивал сзади. Кто-то сунул красное знамя в руку одному из «пассажиров», что и поставило в мизансцене элегантную точку. Судя по голосам и виду артистов я понял, что они кое-что уже успели расprobовать в театральном буфете.

Так мы выкатились из двора на улицу. Впереди только что расставшиеся с деньгами ошеломленные фотографы, за ними я,

ведущий с собой за веревочку революционное правительство со знаменем, на дорогом товаре, позади, скромно поддерживая ландо, интеллигентный Михаил. Так доехали до угла. Ввиду того что был выходной, в этом районе милиции не было, и прохожих раз, два и обчелся, но такое безобразие могли увидеть парработники... Пришлось объяснить это разгулявшимся артистам. Как ни странно, но меня поняли (актеры, да еще и такого спектакля – народ, понимающий силу аргументов). Посолиднели, успокоились и чинно вернулись в театр. Фотографы приняли от меня веревочку и стали дальше буксировать уже наглядно обкатанное авто вверх по улице имени 28 июня, названной так в честь освобождения Бессарабии от румынской оккупации (теперь это день советской оккупации).

Директор некоторое время ворчал, что выгонит меня, если будет скандал (не народных же артистов республики уволить), но все обошлось.

Позже, приходя на рынок за покупками, мы с женой и дочкой не раз видели фотографов и автомобиль «Ретро», а однажды там я сделал с ним и с нами фотосессию. Так получились эти снимки.

Картиинки Старого Арбата

В 1986 году легкое дуновение свободы почувствовали все. Еще не была объявлена горбачевская «Перестройка», но отношения в районном торге, где я работал, стали заметно менее официальными. Ни славить КПСС, ни «к коммунизму держать путь» народ уже не шибко рвался. Партсобрания стало трудно отличить от обычной планерки. А числился я там бригадиром рекламной мастерской, где всех нас, художников, было аж четверо.

Еще совсем недавно в стране закончился торжественный парад высочайших похорон. Вся она смотрела «в ящик» и переживала новые веселые времена телемостов. Из них мы узнали, что в СССР нетекса и «Макдональдса», а как только вздохнули от этих новостей, так вдруг, в полном смятении чувств, увидели, что на московском Старом Арбате художники сами без указания свыше... выходят рисовать... на улицу... за деньги!..

Как когда-то декабристы разбудили Герцена, так вольные арбатские представители изящных искусств разбудили меня.

Проснувшись, я тут же решил одним из первых организовать подобное в Кишиневском парке Победы, но когда пришел туда в выходной со своими складными стульчиками, фанеркой, карандашами и бумагой, понял, что замечательная идея пришла в голову не исключительно мне одному. Целая аллея только художников! Они сидели сосредоточенно и рисовали с натуры портреты, и у всех была позирующая клиентура. Толпа стояла в очереди.

В будни мало кто хотел позировать. Эта работа по выходным, кроме чисто эстетического удовольствия, при низких ценах на портреты все же давала какой-никакой приработок.

Около трех месяцев длился этот «праздник жизни в искусстве», а потом постепенно все заглохло. Мы поняли, что в парке гуляет не все население города, а только те, кто там гуляют. Они успели сводить туда всех желающих, соседей, друзей и родственников. Туристов в Кишиневе явно для такого события недостаточно. Ну-

жен был постоянный приток новых «моделей». Из аэропорта меня, таки да, тривиально выперли. Рисование в зале ожидания вокзала тоже продлилось не шибко долго. Закончилось оно приглашением участкового проследовать за ним и очень вежливым, но доходчивым общением с начальником местного отделения милиции, солидным довольно интеллигентного вида мужчиной, хоть был он и в милиционской форме. Краткий диалог стоит того, чтобы на нем чуть заострить внимание, и звучал примерно так:

— Вокзал — это «режимный объект» и тут рисовать не положено!

Он говорил медленно и тягуче, глядя в стол.

— Да, но я же рисую людей, а не станцию.

— Я же сказал, не положено! — голос был усталый, но и я не уступал:

— Если бы я хотел нарисовать станцию, то пришел бы без инструментов, налегке, руки за спиной... Посмотрел бы минут пятнадцать и ушел домой рисовать. Наказывайте тогда меня, если упустил бы хоть один семафор, заправку, или стрелку.

Он поднял на меня глаза:

— Я понимаю. Вы профессионал, но вы же не хотите, чтобы из-за вас меня выгнали с работы...

Это был запрещенный прием, удар ниже пояса. Против такого у меня не было аргументов. Он сработал. Я больше туда не пришел.

Вот тут мысли мои обратились к первоисточнику. Московский Арбат и мое на нем присутствие стали обретать реальные контуры.

Однажды, набравшись нахальства, я поговорил с директрисой торга. Эта приятная и умная женщина ценила меня за то, что, для работы я находил способы обходиться минимальным количеством материалов без заметного ущерба качеству. Например,

я мог соорудить трехместный киоск, для ярмарки, используя четыре листа оргалита и три шестиметровых рейки или стандартный прямоугольный каркас из труб так завесить сатиновыми лентами с текстами, что создавалось впечатление солидной многоместной торговой точки. Многолетний рекламный и оформительский опыт работали на меня. А главное, я никогда ее не подводил сроками и не заставлял волноваться. Правдами и неправдами я выклянчил у нее разрешение сгонять в столицу на недельку с условием заранее сделать все эскизы и наперед все возможные плакаты.

Все сделал, ребят загрузил работой и умчался, имея в кармане всего навсего 70 рублей. Этого было достаточно лишь на сутки съема квартиры и обратную дорогу поездом. Не прокатит — в поезд и домой!

Вот и Москва! Поезд прибыл утром. На вокзале ходят и кричат: «Кому квартира?» Ха! Попробовали бы года два назад так покричать, думаю.

Бросаю в квартиру чемоданчик, этюдник, складные стульчики на плечо и — на Арбат. Метро Арбатская, мимо кинотеатра Художественный, подземный переход — и я уже у Праги (популярный ресторан на углу Старого Арбата). Художники сидят, но пока немного. Решил пройтись до самой Смоленской площади, посмотреть что к чему.

Винтажные фонари, брускатка — ну прям Европа!

Наибольшая плотность творческих личностей у Праги.

Портретисты по максимуму освоили этот «пятачок». Все виды техник: от угля, карандаша, пастели, сухой кисти и до масла. Рядом помост, с которого по очереди вешают охрипшие поэты. Слева длинный забор какого-то долгостроя, явно наспех завешенный грубыми и примитивными картинками без претензии на новизну идей и профессионализм. Под ним расселись очень хипповые личности. Так они застолбили себе места на всякий слу-

чай. Приветливыми я бы их не назвал... По линии фонарей бесконечные столы сувениров и матрешек. Зазывают на все лады. Все магазины работают. Там и сям перекупщики продают картины.

У Театра им. Вахтангова опять помост. Какой-то малый, надсадно рыча, аккомпанируя себе на гитаре, пытается исполнять песни Высоцкого. Толпа бурно реагирует.

Те из портретистов, кому ложная скромность мешает открыто заявить о себе, отираются по углам. Еще и еще все повторяется, но все меньше ажиотажа. Дальше энтузиазм масс и вовсе иссякает. Выше в гору улица становится обыкновенной, похожей на многие другие улицы столицы. Кто-то сказал, что у Смоленской площади тоже рисуют, но, как видно, то была ошибка.

Вернувшись к Праге, я еще раз окинул взглядом группу портретистов, набрался наглости и прошел в самый центр «авторитетной кучки».

— Могу я здесь приземлиться со своим стульчиком?

— Валяй! — ответил кто-то не глядя.

Я присел и раскрыл этюдник, краем глаза начиная замечать на себе любопытные взгляды. Так продолжалось, пока ко мне не напросилась первая модель, красивая девушка с волнистыми русыми волосами. За полчаса я лихо отмахал пастельный портрет по всем правилам крепкой русской школы. Пока рисовал, постоянно чувствовал спиной визуальный контроль соседей по цеху.

Когда закончил, ко мне подошли ребята с расспросами.

Кто, откуда, где учился? Я не скрывал...

— Ты наш! Ежели че, обращайся! — сказали хмурые парни в тельниках и похлопали по плечу.

Позже я узнал, что это «афганцы», забытые Родиной участники той войны. Они почти не рисовали, а только трапезничали с водичкой на этюдниках, да изредка дрались между собой, больше для разминки, чтобы не потерять форму, чем со злобой.

Первый день был урожайным. Смог позавтракать, пообедать и поужинать в забегаловке под Прагой, а вечером расплатился с хозяйкой вперед за всю неделю. Дальше пошли нескучные арбатские будни. С утра уже был на месте. Я ни в чем себе не отказывал. По вечерам даже иногда ходил в театры от традиционных до супермодерновых и эротических (тоже новое как никак!) Посещал фильмы в кинотеатрах, выставки на Крымском Валу, Кузнецком Мосту, Третьяковке, «Манеже» и др.

Арбат гудел от самых разных людей. Многие соскучились по свободе и искали простого общения. Пока я рисовал, мне успевали излить душу все кому ни лень: воры и брачные аферисты, артисты и каскадеры, проститутки, пьянячки, работяги, пенсионеры и провинциальные искатели столичных приключений. В общем, «Декамерон» и «Тысяча и одна ночь» в одном флаконе!

Вопреки страшилкам СМИ о жутком рэкете никто художников не трогал, кроме редких угроз милиции, в основном, по ночам, которая тоже, видать, хотела заработать, но пока не знала, как это делать без скандала. Этих «деревянных» всему учить надо, чем и старательно занималась мгновенно пожелтевшая пока еще советская пресса.

Береженого бог бережет! Примерно в ста метрах от моей точки была сберкасса, куда я к концу дня относил дневной заработок, оставляя себе одну сотню на расходы. Если совсем ничего не будет, это может вызвать подозрения у тех же ментов, которые иногда «сшибали» с художников мзду... Крохоборы! Но как ни странно, ко мне не цеплялись. Пару раз выгоняли ночью из подземного перехода, а в это время «клев» очень хороший. Домой в Сокольники уезжал обычно последним поездом метро, а утром снова на работу. Тому, кто сейчас кривит улыбочку, скажу, что работа эта непростая, а очень даже настоящая. Пускай сам припомнит, какую халтуру он, как и многие другие, допускал на своей официальной государством освященной работе.

Для человека, который сел ко мне вечером, я должен быть не менее свежим и бодрым, чем для того, кто позирает утром. Усталость не принимается. Приведу пример.

Рядом со мной рисовал один парень, архитектор по профессии. Он рисовал хорошие графические портреты тушью и углем в своей оригинальной манере. Мы сдружились и общались в перерывах. Как-то вечером к концу трудного дня встретились с ним усталыми взглядами. Выдержали паузу. Резко встаем и как по команде натянули на лица веселые улыбки. В конце работы так же дружно над собой посмеялись.

Заработал я там нехило и стал наведываться в столицу примерно раз в два-три месяца. На выходные гастролировал в Одес-су, по отпускам вечерами подправлял отпускной бюджет в Ялте, Сочи и Пицунде.

Арбат для меня стал почти родным домом. Я появлялся там под веселые крики и приветствия коллег. Люди ждали моего приезда, чтобы получить портрет исключительно от меня. Девушки уходили, нежно прижимая к груди мои картинки. Так хорошо, как тогда я себя никогда еще не чувствовал. Я встречался там с множеством друзей и знакомых со всей страны. Это было волшебное место. Если хоть один знакомый на один день приезжал в Москву, то он обязательно направлялся на Арбат, а это значит, что непременно проходил в метре от меня. Было и много другого интересного. Обо всем не расскажешь!

Однажды меня, как настоящего артиста, даже «искупали в аплодисментах».

А дело было так.

Шел дождь, и все художники с улицы спустились в подземный переход. Они заняли всю левую его половину. Этюдники и лица портретируемых были повернуты к свету, то есть, в направлении ступенек. Я сидел на самом видном месте в центре. Зрители

стояли на лестнице, половина которой была под козырьком, что защищало их от дождя. Часть из них заняла менее удобные, хотя и более сухие зрительские места в самом переходе, но справа оставляя идущим проход не более метра шириной.

И вот тут садится ко мне красавец с атлетической фигурой и лицом рубенсовского Христа. Тонкий прямой нос, огромные завораживающие голубые глаза, длинные гладкие русые волосы с пробором посередине, волнистая бородка и величественная шея, как колонна! Разумеется, его заметили все и зашептались. Парень оказался руководителем спортивного общества греко-римской борьбы. Я быстро нарисовал портрет, разумеется, подчеркивая сходство моей модели со Спасителем. Народ взорвал импровизированный «амфитеатр» аплодисментами! Следующим тут же сел очень кудрявый брюнет с такой же кучерявой бородой и круглым обветренным лицом в мелких морщинках. Из этого веселого обрамления, как блестящие маслины, с любопытством смотрели живые с хитринкой глаза. Он оказался художником-фотографом и изнутри сиял творческим светом. Я в порыве за секунды накручиваю углем его кудряшки и точками ставлю на место глаза. Амфитеатр снова взрывается! Дальнейшие подробности уже были делом техники. Получился мужик таким как в жизни. Аплодисменты и толпа желающих.

Хотите — верьте, а хотите — нет, но в тот день я нарисовал десять (10) портретов пастелью! Арбатские друзья отметили, что такого случая с аплодисментами в их практике еще не было. Поздравляли меня и отметили это событие традиционно по-русски. Удобный гастроном находился недалеко на Калининском (Новый Арбат).

Я уже учился в пединституте (теперь университет), но на Арбат продолжал ездить до 1991 года. Много я рисовал иностранцев. Этих за доллары, разумеется. Вели они себя по-разному, в зависимости от ментальности. Однажды подошли ко мне баскет-

болисты (таких ни с кем не спутаешь) и посадили передо мной огромного, как теперь говорят, афро. Не слишком разбирайся в тонкостях, я назвал его так, как в Америке называют их презрительно. Парни на меня зашикали, я, конечно же, сразу извинился, но он не высыпал до конца и ушел. Воспитанный оказался, а не то мне бы несдобровать.

Вот с голландцами однажды было очень интересно. Седой мужчина в белом костюме с вышитыми на нем узорами долго стоял, глядя, как я рисую. Потом он попросил нарисовать его жену. Я сказал, чтобы он привел ее, но тот уговорил меня пройти к ней. И тут я увидел любопытнейшую картину. Пожилая, но стройная женщина, одетая не то как хиппи, не то в фольклорном стиле, в плоской шляпке, обвитой венком искусственных цветов, вышитых жилетке и переднике поверх сарафана, крутила ручку старинной шарманки и пела высоким голосом. Мне пришлось ее нарисовать, как видел, с шарманкой. После ко мне сел и ее муж. Говорят, что голландцы жмоты, но тут было отнюдь не так. Расплатились щедро.

Немцы вели себя удивительно. Как я позже понял, так они ведут себя всегда. Стоят за спиной, долго смотрят, но не поддаются уговорам позировать. Вдруг один из них садится — и вся очередь твоя! Так было и на южных курортах. Однажды немец простоял у меня за спиной весь день. Как видно, он меня среди других как-то выделил. Потом заговорил на хорошем русском. Предложил приехать в павильон на ВДНХ и рисовать там его коллег. Цену за рисунок назвал вполне приличную. Я ответил, что если он обеспечит мне не менее четырех человек в день, то я согласен. На том и порешили. Поработал я там целую неделю и не без плезири. Компания по выпуску программных станков и робототехники оказалась очень даже приятной в общении. Рисовал двоих до обеда, обедал в их буфете, а после еще двоих. Являлись точно по времени, минута в минуту. Хозяин фирмы,

молодой мультимиллионер, проходя мимо, всегда приветствовал улыбкой, приподнимая шляпу. Повар угостил особенным бочковым пивом из маленькой семейной пивоварни. Иногда кто-нибудь из них подвозил меня до метро на машине.

С англичанами был тоже интересный случай. Когда ночью я и несколько других работали в подземном переходе, мужчина лет тридцати посадил на мой стульчик свою красавицу-жену. Роскошная блондинка с огромными голубыми глазами. Люди только начали выходить из Праги, как вдруг на них налетела ватага подростков с бейсболками по самые уши и козырьками назад. За секунды успели избить одного мужчину, но тут наши «афганцы» задали им жару. Несколько остались на полу в пе-

реходе, а остальные разбежались. Наши побежали добивать убегавших. Англичанин даже бровью не повел. Только побледнел заметно. Я объяснил ему, что он может быть спокоен. На художников и их клиентов не нападают, что было правдой, хотя и удивляет. Художник — легкая добыча. Толкни ногой этюдник и убегай. Много не надо! А объявленного СМИ ракета, повторяю, не было. Неужели я бы о нем не знал? «Гастролеры-отморозки» избили двух перекупщиков, отца с сыном. Вот и все. Об инцидентах с художниками я за все время работы там ни разу не слышал. А ходил я по Арбату много и днем, и поздно ночью.

Вот стих о том времени, который я там же и написал. Он хотя и атмосферный, но художественный, а не автобиографический.

АРБАТ (1987)

Вчера уволился с работы,
А полегчало, как от рвоты.
Пусть не мечтают, идиоты,
Что я без них пойду ко дну.
Мое решение созрело.
Берусь я за родное дело.
Свое чувствительное тело
В арбатский воздух окуну.
Судьба моей рукою водит!
Вот сон нежданный наяву —
Такая жизнь мне подходит.
Рюкзак, билет, лечу в Москву!
Меня встречает свежий ветер!
Всех вас, и взрослые, и дети,
Изображенем на портрете
Отсюда в вечность позову.

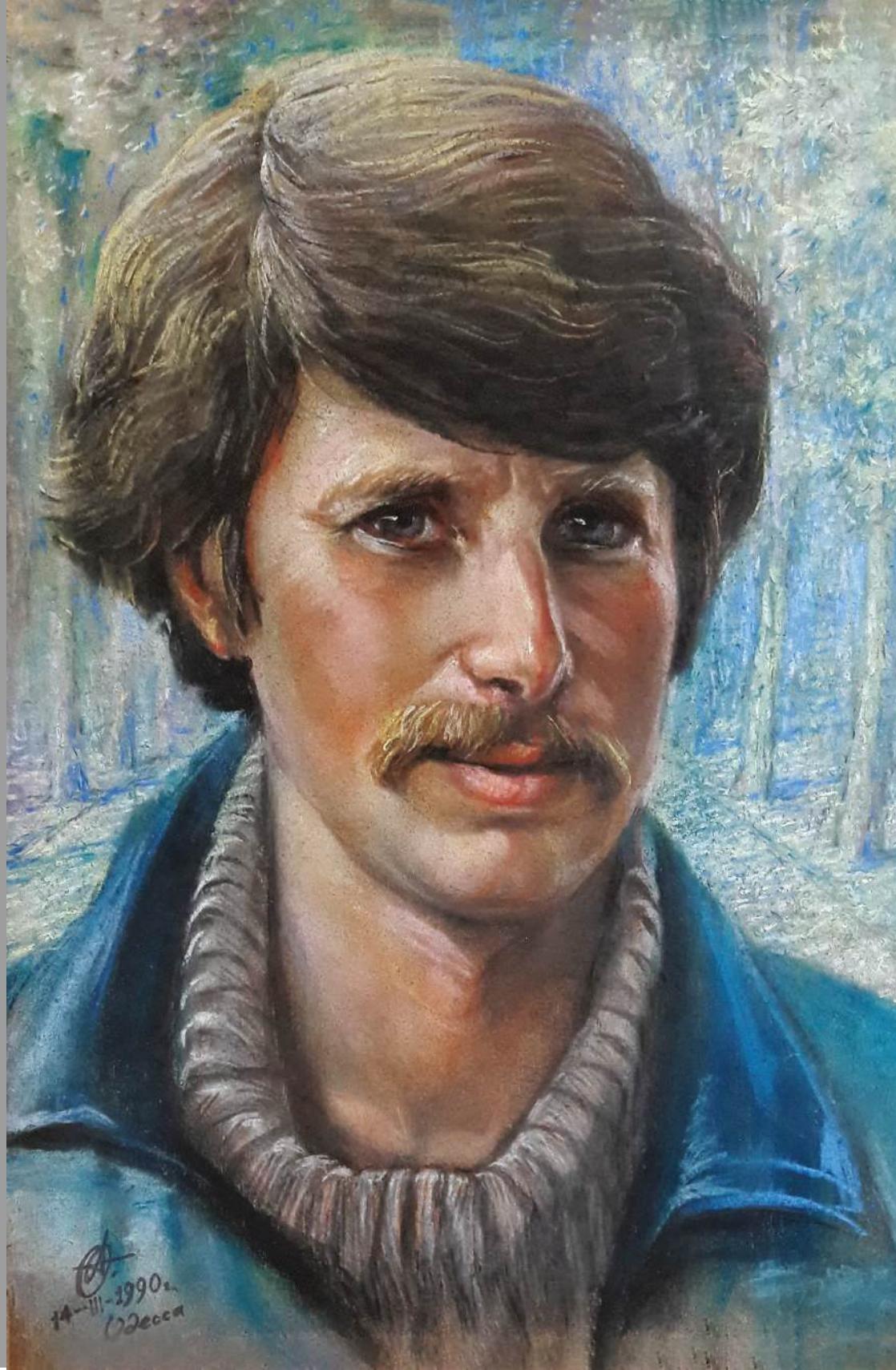
«Зимний автопортрет» (картон, пастель, 45×30 см, 1990 г.)

Примите след руки умелой.
Мой росчерк на бумаге белой
Раскроет правду жизни целой
И впишет новую главу.
Вериги лет откинув тонны,
Веселым ветром опоённый,
Уверен, только захочу,
Я над Арбатом полечу!
Увижу сверху чудо это:
Людей бурлящую толпу,
Художников, певцов, поэтов,
Цыганок, знающих судьбу.
Однако размечтался, псих,
Займу я место среди них
И приземлюсь. Летать не буду —
Конец приходит даже чуду.

Автопортреты
в трёх стилях (1990 г.)

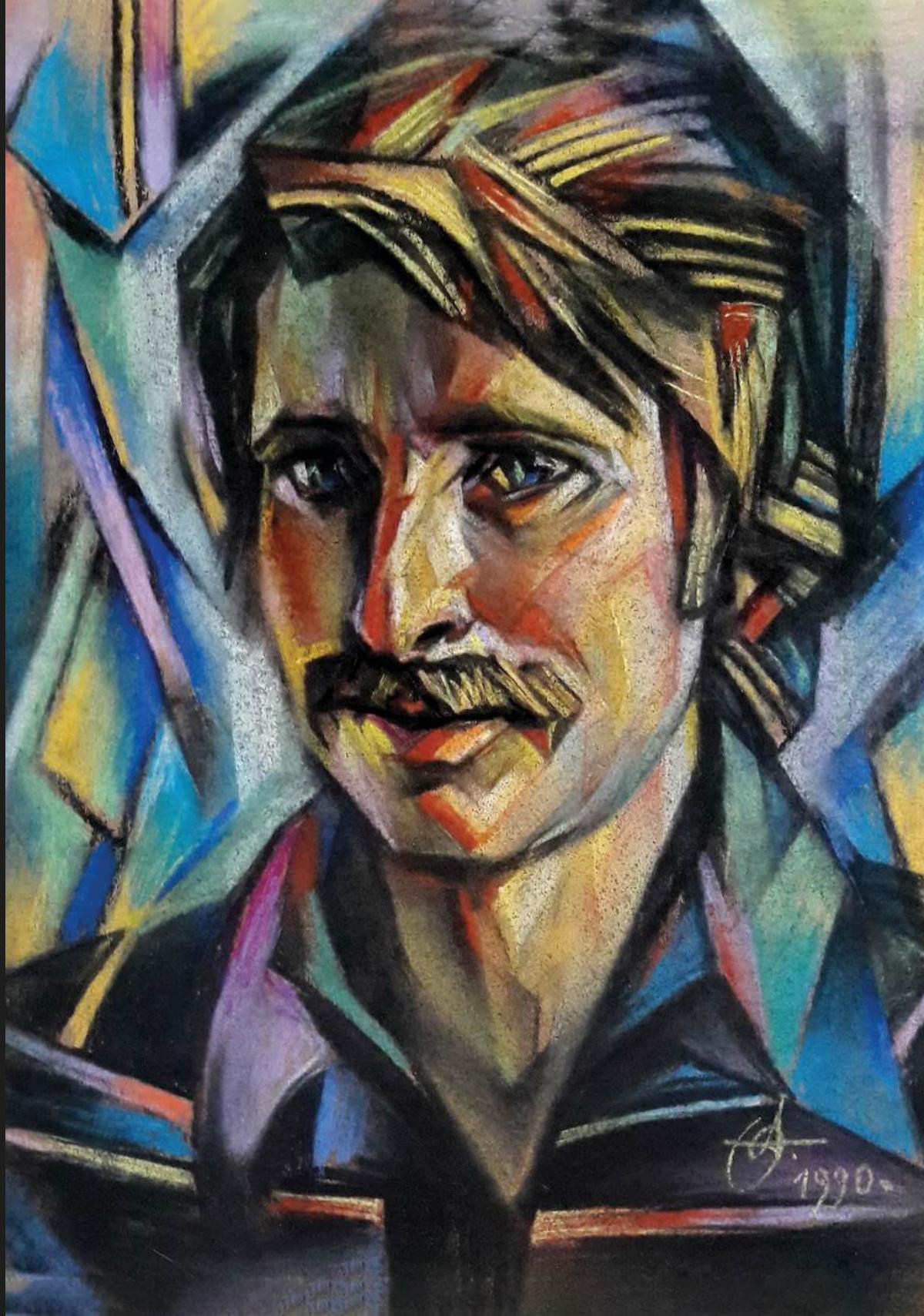
А

«Автопортрет (импрессионизм)» (картон, пастель, 45×30 см, 1990 г.)

«Автопортрет (футуризм)» (картон, пастель, 45×30 см, 1990 г.)

«Автопортрет (кубизм)» (картон, пастель, 45×30 см, 1990 г.)

ТЕТРАМЕРОН

Четыре поэтических новеллы,
написанных сидельцем в карантине
по поводу всемирной паники корона-вируса

1)

**ШАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ
И ЧУДНЫЕ МГНОВЕНИЯ
(художника ночные откровения)**

«ТЕТРАМЕРОН»
(исповедальный всплеск моих семидесятых)
Здесь нет обманутых мужей. Уйдут со мной чужие тайны.
Любые совпадения случайны.

Шальная жизнь – шоссе в две полосы:
Одной живу, другою в память возвращаюсь.
В таких коротких randevu ни разу не раскаюсь,
На собственном суде всё ставя на весы.

То было так давно... Село близ Кишинёва:
Домов веранды, виноград, витые стены из лозы.
Я клуб им оформлял, там ночевал и до слезы
С соседкой пил вино от урожая молодого.

Осенний вечер. Ни жары и ни грозы.
Нежданно в жизнь мою невиданной красы
Влетела птичка – деревенская девчонка.
А в женских прелестях я разбираюсь тонко.

Прекрасный образ не идёт из головы:
Шатенка, леди из мечты с лицом ребёнка.
Заставила краснеть, увы, захочотала звонко,
Когда на ушко прошептал: «Стемнеет – приходи».

Когда студентом я бродил, ища модель для обнажёнки,
Упорством брал: из десяти одна, но всё же приходила.
А тут позвал – и вот она, как фея, в тонкой рубашонке
И кашемировой юбочонке, по краю вышитых премило.

А было так: решив, что вечерок пропал, я задремал.
Сморила тишина. В окне луна, и клуба тёмный зал.
Гостей не ждал, но двери на засов пока не запирал.
Вдруг в полуурёме направляет голос сонный:

«Ты дверь скрипучую пошире распахни,
Из света в тень, как силуэт мадонны,
Босой ногой через порог шагни.
Войди, виденье, сон лишь не спугни!..»

Вот это да! Ты тут, и сны не врут. И пряди распустила,
И вихри шёлк волос несут, меня живою одаряя силой!
Выходит, только для меня ты всё нарядное надела.
Отлично, милая моя, ну а теперь другое дело.

Событие, признаться, непростое:
Темно, красавица пришла ко мне одна!
Так выпьем же с тобой на брудершафт вина,
Чтобы потом расцеловаться стоя!

Колышет грудь твою дыханья ветерок,
Развязан поясок, скользнула юбка с ног.
Привычным жестом потянул шнурок –
Рубашка полетела следом, чтобы

Всё восхищенье мастерством природы
Душа и взгляд сумели пережить. Ты без белья.
От напряжённых розовых сосков до чувственного рта
Звала к себе, сияя чудом в лунном свете, красота!

В один короткий миг слетело всё с меня.
Сплелись, прижались жаркие тела.
Мы на спортивный мат упали оба,
Катаясь по нему в чём мама родила.

Я задыхаюсь в бесконечном поцелуе,
Вершины страсти тороплюсь достичь.
Глаза в глаза. Люблю! Хочу ещё любить,
Ещё, ещё!.. И в тишине ночной всё завершить.

Полночи нам любовь скучая отвела... Вдруг – прыть!
Вскочила, мигом облачилась, как была, и зашептала,
Стараясь быстро говорить: «Ой, мамочка моя идёт!
Бегу–бегу! Пора! Пока! Прошу меня простить!»

Вино и прочее убрал и под одеяло – шмыг! Она вошла.
Она тебя искала. Вмиг корни красоты твоей постиг.
Ты, птичкою вспорхнув, минутой раньше убежала.
Дальнейшие подробности могу и опустить.

Ты радовалась мне, и ты меня желала.
Какой чудесною могла бы сказка быть...
Но тайна наша вечной тайной стала.
Наутро, не успев предупредить,

Уже я ехал, торопясь, домой:
Мне в ящик телеграмма прилетела.
Начальство меня видеть захотело,
Жизнь диктовала распорядок свой.

Но ты была моей, и я был твой,
И так влюблённо на меня смотрела...
Мы бросились с тобой, как в омут головой,
Рассудок променяв на страстный голос тела.

Любовь почти без слов явилась нам тогда,
Оставив в памяти бесценные мгновения,
Как вспышка молнии, как новая звезда,
Без обязательств и без объяснения.

Причин поступкам женским миллион,
И разбирать их не мужское дело.
Угрюмый моралист на скучу обречён.
Раздумывать в момент любви – беда!

Сулит нам счастье миг лишь иногда,
Но продолженье – жизнь совсем иная.
Случайное, как сон, уходит навсегда,
Когда любовного не достигает рая.

Проходит всё, но по-любому дам совет:
Одна закрылась дверь, откроется другая!
А где же ты теперь, подружка дорогая?
Случайно встретились, но через пару лет.

Рассказывала, гордым видом остужая,
Что ты теперь начальница большая
На знаменитой фабрике конфет.
Стояла строгая и важная такая.

И красота твоя лишь больше расцвела.
Ты той же славной девочкой была,
А в прошлое назад дороги нет.
Сказала тихо, но не без металла:

– Я замужем... давно...
Итак, доехали – весёлый хэппи-энд!
Рождён для водевиля наш сюжет.
Я помахал рукой ей, как в кино:

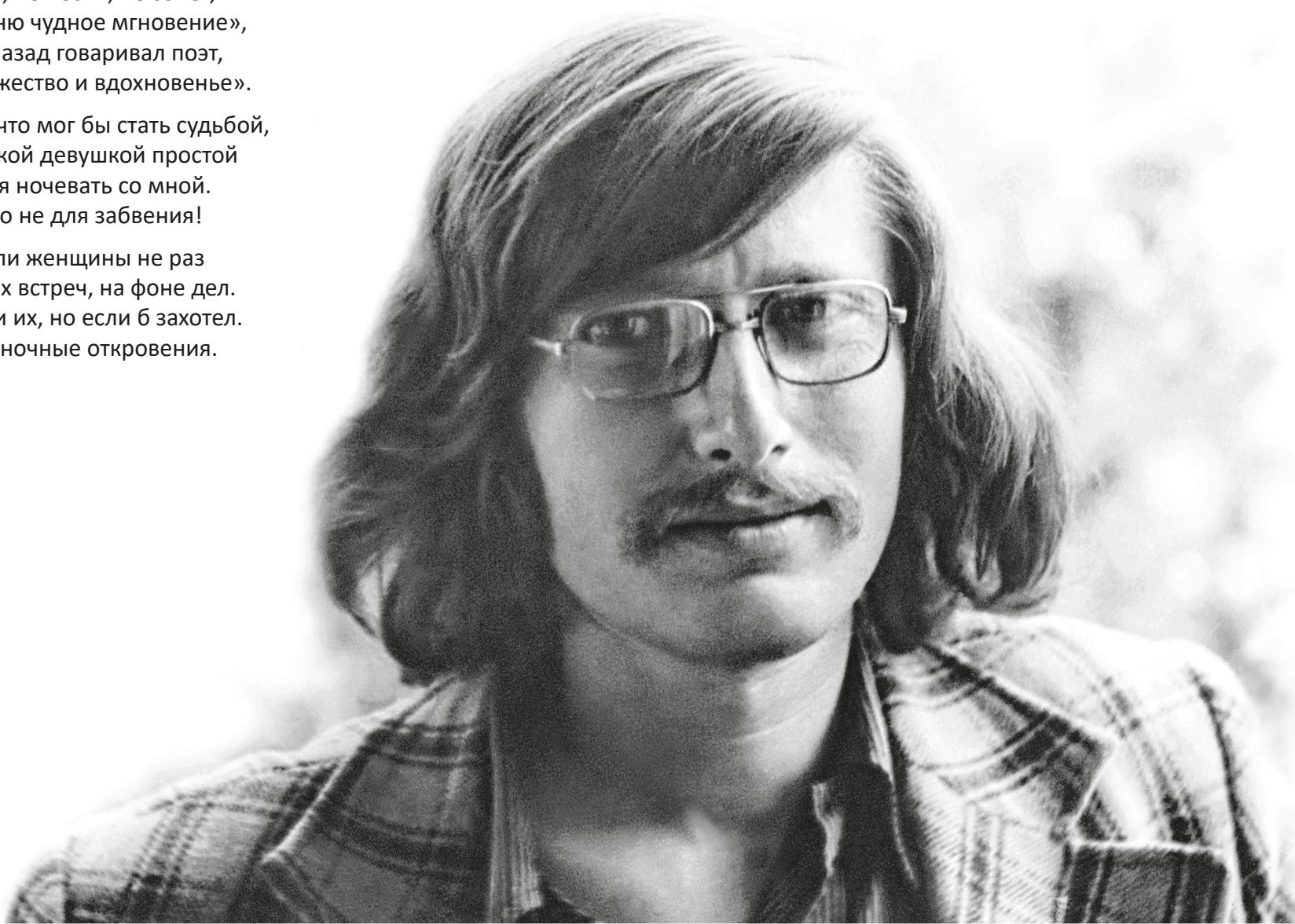
– Что ж, мужу передай привет!
Растаяла, след опьяняя запахом конфет.
А «Вишня в шоколаде», «Птичье молоко»...
Гадать не вижу смысла – далеко.

Обхохотаться! У тебя – семья!
Один момент – минуту уважения.
Шальную жизнь – на круги своя.
Определим сюжет... как увлечение.

Пусть не романс, не песня, не сонет,
Но всё же «помню чудное мгновение»,
Как двести лет назад говоривал поэт,
Познавший «божество и вдохновенье».

Восторг любви, что мог бы стать судьбой,
С весёлой сельской девушкой простой
С тех пор остался ночевать со мной.
Прекрасное дано не для забвения!

Другие возникали женщины не раз
Среди случайных встреч, на фоне дел.
Припомнил бы и их, но если б захотел.
Бываю лёгок на ночные откровения.

2)

Шикарная Светлана
и кое-что ещё, про капитана

**ШИКАРНАЯ СВЕТЛНА
И КОЕ-ЧТО ЕЩЁ ПРО КАПИТАНА...
(история весёлого курортного романа)**

«ТЕТРАМЕРОН»
(исповедальный всплеск моих семидесятых)
Здесь нет обманутых мужей. Уйдут со мной чужие тайны.
Любые совпадения случайны.

Бессмысленные карантины,
Прививок беспредел и маски...
И комбинаторы рисуют сказки.
А у меня свои есть, как ни странно.

Итак, она звалась Светланой.
Красива, как вакханка из картины!
Поверьте, вовсе не сгущаю краски.
Походкой короля придя на танцы,
Я пригласил шикарную блондинку
И в ритме танго, как бы между делом,
Просил её собой украсить нашу вечеринку.
«Вы выглядите с ней совсем как иностранцы», –
Знак высшей похвалы озвучил капитан в мундире белом.
С печаткой перстень, кортик на ремне, краб на фуражке...
Дымил он трубкой дорогой, зуб золотой, шикарные замашки,
А над орлиным носом загорелым разлёт густых бровей,
И завершала вид бородка без усов.
Был крепок, брав и басовит, но ростом невысок.
Весь номер в якорях, кругах, стереоснимках кораблей.
А как хорош, когда заговорит! Повествовать всегда готов:
О путешествиях, морях, портах и дальних странах –
Бомбее и Кейптауне, Марселе, Ливерпуле, Каннах...
Лишь в детских книжках я подобное читал о капитанах.

А тут – торговый флот и кругосветки чуть ни через год!
Уверовав, что старый капитан не врёт,
На информацию его развесив уши,
Я рисовал ему портрет и слушал.
Порою правду принимал за анекдот.

В тот майский вечер в номер капитана
Мой друг, три милых дамы, капитан и я
Собрались отдохнуть как добрые друзья.
А был наш капитан большой любитель джаза,
Так познакомились мы с ним у входа на турбазу.
Разговорились и нашли, что мы близки ментально,
Ну а на джазе он и я сошлись фундаментально,
Плюс общие друзья – мои соседки детства.

А о себе добавлю без кокетства:
Волосы русые длиной почти до плеч,
Ходил в очках, усы, бородку отпускал,
Носил костюм, всегда сидевший идеально.
Ведь в Доме Моды всё же, как-никак,
Витрины ателье и интерьеры оформлял,
Шагал на дефиле, на подиум взбегал.
То и другое выполнял профессионально.
Не прочь коротких романтичных встреч,
Закрывшись в студии, подружек принимал,
Настроен был не очень высокоморально.

Так вот, в магнитофоне саксофон играл,
Я пил вино и со Светланой флиртовал.
Держа в руке бокал, сквозь томный блюз
Шептал на ушко то, что ангел диктовал,
Вдыхая нежные духи и тая, как в нирване.
Нам в знак поддержки капитан моргал.
А даму для него мой друг с собой привёл.
Он, друг мой, был силён в амурном плане –

Себе уже красавицу нашёл,
Помог найти ему и рядом усадил за стол.
Так все довольными сидели,
А фоном – старый добрый джаз.
Мы со Светланой танцевали,
Деликатесы ели под вино...
Когда все разошлись, а мы остались,
Моргнув последний раз, чтоб не терялись,
Моряк с подругою направились в кино.
Там рвущий душу шёл индийский фильм давно.
Теперь же с ней наедине я волю дал рукам –
Мы вмиг на кожаном диване оказались.
Всё получилось, как не ждал и сам,
Ласкались, обнимались, целовались...
И кое-что ещё, что знать не стоит вам.
Чуть позже, встав, оделись и прибрались.
«Какой ты ушлый!» – мне она сказала.

Когда же возвратился старый капитан,
Мы, на его диване сидя, тихо ворковали.
С ним и с подругой мило распрошались,
Пускаясь «дрейфовать к зелёным берегам»
(Цитирую опять я капитанские сравненья).
В лесной пионерлагерь начали движение.
Его мы с тем же другом оформляли,
Который капитану протеже свою привёл.
Он раньше всех домой с красавицей ушёл.
Напарник был хороший, работали исправно.
Лес пел и заливался соловьями.
До домика дошли, упали вместе спать...
Какой там сон! Лишь только разыгрались!
Наутро я пошёл на базу даму провожать,
И с другом мы весь день героев рисовали.
Устали страшно и расслабиться решили.

Бутыль схватив, не мудрствуя лукаво,
Поехали в село на мотоцикле «Ява».
Вином бутыль наполнили до края,
Но пробку где-то потеряли второпях.
Чтоб не пролить, из горлышка отпили.
На спиртовом газу в калитку проскочили...
Между столбов! И не разбились, не разлили!
Увы, за эти подвиги нам не светила слава –
Лишь юному свидетелю досталась красота.
Дав адрес, поручили пионеру (не бесплатно),
Чтоб сбежал шустро на турбазу и обратно
Подружек пригласить на вечер в гости.
Но, как стояли, так упали и уснули.
Работали ж ещё весь день с утра...

Когда проснулись, в окнах темнота,
Сверкает, гром гремит и льёт как из ведра.
Ну кто же... в тёмный лес... в грозу... Не ждать?
Вдруг местный егерь в плащ-палатке заявился.
Розовощёкий, улыбается лучисто,
С мясной закуской – значит можно начинать!
Вдруг в окна застучали... Открываем –
Три грации! Светлана среди них.
В плащах, при капюшонах, сапогах вбежали.
А что гроза? Сидеть скучать на той турбазе?
Разделись, сели. Светлана лишь одна в плаще стоит.
Сказала, что простила, без вина и вообще знобит.
Садись, нальём – придёт конец заразе!
Все под гитару дружно спелись и спились...
Час подошёл – по комнатам попарно разбрелись.
Лишь за Светланой закрываю дверь, входя в «чертоги»,
Она распахивает плащ и – поминаю мать!
На ней лишь сапоги на босы ноги!
Да. Шутка удалась! Нахохотались всласть.

И ночь была волшебна и длинна... А спозаранку
Я в стиле ню прекрасную вакханку с натуры рисовал.
Рисунок этот мне остался. Светлана не могла его принять,
Увы! Хотя вполне могу понять – как ей такое дома показать?
И были ночи, ночи, ночи... Жаль, Свете время уезжать!

Проходит ещё пара дней. Встречаю капитана.
Уж очень был печален старый мой моряк.
– Как? На любовном фронте что не так,
Или от скучной жизни нервы сдали?
– Отнюдь! История проста как мир, стара –
Банально обокрали. И кортик, и магнитофон забрали!
Лишь эту мою трубку уникальную не взяли –
По трубке можно вычислить вора.
Портрет и фото кораблей украдь не пожелали.
Хоть деньги в сейфе у начальства сохранил.
В Молдавию родную больше не приеду –
Выходит так, что я на родине не мил?..

3)

Народейка Лариса и вуайеристы

«ЧАРОДЕЙКА» ЛАРИСА И ВУАЙЕРИСТЫ

Роман курортный в меру чистый,
чудес – за край! Бокаччо, отдыхай!

«ТЕТРАМЕРОН»

(Исповедальный всплеск моих семидесятых)
Здесь нет обманутых мужей.
Уйдут со мной чужие тайны.
Любые совпадения случайны.

Настала «мировая пандемия». Не отойти от дома – «мамма миа!» В повальном карантине от «корон» Пишу я этот свой «тетрамерон». Случилось так, что от профкома Я как-то получил поездку на Кавказ – Аж две «горящие» путёвки враз. Ах, что за время – лета бабьего истома! Мне хватит и одной, но и вторую жаль терять. Соседке-стюардессе предложил, короче: – Летишь? – Чем будешь отвечать? – На борт тебя возьму с собой до Сочи. – Ништяк! Вот случай зайцем полетать... Прибыв на место, тут же разбежались. Вдали свидетелей мы любим отдыхать. На этом... тему стюардессы исчерпал. Рассказ о ней отныне не продлится, А «чародейка» хитроумная Лариса

Взойдёт на высоченный пьедестал...
Не важно, как, в который день и где
На этом горном фоне пасторальном,
Прижавшись поплотнее, в тесноте,
Предмет-Ларису изучал детально.
Мы засиделись с нею допоздна.

Была направлена моя забота,
Чтоб не скучала девушка одна
И заводилась с полуоборота.

– Ну что ж, пора, пошли к тебе уже?
В ответ, загадочно Лариса улыбнулась:
– Пойдём, а почему бы нет?

Случайных встреч расхожее клише...
Вошли, включили свет.

И тут я замечаю на кровати
Сидящую подругу в неглиже,
Довольно страшненькую, кстати.

Лариса ей во всём противовес:
Копна густых волос соломенного цвета,
Прямая шейка и в глазах лазурь небес,
Точёная фигурка, хорошо одета.

Меня к себе пригнула и на ушко:
– Ты к ней пойдёшь?

Я обалдел, чуть не упал с копыт:
– Ну ты даёшь! Не хватит водки, душка!

Втроём ешё куда ни шло, и вариант закрыт.
– Пойми... хочу, чтоб ты со мной, как будто с нею...
– А это ж как? Совсем шалею! Подробнее нельзя?
– Мы тут с тобой вдвоём,
Она пусть видит нас и чувствует тебя, как я.

– Кто ж чародейка, ты или лахудра?
Ответом стала наша «Камасутра»
Под тихие стенания подруги.
И ночь была, и было утро.
Себе мог только удивлялся сам.
«Эквилибристка» выдавала трюки.
Назавтра снова в домик приходил
И снова честно делал своё дело,
Притом замечу, что не без плезири...
Пока подруженька домой не улетела,
Но нас уже поймал коварный голос тела!
Ларисе же... в уже «отдельную квартиру»
Вмиг подселили ту, что ей годится в мамы.
Чудить мы по лесу продолжили упрямо,
А там везде глаза, глаза из-за кустов
Пронырливых кавказских пацанов.
Красив Кавказ, его леса и горы,
Но там вуайеристы, точно воры
Ведут себя... будто хотят украсть
С собою унести нашу любовь и страсть.
А, в общем, ничего, широкие просторы.
Живущий бобылём пороками влеком!
К нему всегда кого-то подселят.
Один сосед ушёл, другой на место следом.
Так, в домике моём был старовер соседом.
Пройдусь хоть парой слов о нём:
Был худ и ростом мал, хитёр, как дипломат.
Огромные зелёные глазищи – точно кошка.
В костюмчике похож на Геббельса немножко.
Ему сказал я:

– Погуляй пока, сегодня приведу я даму.
А часиков так после десяти вернёшься.
А если надо что тебе, то обращайся прямо.
– Не бойсь, веди её, помочь соседу рад.
Пойду в кино. До десяти пробуду там.
С Ларисой лишь вошли – и ну скакать...
Теряйся, стыд, и начинайся, срам!
И вдруг из-под большого покрывала
Знакомые зелёные глаза.
Забрался, сволочь, под свою кровать!
Я бешенство сдержал, не подавая виду,
Чтоб девушку не напугать,
Продолжил, как ни в чём и не бывало.
Потом пошёл с Ларисой прогуляться.
Вернувшись, так его прижал,
Что стенка задрожала,
И стал с мерзавцем разбираться.
А он в ответ:
– Даык, понимаешь, не было кино.
В лесу темно, хоть караул!
Домой припёрся, под кровать нырнул,
Подумал, не найдут, а тута – эка вона...
Он уговор нарушил, да ещё соврал,
Перетрухал. Но знал, пожаловаться мог,
А мне не нужен был скандал – он улетал.
Для старовера и начальства,
В тот вечер я был вне закона.
Вот, наконец-то, долгожданная свобода.
Да здравствует свободная любовь!
Мы спрячемся от глаз народа,

Лишь голосу души не прекословь...
Одежда по полу – плевать! Скрипи, кровать!
Трясись, фанерный домик! Но зренем боковым
Успел заснять, как, сплющив морду, ею окна вытираять
Очередной припёрся комик, от чачи пьяный в дым.
Закончили, остыли и лежим. И вот теперь...
Стеклянная ключом открылась дверь,
И на пороге появилась молодая пара.
Дорожный чемодан, в руках гитара...

– Прощай, мой друг, и в лучшее поверь!
Теперь Ларисе, с мужем разведённой,
Так хочется ещё свободой подышать,
Что я ей не могу в подобном помешать.
Хоть разговор о стюардессе вроде завершён,
Но с ней обратно тем же способом добрался.

Настало время тему закруглять.
Такое пережить хотелось бы опять,
Но я теперь другой, и времена другие.
А молодёжи новой это не понять –
Их приключения ещё и не такие...
И однополые, и свинг, и садо-мазо...
Оттенков серых насчитали пятьдесят,
Знакомятся в сети, тела свои «постят»,
А встречи в Интернете не несут заразу.

4)

Хотелось бы опять в свои те 25

ХОТЕЛОСЬ БЫ ОПЯТЬ В СВОИ ТЕ ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ...

«ТЕТРАМЕРОН»

(Исповедальныи всплеск моих семидесятих)
Здесь нет обманутых мужей.
Уйдут со мной чужие тайны.
Любые совпадения случайны.

Хоть карантин закончился,
Перестраховщики ещё на месте!
Пока эти болваны гордо носят маски,
Продолжу я рассказывать и свои сказки.

Случилось то давным-давно.
Свой двадцать пятый день рождения
Мне довелось отметить на Кавказе.
Рассказывать об этом надлежит
Гекзаметром – на меньшее не согласен!
Ну, разве что, верлибром чуть разбавить,
Да пятистопным ямбом сдобрить и смягчить.

Мы жили в домике втроём:
Архангельский баскетболист
(Банальным будет говорить о его росте),
Весёлый лётчик из Уфы
(Ну, в этом смысле, всё наоборот),
Меж ними я, художник, полон вдохновения.
Их имена в свой текст не стану помещать –
На то мне не давалось позволение.

Мы как-то сразу трое подружились
И отдыхали вместе, заодно идя

На общие простые развлечения.
Легко в бою, хоть тяжело в учении –
Примерно так Суворов говорил.
Мы ж совмещали обе этих темы,
Когда придумывали для себя дела,
Которым обучались уже после того,
Как наши авантюры начинались.

Итак, мой день рождения наступил.
Пока успеха не достиг, но не калека,
Прожив к тому моменту четверть века,
Сверх меры никому не насолил,
Судьбу свою не прогневил всерьёз.
Решили мы событие отметить,
Форсируя втройм реку Псезуапсе
В самом широком из её бурлящих мест,
Немногим ранее, чем та река впадает в море.
Известный Лазоревское курорт-посёлок.
Ну что, пойдём? Пошли, погнали сани!
Мы за руки взялись: стал первым северянин,
Потом был я, а лётчик тройку замыкал.
Холодная вода... Течение такое,
Лишь стоит оступиться – и ты в море,
Что тоже интересно – сразу далеко...
Назад вернуться будет очень нелегко
Или, наверно, даже вовсе невозможно.
А по пути ещё полно больших камней...
Но это всё имело «колossalный» смысл:
На правом берегу – пляж лучше, вода теплей,
А мост ближайший на два километра выше.

Мы технику придумали свою,
Как нам преодолеть теченья силу.

У первого и у пилота в одной руке по палке,
Я между ними и держу двоих за руки,
О камни упираемся ногами.
Мы начали переходить цепочкой
Чуть под углом к движению воды.
Передний сделал шаг, а двое закрепились.
Потом второй, а остальные намертво стоят.
Потом и третий, когда другие, как столбы,
При этом упирается он палкой длинной.
И это так, чтоб нас потоком не сносило.
Система вся была продумана –
Без помощи один пройти не сможет.
Собою разбивая боковые волны,
Проходим середину, дальше легче.
Так мы реку преодолели, подвиг
Тот посвятили дню рождения моего,
Отметив этим авантюрное начало,
Которое давно на что-то намекало
И всем нам что-то обещало и сулило.
И Понт Эвксинский встретил нас тепло,
И атмосфера черноморская согрела.
А к полудню река натешиться успела.
Её поверхность ярким светом засияла
И раздробилась в чистых радужных лучах.
Обратно шли по глубине, почти как водолазы.

Теперь немного о друзьях:
Был лётчик настоящим мастером рассказа.
Так, например, о том, как покупал он плавки,
Мог позавидовать бы сам великий Бабель.
Но пересказ не передаст весь дух оригинала,
Особенность его цветистых диалогов.

Из тех соображений здесь его не привожу.
Другой рассказ его припоминаю,
Когда, потёртый, в домик поутру приполз
В мундире грязном и колючками облеплен.
Поведал (как всегда, внимателен к деталям)
О казусе, что приключился с ним в тот вечер.
Подобного не мог бы ожидать никто.
На танцах он хотел найти
Себе на вечерок подружку.
Хоть невысок, но ладен и неглуп,
А форму лётную надев, мог смело
На одного себя рассчитывать, без скидок,
Но перестраховался и решил, что будет проще
На пару с кем-то – девушки ведь парами приходят.
Поговорил на эту тему с местным парнем,
А тот, видать, принял его за сводника,
Не шевелился сам, а под конец
Потребовал не в шутку:
– Где девишка? Судя его давай!
И оправданий не принял, нож вынул.
Малой был футболист, умел он бегать.
Петляя в темноте вокруг, по лесу прячась,
Он не желал на домик идиота наводить.
Мы слушаю почти свидетелями были,
Но и другими вечерами не скучали –
Он был душой компании всегда.
Архангельский был добрым силачом.
Ревнивая землячка (много старше)
Его не отпускала ни на шаг,
Но дама улетела на день раньше.
Молчун, он всё же никогда не унывал,
Теперь, свободный, он душою отдыхал.

А я же среди них был в роли арт-эксперта,
Кроме того, полезен был в полемике любой,
Не позволяя обществу без темы поостыть.
Итак, мой памятный поныне день рождения,
Он же – последний день нам вместе быть.

Поехали обедать в ресторан «Курень»,
Что был возле Мамедова ущелья.
Давно сгорел и даже память не оставил,
Кроме названья остановки для маршрутки,
А был красив когда-то, даже очень,
И знала его вся округа Сочи.
Там, над стенами зала от земли и до конька
Высокая двускатная была на брёвнах крыша,
А рядом тёк весёлый горный ручеёк, и прямо
На воде – шалашиков штук пять.
Столы внутри и лавочки вокруг,
Примерно каждый человек на десять.
Вода журчала, сливаясь с ней, над лесом
Играла музыка живая – ансамбль маленький
В фольклорном стиле.

Вот мы подходим, но чуть далее ворот
Чернобородый грузный человек сидит на стуле.
– Ребята, закурить найдётся?
А лётчик ну и ляпни:
– Вот бы выпить?
Мужчина глазом не повёл:
– Я угощаю!
– Нормально. Сигарета – закури!
– Амбарцумян, –
И протянул нам руку. Размер её не мог не поразить.
Он дал почти кулак, а я свою туда свободно вставил.

Пожал, хвала богам, не с полной своей силы.
– Вот этим – каждому бутылку водки!
– Отличное начало, – мы решили...
– А у него сегодня день рождения! Взгляд на меня.
– Прожить сподобился он уже четверть века! –
Наглея запредельно, снова ляпнул лётчик.
– Закуска тоже от меня, Амбарцумяна!
Итак, за сигарету мы там уже банкет имели.
Смешной официант, услужливо прогнувшись,
Нам указал в одном из шалашей места.
И трапеза была, и поздравления, и речи.
Амбарцумян всех пригласил на вечер
Лишь при условии, что с девушками будем.
Вернувшись в лагерь, встретили девчат,
Только приехавших из Минска,
Ещё при чемоданах возле входа.
Наверно, вид наш был такой довольный,
Что именно у нас они спросили:
– А где здесь можно классно посидеть?
– О! Не вопрос! Мы в ресторан «Курень»
С собой вас поведём, но деньги на исходе.
Вы доплатить согласны, ежели придётся?
– Нет проблем!
– Банкет и приключения за нами...
Вот вечер. Девушки и мы
Все едем в этот ресторан обратно.
Пилот в мундире, я в костюме, а северянин
В трениках спортивных, тому всё пофиг.
Подружки вчетвером в другой машине.
Приехали. Амбарцумян на месте:
– Эти со мной, а остальных я режу!
Идёт он к нам, объятия огромные раскрыв,

Бас богатырский громовой вернулся эхом.
Ряды гостей вокруг заметно поредели.
Я до сих пор не знаю, кем он был,
Но, несомненно, памяти достоин.
(Единственное имя в этом тексте).
Когда ушёл, никто и не заметил.
Гуляли, танцевали до полночи,
А в зале загулял какой-то космонавт,
Но время его тоже не резина.
По ходу дела, с шефом подружились.
Оркестр отпустил – и ресторан весь наш!
Магнитофон включив и угождая:
– Ну, вы теперь мои друзья,
Шалим, сорим и убираем вместе!
Он девушку себе из наших заприметил.
Качаясь в танце, пары обнимались.
К утру поближе прибыло такси,
Но только вместо двух одно.
Другое где-то поломалось по дороге.
И девять человек на дребезжащей «Волге»,
Счастливые, забыв про всякую опасность,
Под скрежет тормозов, над пропастью петляя,
Стремглав неслись по горному ночному серпантину.
На каждом из парней, обнявши крепко, девушка сидела.
Водитель молодой один вертел баранку ошелело.
Не стану врать, что это было так уж неприятно.
Четыре пары в тишине бродили до рассвета,
И наши милые говорчивыми были.
А в полдень мы с друзьями разлетались,
По городам своим, в рутину возвращаясь.
И было грустно, но как светлый день
Запомнил я свои те двадцать пять.

Река Псезуапсе. примерно там где мы её перешли вброд. (Фото из Интернета)

снова три
автопортрета...
В глазах там прячутся
Отелло, Гамлет, Риголетто!

«Автопортрет 2016» (холст, акрил, 50×57 см, 2016 г.)

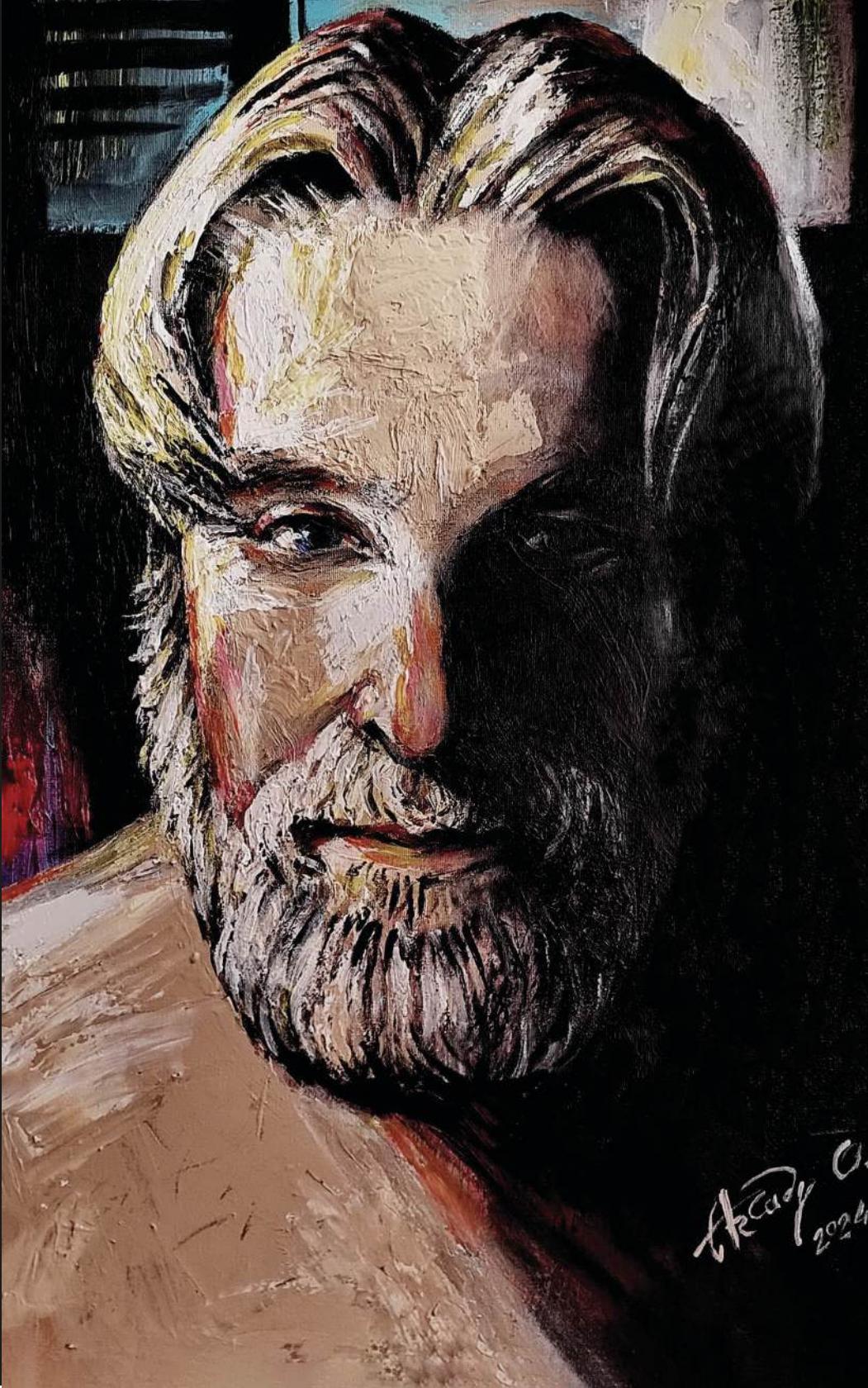

«Автопортрет 2021» (холст, акрил, 50×50 см, 2021 г.)

«Автопортрет под впечатлением сирен тревоги» (холст, акрил, 60×40 см, 2024 г.)

картины сами по себе

«Мёртвый корабль» (холст, акрил, 70×80 см, 2004 г.)

А

«Ашхард. Марина» (холст, акрил, 60×50 см, 2012 г.)

A. Oshitsky
2012

«Венеция. Санта-Мария-делла-Салуте и гондолы»
(холст, акрил, 80×80 см, 2007 г.). Галерея «Парк Вест», Детройт, США

3-е место на международном конкурсе «Мировая Арт-география», 2019,
Кальтаджироне, Сицилия

«Старые оливы» (холст, акрил, 60×50 см, 2019 г.)
Мелитопольский краеведческий музей

1-е место на международном конкурсе
«Всемирная Арт-география»,
Москва, 2021 г.

«Париж. Дождь в Сен-Жермен-де-Пре»
(холст, акрил, 101×66 см, 2006 г.)
Частная коллекция. Израиль

«В парке «Канада», Израиль» (холст, акрил, 37×75 см, 2017 г.)

«Вечер у моря» (холст, акрил, 50×35 см, 2022 г.)

«Тихий дворик в Бат-Яме» (холст, акрил, 50×50 см, 2022 г.)

Анна О.
©

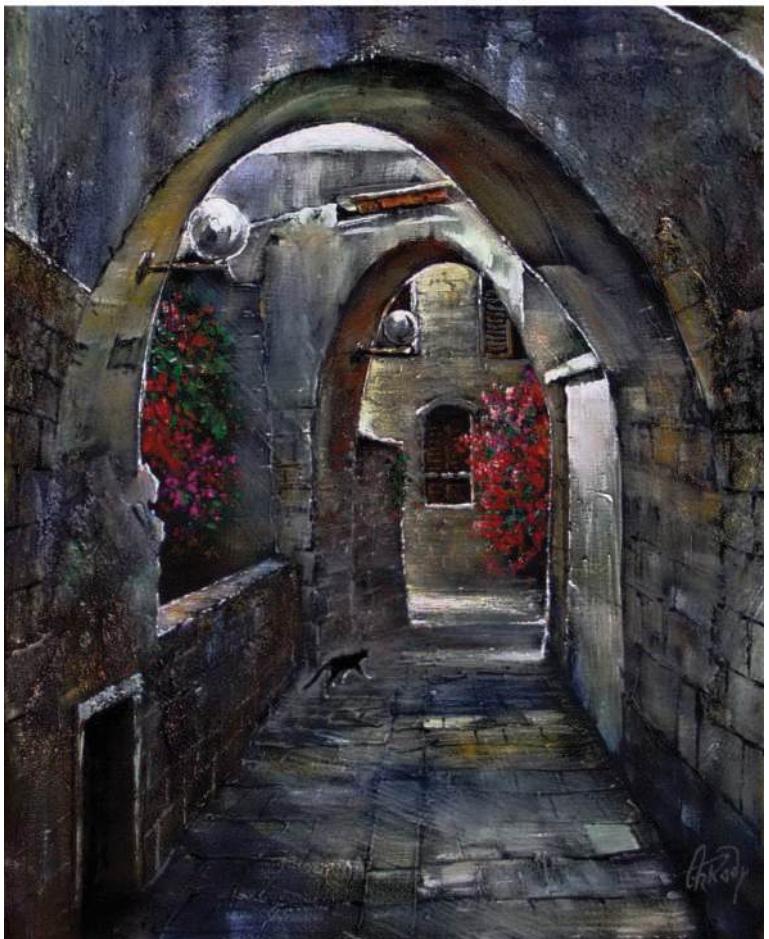
«Яффо. Уходящая натура» (холст, акрил, 50×50 см, 2022 г.)

«Бат-Ям. Спуск к морю»
(холст, акрил, 60×40 см, 2019 г.)

«В лесу Шершерет» (холст, акрил, 40×40 см, 2022 г.)

«Улочка в Старом Яффе»
(холст, акрил, 53×43 см, 2008 г.)

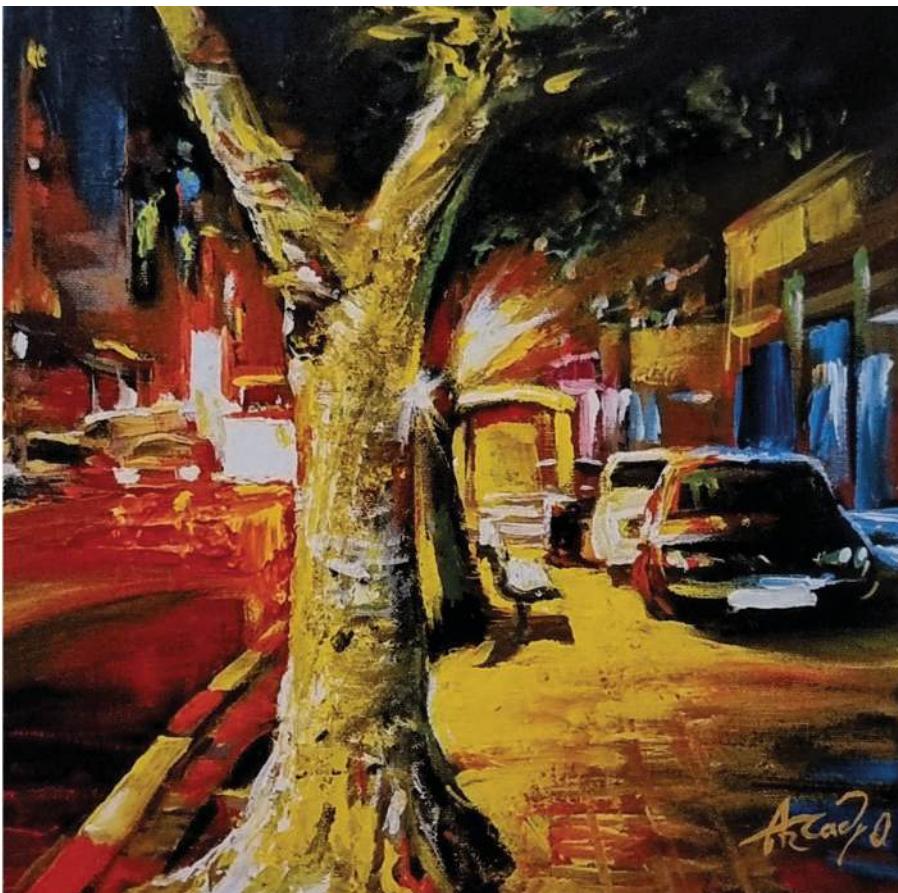
Удмуртский республиканский музей
изобразительных искусств

«Вечер в Неве-Цедек»
(холст, акрил, 60×40 см, 2010 г.)
Частная коллекция. Израиль

«Старый Яффо. Вид на Церковь св. Петра» (холст, акрил, 60×50 см, 2011 г.)

«Ночью в Бат-Яме»
(холст, акрил, 30×30 см, 2018 г.)

«Уличка Старого Яффо»
(холст, акрил, 70×50 см, 2011 г.)

Одесский
Дом-музей им. Н.К. Рериха

«Вид из крепости Акко»
(холст, акрил, 40×40 см, 2011 г.)

Левая часть диптиха

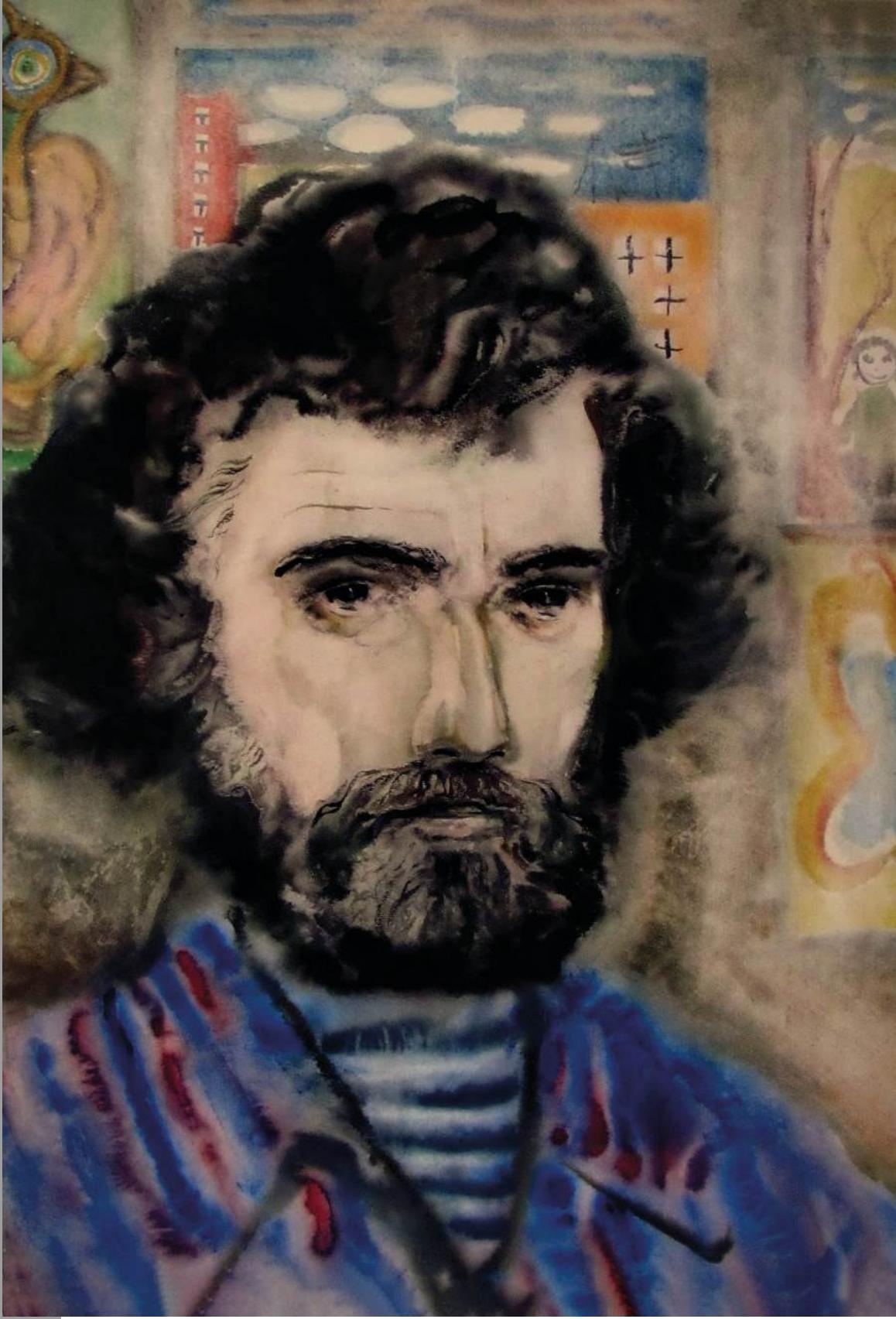
«Вид из крепости Акко»
(холст, акрил, 40×40 см, 2011 г.)
Правая часть диптиха

A

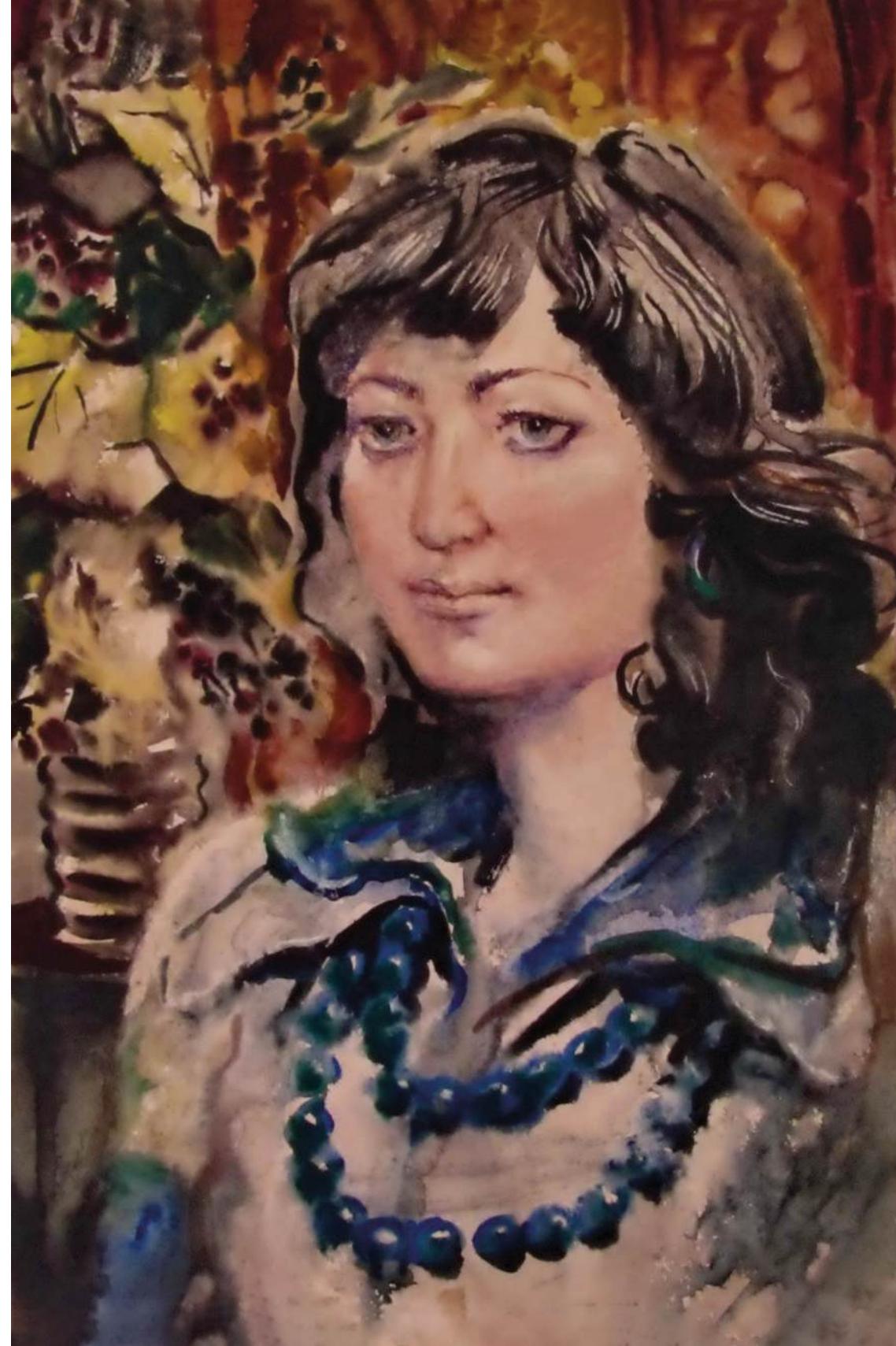
«Иерусалимский фикус» (холст, акрил, 70×60 см, 2016 г.)

Ещё портретов напоследок

«Художник и учитель рисования Адик» (бумага, акварель, 80×50 см, 1980 г.)

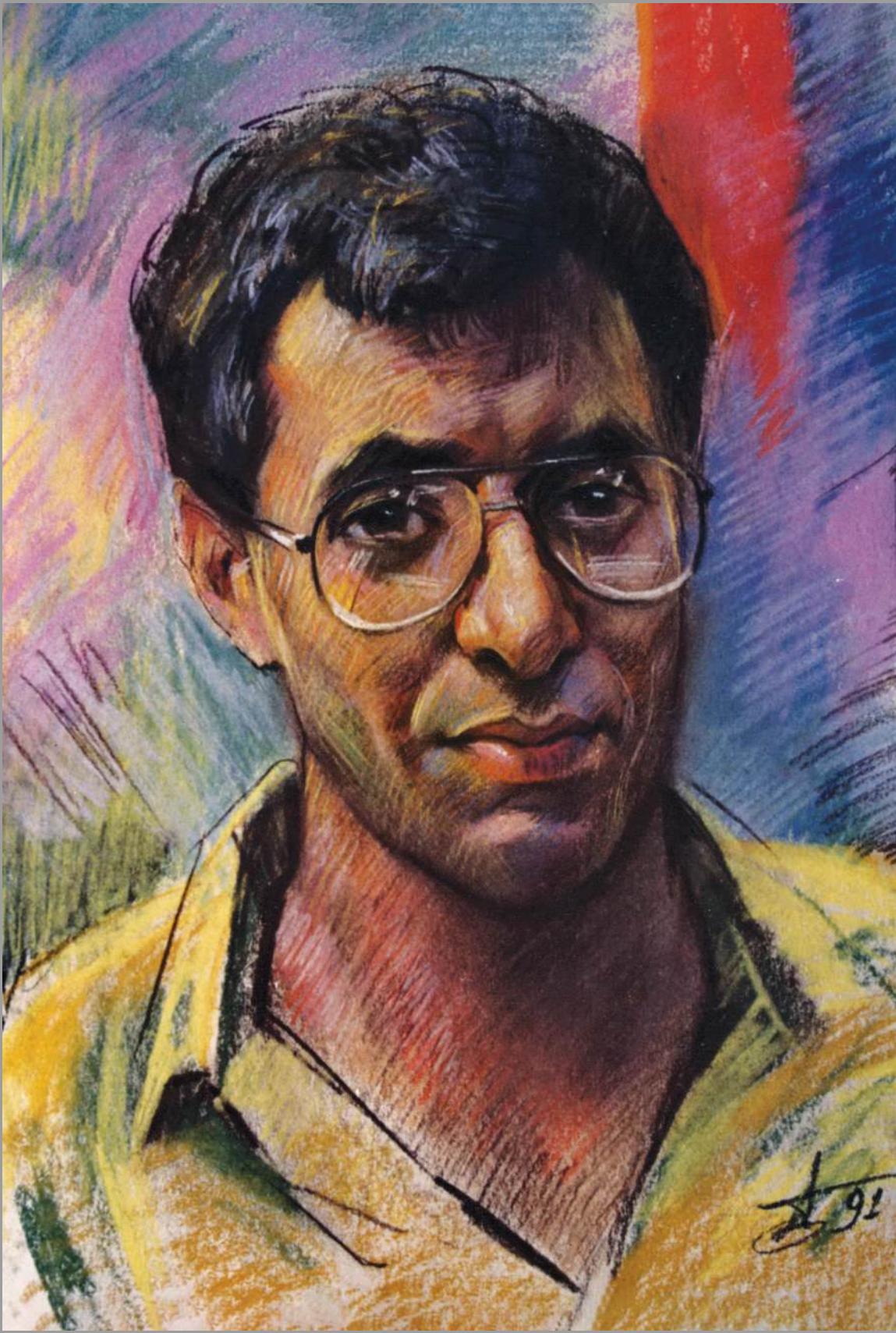
А

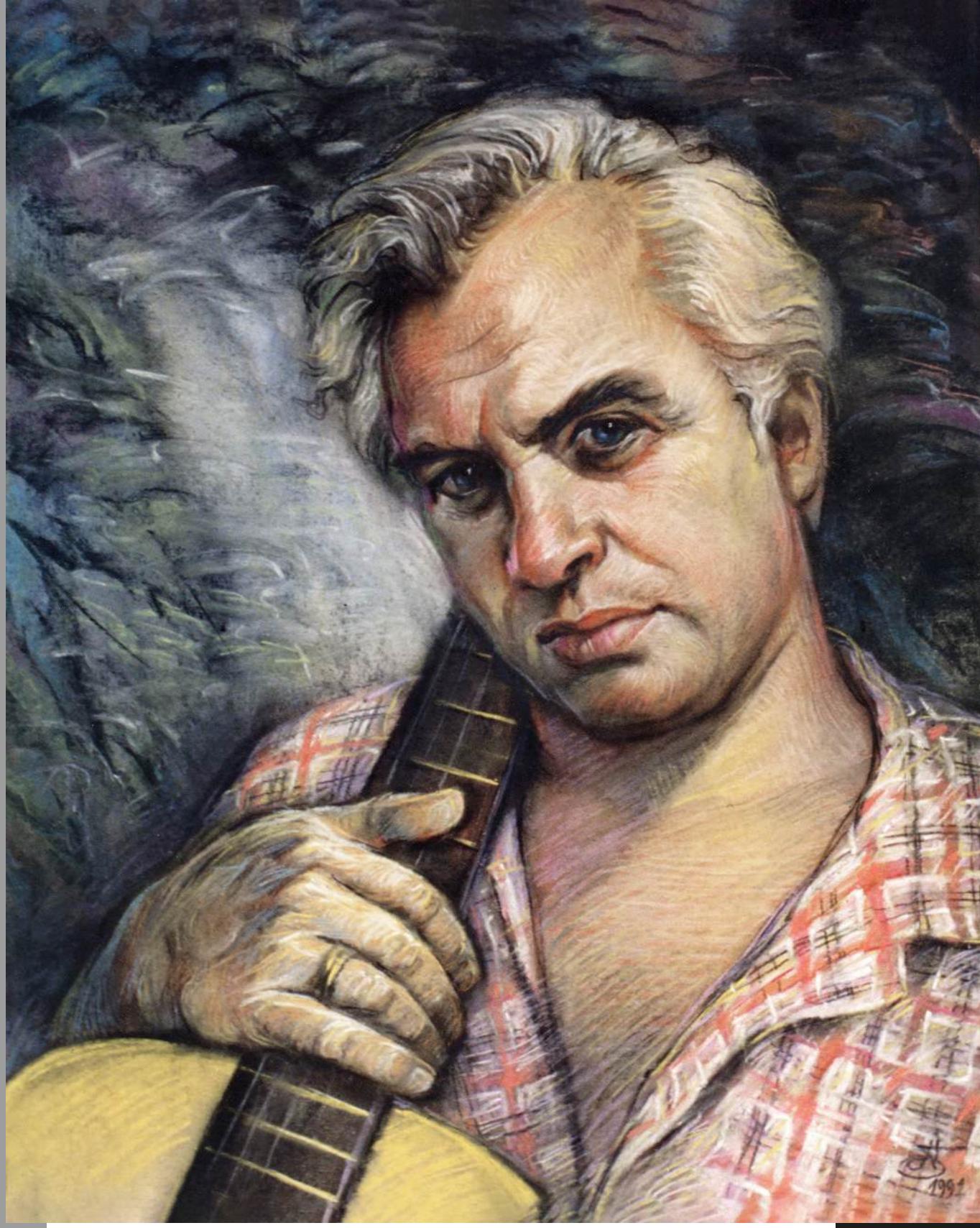
«Римма» (бумага, акварель, 80×60 см, 1980 г.)

А

«Фотограф Фредди из Явне» (картон, пастель, 45×30 см, 1991 г.)

«Бард и поэт Евгений Клячкин» (картон, пастель, 70×50 см, 1991 г.)

А

«Портрет моего отца» (холст, акрил, 50×50 см, 2018 г.)

Andrey
Osutskiy

с ними официальных заказных:

«Рантье И.Биллинг» (холст, масло, 70×50 см, 1999 г.). Частная коллекция. Израиль

Arkady O.

«Писатель Матвей Гейзер» (холст, акрил, 70×50 см, 2006 г.). Частная коллекция. Израиль

А

«Давид Леви, министр иностранных дел Израиля» (холст, масло, 70×50 см, 1991 г.)
Частная коллекция. Израиль

«Предприниматель Баранович» (холст, масло, 70×50 см, 1991 г.). Частная коллекция. Израиль

 вместе точки,
молдавские этюды юных лет

«Молдавский селянин»
(картон, масло, 42×30 см, 1967 г.)

«Пейзаж с колодцем. Деренэу»
(картон, масло, 40×40 см, 1967 г.)

А

«Цыганский мальчик» (картон, масло, 50×37 см, 1967 г.)

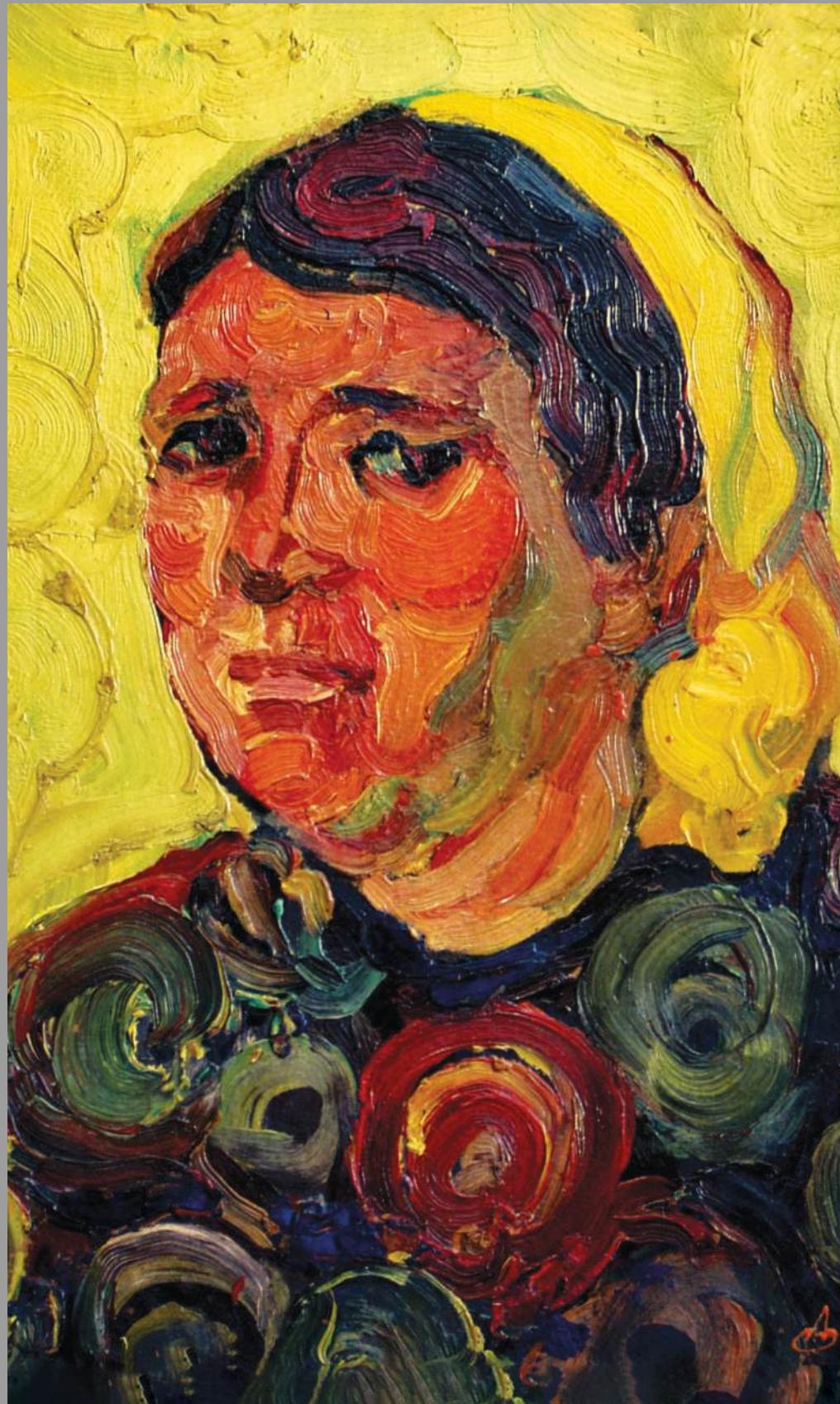

«Чёрный дом в Деренэу» (картон, масло, 48×30 см, 1967 г.)

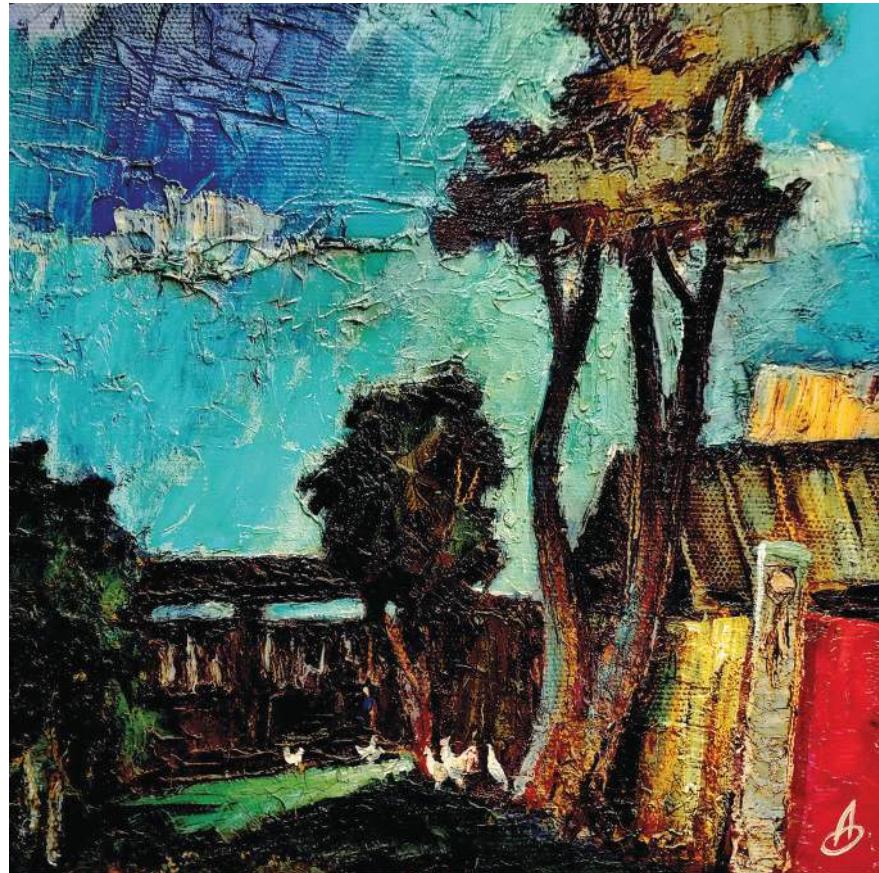

«Крыши села Пушкино (Долна)»
(картон, масло, 50×45 см, 1967 г.)

«Сельский юноша»
(картон, масло, 48×34 см, 1967 г.)

«Цыганка» (картон, масло, 48×32 см, 1967 г.)

«Вечер. Уголок села»
(картон, масло, 45×45 см, 1971 г.)

«Сельская улица после дождя»
(картон, масло, 48×32 см, 1971 г.)

«Просёлок»
(картон, масло, 47×32 см, 1971 г.)

«Пейзаж с воротами и козочкой»
(картон, масло, 48×32 см, 1971 г.)

ФЛАКОН

ПОТ,

Кровь и слёзы,

Жёлчь, лимфа и моча...

Но ничего не удаляйте стояча,

От благородного и до смешного...

Они все – части целого большого.

Размешаны с размаху и с плеча,

В один флакон залиты там:

Любовь и ненависть,

Прекрасное и срам,

Сочувствие и зависть...

А судят человека по делам,

Которые способен делать сам,

И нечего им противопоставить!

**В ТРУДАХ ВЕРШИТЬ ДЕЛА
ТРУДАМИ ИХ ЖЕ ПРАВИТЬ!**

Если у вас есть мечта, прокладывайте к ней дорогу, каждый день хотя бы по камешку – и она непременно сбудется.
Если же нет мечты, начните строить дорогу – и она (мечта), как правило, появится.
Я не разбогател, но это не моя мечта,
а к своей я иду сколько хватит жизни.

С**ПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ КАРТИН АВТОРА**

- 18-19 «Ревекка и Элиэзер» (холст, акрил, 100×150 см, 2008 г. Галерея «Арвест», Алматы, Казахстан.
2-е место на «Общероссийском конкурсе современного искусства», Москва, 2021 г.)
- 33 «Рождён свободным. Исход» (холст, акрил, 200×135 см, 2017-2019 гг., собственность автора.
2-е место на международном конкурсе, Пекин, Китай, 2019 г.)
1-е место на «Общероссийском конкурсе современного искусства», Москва, 2021 г. Медаль им. В.Сурикова.
Диплом Российской Премии Искусств, Москва, 2021 г.)
- 36 «Ной» (холст, масло, 150×100 см, 2008 г., 100×150 см, 2008 г. Галерея «Арвест», Алматы, Казахстан.
1-е место на международном конкурсе «Век реализма», Йиглава, Чехия, 2020 г.)
- 41 «Триумф Маккавеев или возвращение Меноры в Храм» (холст, акрил, 150×100 см, 2011 г. Галерея «Арвест», Алматы, Казахстан)
- 45 «Царь Давид» (холст, акрил, 100×80 см, 2020 г., частная коллекция, Израиль)
- 49 «Духовный лидер евреев, выходцев из Марокко. Раввин и чудотворец Баба-Сали» (холст, масло, 70×50 см. 1991 г., частная коллекция, Израиль)
- 50 «Любавический Ребе Менахем-Мендл Шнеэрсон» (холст, акрил, 70×50 см, 2015 г., Музей г. Умань, Украина)
- 51 «Поющий рабби Шломо Карлбах» (холст, акрил, 80×50 см. 2010 г., частная коллекция, Израиль)
- 52 «Шота Руставели. Последний приют витязя» (холст, акрил, 80×80 см. 2016 г., собственность автора)
- 60 Триптих «Василий Верещагин. Притяжение Вечности» (холст, акрил, 80×80, 80×40, 80×80 см. 2017 г.
Художественный музей им. В.В. Верещагина, Николаев, Украина. 1-е место на международном конкурсе «Арт-портрет», Москва, 2021 г.)
- 61 «Василий Верещагин. Притяжение Вечности» (левая часть триптиха, холст, акрил, 80×80 см, 2017 г.)
- 62 «Василий Верещагин. Притяжение Вечности» (центральная часть триптиха, холст, акрил, 80×40 см, 2017 г.)
- 63 «Василий Верещагин. Притяжение Вечности» (правая часть триптиха, холст, акрил, 80×80 см, 2017 г.)
- 64 «Портрет Николая Фешина» (холст, акрил, 70×50 см, 2018 г. Собственность автора.
2-е место на международном конкурсе «Арт-портрет», Москва, 2019 г.)
- 65 «Илья Репин в Гефсиманском саду» (холст, акрил, 70×80 см, 2016 г. Харьковский Художественный музей, Украина)
- 67 «Метаморфозы любви от Марка» (холст, акрил, 90×120 см, 2018 г. Одесский Дом-музей им. Н.К. Рериха)
- 71 «Старый портной» (холст, акрил, 50×60 см, 2020 г. Частная коллекция. Израиль)
- 73 «Балагула» (холст, акрил, 70×50 см, 2020 г. Собственность автора)
- 75 «Водовоз» (холст, акрил, 70×50 см, 2020 г. Собственность автора)
- 77 «Антиквар» (холст, акрил, 70×50 см, 2020 г. Собственность автора).
- 79 «Молочник» (холст, акрил, 60×60 см, 2020 г. Собственность автора).
- 81 «Кlezмеры» (холст, акрил, 60×90 см, 2020 г. Собственность автора).
- 82-83 «Одесский куплетист» (холст, акрил, 60×90 см, 2020 г. Собственность автора).
- 85 «Скрипач на крыше» (х.акрил 70×50 см, 2020 г. Собственность автора. Диплом лауреата 3 степени Российской Премии Искусств. Москва. 2021 г.).
- 87 «Цирюльник» (х.акрил 70×50 см, 2020 г. Собственность автора).
- 89 «Стекольщик» (холст, акрил, 70×50 см, 2020 г. Собственность автора).
- 91 «Уличный точильщик» (холст, акрил, 70×50 см, 2020 г. Собственность автора).

- 92 «Рыжий сапожник» (холст, акрил, 50×40 см, 2011 г. Частная коллекция, Израиль.
1-е место на международном конкурсе «Современный авангард» (модернизм), Санкт-Петербург, 2020 г.).
- 94 «В порту Эйлат ночью» (холст, акрил, 50×70 см, 2019 г. Собственность автора.
1-у место на международном конкурсе «Арт-сезоны» (весна), Москва, 2021 г.).
- 96-97 «Дорога на Хермон» (холст, акрил, 40×60 см, 2019 г. Собственность автора.
1-е место на международном конкурсе «Арт-сезоны» (зима), Москва, 2021 г.).
- 98 «Белорусский мотив» (холст, акрил, 70×90 см, 2012 г. Могилёвский областной художественный музей имени П. В. Масленикова.
1-е место на международном конкурсе классической живописи (пейзаж), Барселона, Испания).
- 99 «Башня Давида» (холст, акрил, 70×80 см, 2015 г. Национальный музей искусств Азербайджана.
2-е место на международном конкурсе «Всемирная Арт-география», Москва, 2021 г.).
- 100 «Вид на Хайфу с горы Кармель» (холст, акрил, 40×80 см, 2017 г. Собственность автора.
2-е место на международном конкурсе «Всемирная Арт-география», Москва, 2021 г.).
- 101 «Вид на Хайфу с горы Кармель от Бахайских садов» (холст, акрил, 57×50 см, 2017 г. Собственность автора).
2-е место на международном конкурсе «Всемирная Арт-география», Москва, 2021 г.).
- 102 «Иерусалим. Вид на Ямин Моше» (холст, масло, 50×70 см, 2015 г. Черниговский художественный музей им. Г. Галагана).
- 103 «Израиль. Вид на Маале Адумим зимой» (холст, акрил, 40×50 см, 2013 г. Собственность автора).
- 104 «Иерусалим. Вид на Кедронскую долину и старинное кладбище» (холст, акрил, 70×50 см, 2012 г. Собственность автора.
1-е место на международном конкурсе «Всемирная Арт-география», Москва, 2021 г.).
- 105 «Иерусалим. Летний вечер в Кфар Шауль» (холст, акрил, 60×50 см, 2013 г. Частная коллекция, Израиль. 1-е место на международном конкурсе «Арт-сезоны» (лето), Москва, 2021 г.).
- 107 «Иерусалим. Вид на Эйн-Керем в предзакатных лучах» (холст, акрил, 70×50 см, 2012 г. Чувашский государственный художественный музей)
- 109 «Парад гефсиманских олив» (холст, акрил, 50×70 см, 2012 г. Собственность автора.
1-е место на международном фестивале поэзии и живописи, Тель-Авив, Израиль).
- 110 «Иерусалим. Храм Гроба Господня (главный фасад) в ночь Рождества» (холст, акрил, 50×50 см, 2018 г. Барановичский краеведческий музей.
1-е место на международном конкурсе классической живописи (архитектура), Барселона, Испания, 2020 г.).
- 111 «Иерусалим. Храм Гроба Господня. Восточный фасад» (холст, акрил, 50×60 см, 2019 г.
Новосибирский государственный художественный музей).
- 112 «Яфо. Махмудия» (холст, акрил, 76×40 см, 2016 г. Государственный музей искусств Узбекистана).
- 115 «Лайнер в тумане» (холст, акрил, 60×40 см, 2019 г. Собственность автора).
- 117 «Курсом на закат» (холст, акрил, 80×50 см, 2019 г. Собственность автора.
2-е место на международном фестивале поэзии и живописи, Тель-Авив, Израиль).
- 118-119 «Париж. Ночью в Латинском квартале» (холст, акрил, 80×120 см, 2007 г. Частная коллекция. США).
- 120 «Осень в Сербии» (холст, акрил, 60×80 см, 2012 г. Галерея «CODEX», Пожаровац, Сербия).
- 122 «Винодельня «МОНИ» (холст, акрил, 50×60 см, 2022 г. Собственность автора).
- 159 «Карина» (холст, акрил, 70×50 см, 2002 г. Частная коллекция. США).
- 160 «Зеркало мечты» (холст, акрил, 100×100 см, 1993 г. Частная коллекция, Израиль.
1-е место на международном конкурсе «Женский образ», Москва, 2020 г.).

С

ПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ КАРТИН АВТОРА

- 161 «Софья с Мухой» (холст, акрил, 80×60 см, 2012 г. Собственность автора.
2-е место на международном конкурсе «Животное и человек», Санкт-Петербург, 2020 г.).
- 162 «Осенний портрет» (холст, акрил, 80×60 см, 2012 г. Частная коллекция, Израиль).
- 163 «Портрет в утреннем свете» (холст, акрил, 80×60 см, 2012 г. Частная коллекция, Израиль).
- 164 «Ася» (картон, пастель, 60×40 см, 1991 г. Частная коллекция, Израиль).
- 165 «Тами» (картон, пастель, 60×40 см, 1991 г. Частная коллекция, Израиль).
- 166 «Женя» (холст, масло, 80×60 см, 1995 г. Частная коллекция, США).
- 167 «Малышка из Марокко» (картон, пастель, 50×40 см, 1991 г. Частная коллекция. Израиль.
1-е место на международном конкурсе «Арт-портрет», Москва, 2019.
Диплом лауреата 3 степени Российской Премии Искусств, Москва, 2021 г.).
- 168 «Полина» (картон, пастель, 50×40 см, 1991 г.).
- 181 «Водопад» (холст, масло, 100×90 см, 1993 г. Собственность автора.
1-е место на международном конкурсе «Век авангардизма», Йиглава Чехия, 2020 г.).
- 183 «Дама сердца» (холст, акрил, 100×90 см, 2000 г. Частная коллекция, Израиль.
1-е место на международном конкурсе «Современный авангард» (сюрреализм), Санкт-Петербург, 2020 г.).
- 185 «Ночь-свидетель» (холст, масло, 100×90 см, 1992 г. Собственность автора.
3-е место на международном конкурсе «Век авангардизма», Йиглава Чехия, 2020 г.).
- 187 «Время таланта» (холст, масло, 100×70 см, 1991 г. Собственность автора).
- 189 «Пир» (холст, масло, 100×90 см, 1991 г. Собственность автора).
- 191 «Рулетка» (холст, акрил, 100×80 см, 2002 г. Собственность автора.
2-е место на международном конкурсе авангардной живописи, Барселона, Испания, 2020 г.).
- 192 «Нептун и нимфа» (холст, масло, 100×90 см, 1993 г. Собственность автора).
- 193 «Кризис маэстро» (холст, масло, 100×80 см, 1991 г. Частная коллекция, Израиль).
- 195 «Дорога к Храму» (холст, масло, 100×80 см, 1992 г. Собственность автора).
- 197 «Увертюра» (холст, масло, 100×80 см, 1991 г. Частная коллекция, Израиль).
- 199 «Геометрия социума. Горизонталь и вертикаль» (холст, акрил, 102×66 см, 2020 г. Собственность автора.
1-е место на международном фестивале символического искусства, Москва, 2020 г.
Диплом лауреата 1 степени Российской Премии Искусств, Москва, 2021 г.).
- 200 «Крик 2020» (холст, акрил, 40×80 см, 2020 г. Собственность автора.
1-е место на международном фестивале эмоциональных искусств, Москва, 2021 г.).
- 201 «Новая идея» (холст, масло, 100×80 см, 1993 г. Частная коллекция, Израиль.
2-е место на международном конкурсе «Современный авангард» (сюрреализм), Санкт-Петербург, 2020 г.).
- 202 «Свеча на ветру» (бумага, масляная пастель, 25×25 см, 1992 г. Собственность автора.
3-е место на международном конкурсе «Арт-любовь», Санкт-Петербург, 2020 г.
1-е место на международном конкурсе «Искусство силуэта», Москва, 2021 г.).
- 224 «Танго страсти» (холст, акрил, 70×40 см, 2024 г. Собственность автора).
- 225 «Фламенко» (холст, акрил, 90×45 см, 2023. Собственность автора).

- 227 «Мечта» (эскиз композиции, бумага, карандаш, 70×40 см, 1986 г.).
- 263 «Два учебных рисунка» (бумага, карандаш, 1970-1971 г. Собственность автора).
- 265 «У моря» (холст, акрил, 120×80 см, 2010 г. Собственность автора).
- 266 «Жёлтый зонтик» (холст, акрил, 90×80 см. 2002 г. Собственность автора.
1-е место на международном конкурсе «Век реализма», Йиглава Чехия, 2020 г.).
- 267 «С книгой» (холст, акрил, 89×70 см. 2022) (Частная коллекция. Израиль).
- 269 «Скрипачка» (холст, акрил, 70×80 см, 2016 г. Собственность автора).
- 271 «Сирень» (холст, акрил, 120×80 см, 2010 г. Собственность автора).
- 273 «Ромашки» (холст, акрил, 80×75 см, 2000 г. Собственность автора).
- 275 «Сизиф» (холст, акрил, 90×80 см, 2003 г. Собственность автора. 2-е место на международном конкурсе «Мужской образ», Москва, 2022 г.).
- 277 «Две Европы», (холст, акрил, 100×80 см, 2025 г.)
- 278 «Демон» (дерево 23×22×27 см, 1975 г. Собственность автора).
- 279 «Юность» (дерево, 52×15×15 см, 1976 г. Собственность автора.
1-е место на международном конкурсе «Арт-любовь» (скульптура), Санкт-Петербург, 2020 г.).
- 295 «Зимний автопортрет» (картон, пастель, 45×30 см, 1990 г. Собственность автора).
- 297 «Автопортрет (импрессионизм)» (картон, пастель, 45×30 см, 1990 г. Собственность автора).
- 298 «Автопортрет (футуризм)» (картон, пастель, 45×30 см, 1990 г. Собственность автора).
- 299 «Автопортрет (кубизм)» (картон, пастель, 45×30 см, 1990 г. Собственность автора).
- 308 «Светлана, набросок» (картон, воск. карандаш, 1974 г. Собственность автора).
- 319 «Автопортрет 2016» (холст, акрил, 50×57 см, 2016 г. Собственность автора).
- 320 «Автопортрет 2021» (холст, акрил, 50×50 см, 2021 г. Собственность автора).
- 321 «Автопортрет под впечатлением сирен тревоги» (холст, акрил, 60×40 см, 2024 г. Собственность автора).
- 322 «Мёртвый корабль» (холст, акрил, 70×80 см, 2004 г. Собственность автора).
- 323 «Ашдод. Марина» (холст, акрил, 60×50 см, 2012 г. Собственность автора).
- 324 «Старые оливы» (холст, акрил, 60×50 см, 2019 г. Мелитопольский краеведческий музей.
1-е место на международном конкурсе «Всемирная Арт-география», Москва, 2021 г.).
- 325 «Венеция. Санта-Мария-делла-Салуте и гондолы» (холст, акрил, 80×80 см, 2007 г. Галерея «Парк Вест», Детройт, США.
3-е место на международном конкурсе «Мировая Арт-география», 2019, Кальтаджироне, Сицилия.
- 325 «Париж. Дождь в Сен-Жермен-де-Пре» (холст, акрил, 101×66 см, 2006. Частная коллекция. Израиль).
- 326-327 «В парке «Канада», Израиль» (холст, акрил, 37×75 см, 2017 г. Собственность автора).
- 327 «Вечер у моря» (холст, акрил, 50×35 см, 2022 г. Собственность автора).
- 328 «Тихий дворик в Бат-Яме» (холст, акрил, 50×50 см, 2022 г. Собственность автора).
- 329 «Яффо. Уходящая натура» (холст, акрил, 50×50 см, 2022 г. Собственность автора).
- 329 «Бат-Ям. Спуск к морю» (холст, акрил, 60×40 см, 2019 г. Собственность автора).

С ПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ КАРТИН АВТОРА

- 330 «В лесу Шершерет» (холст, акрил, 40×40 см, 2022 г. Собственность автора).
- 331 «Уличка в Старом Яффо» (холст, акрил, 53×43 см, 2008 г. Удмуртский республиканский музей изобразительных искусств).
- 331 «Вечер в Неве-Цедек» (холст, акрил, 60×40 см, 2010 г. Частная коллекция. Израиль).
- 332 «Старый Яффо. Вид на Церковь св. Петра» (холст, акрил, 60×50 см, 2011 г.).
- 333 «Ночью в Бат-Яме» (холст, акрил, 30×30 см, 2018 г.).
- 333 «Уличка Старого Яффо» (холст, акрил, 70×50 см, 2011 г. Одесский Дом-музей им. Н.К.Периха).
- 334 «Вид из крепости Акко» (холст, акрил, 40×40 см, 2011 г. Левая часть диптиха).
- 335 «Вид из крепости Акко» (холст, акрил, 40×40 см. 2011 г. Правая часть диптиха).
- 336 «Иерусалимский фикус» (холст, акрил, 70×60 см, 2016 г.).
- 338 «Художник и учитель рисования Адик» (бумага, акварель, 80×50 см, 1980 г.).
- 339 «Римма» (бумага, акварель, 80×60 см, 1980 г.).
- 340 «Фотограф Фредди из Явне» (картон, пастель, 45×30 см, 1991 г.).
- 341 «Бард и поэт Евгений Клячкин» (картон, пастель, 70×50 см, 1991 г.).
- 342 «Портрет моего отца» (холст, акрил, 50×50 см, 2018 г.).
- 344 «Рантье И.Билиг» (холст, масло, 70×50 см, 1999 г. Частная коллекция. Израиль).
- 345 «Писатель Матвей Гейзер» (холст, акрил, 70×50 см, 2006 г. Частная коллекция. Израиль).
- 346 «Давид Леви, министр иностранных дел Израиля» (холст, масло, 70×50 см, 1991 г. Частная коллекция. Израиль).
- 347 «Предприниматель Баранович» (холст, масло, 70×50 см, 1991 г. Частная коллекция. Израиль).
- 349 «Пейзаж с колодцем. Деренэу» (картон, масло, 40×40 см, 1967 г.).
- 349 «Молдавский селянин» (картон, масло, 42×30 см, 1967 г.).
- 350 «Цыганский мальчик» (картон, масло, 50×37 см, 1967 г.).
- 351 «Чёрный дом в Деренэу» (картон, масло, 48×30 см, 1967 г.).
- 352 «Сельский юноша» (картон, масло, 48×34 см, 1967 г.).
- 352 «Крыши села Пушкино (Долна)» (картон, масло, 50×45 см, 1967 г.).
- 353 «Цыганка» (картон, масло, 48×32 см, 1967 г.).
- 354 «Сельская улица после дождя» (картон, масло, 48×32 см, 1971 г.).
- 354 «Вечер. Уголок села» (картон, масло, 45×45 см, 1971 г.).
- 355 «Пейзаж с воротами и козочкой» (картон, масло, 48×32 см, 1971 г.).
- 355 «Просёлок» (картон, масло, 47×32 см, 1971 г.).

СПИСОК КОМПЬЮТЕРНОЙ И ФОТОГРАФИКИ АВТОРА (постранично)

- Обложка
1 Титульный лист
13 Два в одном флаконе
24 «Исход»
37 «Исповедь Ноя»
135 Горящий храм
155 «Бенефис Луны»
173 «Только свет»
187 «Сэдока»
218 «Киллерша»
220 «Земля в иллюминаторе»
222 «Солнце моё в Палермо»
281 «Полночная любовь в сиянии планктона»
282 «Румба в стиле Ню»
283 «Самба пляжного рая»
356 Флакон -2

ФОТОСНИМКИ, СДЕЛАННЫЕ АВТОРОМ ИЛИ ВЗЯТЫЕ ИЗ ЛИЧНОГО АЛЬБОМА

- 130 Бугенвиллея, Бат-Ям
131 Делоникс королевский, Бат-Ям
170 Полина в венке из ромашек
238 Футбол в нашем дворе
240 Возле автофургона
243 До службы и во время курса молодого бойца
248 На фоне казармы
253 С патефоном
263 С сигаретой
289 Семейный снимок в авто Ретро
304 1972
308 1973
312 1974

ФОТОСНИМКИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНТЕРНЕТА

- 54 Джина Лоллобриджида, скульптура «Эсмеральда»
55 Рафаэль Санти «Форнарина» и «Сикстинская Мадонна»
124 20 век
221 Винсент Ван-Гог «Вороны над ржаным полем»
234 Пароход «Славянск» («Регина»)
235 Пароход «Славянск» в фильме «Интервенция» (1967)
317 Река Псезуапсе, Краснодарский край

Арт-галерея «Парк-Вест» (Детройт, США).
Музей ТАНАХа (Тель-Авив, Израиль).
Российский Культурный Центр (Тель-Авив, Израиль).
Национальный музей искусств Азербайджана (Баку, Азербайджан).
Государственный музей искусств Узбекистана (Ташкент, Узбекистан).
Харьковский художественный музей (Украина).
Дом-музей имени Николая Рериха (Одесса, Украина).
Музей Шолом-Алейхема – филиал Музея истории Киева (Украина).
Николаевский областной художественный музей имени В.Верещагина (Украина).
Черниговский художественный музей имени Г. Галагана (Украина).
Уманьский художественный музей (Украина).
Черкасский областной художественный музей (Украина).
Государственная картинная галерея имени Догадина (Астрахань, Россия).
Удмуртский республиканский музей изобразительных искусств (Ижевск, Россия).
Могилевский областной художественный музей имени Л. Масленникова (Белорусь).
Барановичский краеведческий музей (Белорусь).
Художественная галерея «Арвест» (Алматы, Казахстан).

ИЗРАИЛЬ

2024	«Стране и мне 75»	Центр Наследия Менахема Бегина, Иерусалим
2012	«История, образы, природа»	Российский культурный центр, Тель-Авив
2011	«True story»	Иерусалимский Дом Качества
2010	«Надежды праотцов»	Музей Библии и Танаха, Тель-Авив
2008	«Краски прошлого»	Музей Рибак, Бат-Ям
2007	«Этот прекрасный и разный мир»	Музей Тальпиот, Иерусалим

ПОЛЬША

2019	Графика	Галерея «W RATUSZU», Славне
2012	Дружеские шаржи	Галерея «W RATUSZU», Славне

КАЗАХСТАН

2016	«Библейские истории»	Галерея «ARVEST», Алматы
------	----------------------	--------------------------

1977-1988	Участие в республиканских (МССР) и Всесоюзных (СССР) выставках
1991-2024	Участие в групповых выставках (более 200 в музеях и галереях Израиля и других стран): Бельгия, Белорусь, Израиль, Испания, Италия, Казахстан, Китай, Польша, Россия, Сербия, США, Узбекистан, Украина, Чехия.

Публикации и статьи в энциклопедиях, сети и периодических изданиях.

www.ostritsky.website

СОДЕРЖАНИЕ

2	Автор о себе	223	Там возгораются сердца от пламени страстей и зноя
4	Андрян Жудро «Аркадий Острицкий. Мирры из света и памяти»	226	Проблески детства
5	Елена Жаровская «Рецензия на книгу о творчестве Аркадия Острицкого»	230	О детстве прозой
6	Ася Тепловодская «Интервью с автором книги Аркадием Острицким»	231	Моё штормовое «крещение»
12	Читателям и зрителям от автора	236	Страх высоты
13	Два в одном флаконе	239	Приключения «бумажного» солдата
14	История – мать мифов и легенд	241	Как меня призывали
15	Борис Рохленко «О Ревекке и Элиэзере»	244	Боцман
21	Галина Подольская «Ревекка и Элиэзер Аркадия Острицкого»	249	Тюрему лучше
24	Об исходе евреев из Египта	254	Мой майор
26	Борис Рохленко «Исход. Куда уходят евреи?»	258	Как театр абсурда служба пролетела – подвинуться неплохо ближе к телу
32	Автор о своей картине «Рождён свободным. Исход»	259	Голая правда от автора
40	О картине «Триумф Маккавеев, или Возвращение Меноры в Храм»	260	Обнажённая натура и весёлые причуды сознания
44	О картине «Царь Давид»	264	Очарование лиц и тел
46	Несколько «секретов Полишинеля» от одного мастера	280	О дикой радости любви на диком-диком пляже
48	Тут и моя дань мудрым и великим...	285	Ретро – театральная быль
53	Когда талант и красота неразделимы	290	Картинки Старого Арбата
57	Неповторимым мастерам поклон!	296	Автопортреты в трёх стилях
58	О моём триптихе «Василий Верещагин. Притяжение Вечности»	300	Тетрамерон
68	О местечках и окраинах	301	Шальная жизнь
69	О трудягах с окраин империи стайка добрых картин и стихов	305	Шикарная Светлана и кое-что ещё, про капитана
93	Когда стихи картинам помогают, картины сами тянутся к стихам	309	«Чародейка» Лариса и вуайеристы
106	Святыни всех религий уважаю – часть нашей жизни и истории там есть	313	Хотелось бы опять в свои те 25
113	Порою удаляющихся лайнеров кипящие следы рождают ностальгические мысли	318	И снова три автопортрета... В глазах там прячутся Отелло, Гамлет, Риголетто!
114	Ах, эти лайнеры – "атланты" океанов	322	Картины сами по себе
123	Понемногу о многом	337	Ещё портретов напоследок
133	Социально и сердито	343	И с ними официальных заказных
139	О мире и войне	346	И вместо точки, молдавские этюды юных лет
144	Себе сам собеседник и судья	356	Флакон-2
152	Сказки-басни	357	Если у Вас есть мечта
158	Всё твоим чарам подчинить готов	358	Список опубликованных картин
169	Ещё о любви и о жизни...	363	Список графики и фото
179	Метафоры в картинах и словах	364	Коллекции
203	О жизни и любви, не сдерживая смеха	365	Выставки
218	Пересмешник	366	Содержание
		367	Победы автора в международных конкурсах изобразительного искусства. Призовые места

ОБЕДЫ АВТОРА В МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНКУРСАХ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА.

ПРИЗОВЫЕ МЕСТА

2018	Диплом и памятный знак Николаевского областного художественного музея им. В.В.Верещагина.	2020	«Век реализма». Чехия, Йиглава. «Эстетика обнажённой натуры». (1 место).
2019	«Арт-география». Израиль. Тель-Авив. (1место).	2020	«Век реализма». Чехия, Йиглава. «Жанровая картина». (3 место).
2019	«Арт-поэзия». Израиль. Тель-Авив. (1место).	2020	«Век авангардизма». Чехия, Йиглава. «Сюрреализм». (1, 3 места).
2019	«Неделя искусств». Италия. Кальтаджироне. «Урбанистический пейзаж и архитектурные линии». (1, 3 места).	2021	«Арт-Портрет». Россия. Москва. «Сюжетный портрет». (1, 2 места).
2019	«Неделя искусств». Китай. Пекин. «Общество и человек». (2 место).	2021	«Водный мир». Россия. Москва. «Вода и человек». (2 место).
2019-	«Современный Авангард». «Модернизм».	2021	«Люди и чувства». Россия. Москва. «Живопись». (1, 2 места).
2020	Россия. Санкт-Петербург. (1 место).	2021	«Искусство силуэта». Россия. Москва. «Движение в силуэте». (1 место).
2019-	«Современный Авангард». «Сюрреализм».	2021	«Искусство силуэта». Россия. Москва. «Он и Она». (1 место).
2020	Россия. Санкт-Петербург. (1, 2 места).	2021	«Эмоции». Россия. Москва. «Страх». (1 место).
2020	«Акварелиум». Бельгия. Брюссель. «Портрет». (2 место).	2021	«Арт-география». Россия. Москва. «Природа». (1, 2 места).
2020	«Акварелиум». Бельгия. Брюссель. «Водная стихия». (3 место).	2021	«Арт-география». Россия. Москва. «Архитектура». (1, 2 места).
2020	«Арт-любовь». Россия. Санкт-Петербург. «Графика». (1, 3 места).	2021	«Арт-география». Россия. Москва. «Этнос». (1 место).
2020	«Арт-любовь». Россия. Санкт-Петербург. «Скульптура». (1 место).	2021	«Российская премия искусств». Москва. «Символизм». (Лауреат I степени).
2020	«Арт-любовь». Россия. Санкт-Петербург. «Живопись». (1, 2 места).	2021	«Российская премия искусств». Москва. «Пастель». (Лауреат III степени).
2020	«Арт-любовь». Россия. Санкт-Петербург. «Этно». (1 место).	2021	«Российская премия искусств». Москва. «Авангард». (Лауреат III степени).
2020	«Арт-любовь». Россия. Санкт-Петербург. «Декор». (1 место).	2021	«Российская премия искусств». Москва. «Авангард». (Лауреат III степени).
2020	«Неделя искусств». Испания. Барселона. «Классическая живопись». (1, 2 места).	2021	«Российская премия искусств». Москва. «Авангард». (Диплом лауреата медали им. В.Сурикова).
2020	«Неделя искусств». Испания. Барселона. «Авангардная живопись». (2 место).	2021	«Российская премия искусств». Москва. (Медаль имени Василия Сурикова).
2020	«Женский образ». Россия. Москва. «Космос и женщина». (1 место).		
2020	«Портрет животного». Россия. Санкт-Петербург. «Живопись». (2 место).		

Аркадий Острицкий

Альбом картин, стихов и прозы

2-ое издание дополненное

Дизайн-макет:
Аркадий Острицкий,
Катерина Калинина

Израиль, 2025 — 368 с.

ISBN 978-965-561-437-4

© Аркадий Острицкий, 2025

© Все права сохраняются за автором. Данная книга или любая ее часть не может быть воспроизведена в какой-либо форме без письменного разрешения автора

© Издательство Beit Nelly Media, 2025

ул. а-Масгер 53, Тель-Авив, Израиль
+(972)-3-5610283, +(972)-54-4657509
www.beitnelly.com beitnelly@gmail.com

Аркадий Гершевич ОСТРИЦКИЙ

Аркадий Острицкий родился в 1948 году в г. Кишиневе. Отец, инженер-конструктор был известен в Молдавии своими изобретениями. Он неплохо рисовал и еще в раннем детстве сына передал ему понятия о масштабе, перспективе и светотени. Первые системные навыки рисунка он получил на архитектурном факультете Строительного техникума, где учился два года. Поняв, что рамки архитектуры стесняют его, поступил в Республиканское Художественное училище (колледж) им. Репина там же, в Кишиневе. Тогда оно было единственным учебным заведением в Молдавии, готовившим художников.

Аркадий работал в разных областях искусства. Проявил себя в анимации, театральной и торговой рекламе, городском оформлении, книжной графике, преподавал рисунок и скульптуру в республиканском Дворце Пионеров, клубах и кружках. Несколько лет выставлял свои акварели в Центральном выставочном зале Союза художников Молдавии. Участвовал в республиканских и всесоюзных художественных выставках.

В 1988 году в возрасте 40 лет поступил на художественно-графический факультет Педагогического университета им. И. Крянгэ, блестяще учился два года. Переехав в Израиль, понял, что в продолжении учебы уже нет необходимости и целиком посвятил себя творчеству.

С 1991 года живет и работает в Израиле. За эти годы написал сотни картин, оформил ряд книг, занимался рисованными фильмами, работал арт-директором в киностудии анимации «АРТИМА», оформил учебник Танаха для средних школ, ряд художественных и религиозных книг, преподавал изобразительное искусство в школе. Член правления Объединения Профессиональных Художников Израиля, член Евразийского Художественного Союза. Участник многих выставок в Израиле, США, России, Белоруссии, Бельгии, Италии, Испании, Чехии, Китае, Польше и др. Картины А. Острицкого находятся в музеях, галереях и частных коллекциях разных стран мира. Участник и победитель многих международных конкурсов.

The logo for Beit Nelly media. It features the word "Beit" above "Nelly" in a stylized, flowing script font. Below "Nelly" is the word "media" in a smaller, sans-serif font. There is a small graphic element resembling a stylized bird or flame above the letter "i" in "Nelly".

